

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)»

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА
В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник научных статей

Всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием)

(Москва, 24 марта 2026 года)

Том 2

Москва, 2026

*Печатается по решению Ученого совета Факультета социально-гуманитарных технологий ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
(протокол №8 от 26 марта 2026 г.)*

Редактор

Котовчихина Наталия Дмитриевна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры «Теория и практика непрерывного казачьего образования», директор Международного научно-методического центра по изучению литературного наследия
М. А. Шолохова

Члены редакционной коллегии:

Юлина Галина Николаевна — доцент, кандидат педагогических наук, доцент;
Богатырева Светлана Николаевна — доцент, кандидат филологических наук, доцент;
Шишов Сергей Евгеньевич — профессор, доктор педагогических наук, профессор;
Калита Виталий Владимирович - доцент, кандидат психологических наук, доцент;
Положенцева Ирина Вениаминовна - доцент, кандидат экономических наук, доцент.

Рецензент

Борисова Елена Георгиевна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков, ГАОУ ВО МГПУ

Русский язык и русская культура в мировом культурном пространстве: сб. науч. ст. по матер. Всероссийской научно-практической конференции (24 марта 2026 г.) с международным участием / под общ. науч. ред. Н. Д. Котовчихиной. Том 2. – Москва. 2026. – 151 с.

Настоящий сборник подготовлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Русский язык и русская культура в мировом культурном пространстве», которая проведена 24 марта 2026 года в МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ) в г. Москва. Материалы конференции охватывают широкий круг вопросов, связанных с рассмотрением роли и места русского языка и русской культуры в мировом культурном пространстве. В настоящее время это актуальная, сложная, дискуссионная проблема, так как на формирование отношения к русскому языку и русской культуре влияют политические, социальные и ряд других факторов, напрямую связанных с образованием молодежи. На конференции был актуализирован в качестве концептуального междисциплинарный научный подход, давший возможность объединить литературоведческие, лингвистические, исторические, методические, психолого-педагогические исследования на разных уровнях взаимопересечений.

Участники конференции особое внимание уделили вопросу о способах формирования у молодежи представления об эстетическом и нравственном потенциале русской культуры и русского языка – богатого и многофункционального, который передаёт молодому поколению традиции народа, и формирует представления о философской глубине русской истории и культуры. В ходе проведения конференции были рассмотрены: дискуссионный вопрос, широко обсуждающийся в мире: об активном внедрении искусственного интеллекта в разные сферы деятельности, в том числе в преподавание русского языка и литературы, а также вопрос о важной роли подвижничества в деле сохранения и продвижения русского языка и русской культуры в мировое культурное пространство. Цель сборника – познакомить широкие круги читателей с новыми методиками преподавания русского языка и русской литературы в школах и вузах разных регионов РФ и за рубежом, в формировании у молодежи стремления следовать традициям русской классики в деле сохранения русской культуры, ее сближения с лучшими образцами мировой культуры и искусства.

©ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г.Разумовского (Первый казачий университет), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Юлина Г.Н.5

Секция 1. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРАКТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Авдеева П.П.6

Смыслоопределяющие ценности в судьбе личности: психологический анализ произведения Виктора Франкла «Сказать жизни «да!»

Климова В. А.14

Подходы к преподаванию истории на английском языке, основанные на ИИ: возможности и проблемы

Кудрявцева Е.В.18

Л.Н. Толстой в переводах на английский язык: проблемы адекватности и художественной целостности

Преображенский А.Д.25

Сохранение культурной идентичности через русское эмигрантское издательство в европе в XX веке (на примере журнала «Часовой»)

Преображенская Е.А.30

Успешные инициативы по формированию имиджа России: анализ медиа-контента на английском языке

Свавицкая М. Е., Салаев Т.Б.34

Отражение идей патриотизма в русской культуре и художественном творчестве: психолого-педагогический аспект

Сластная К.Д.40

М. Ю. Лермонтов в контексте мировой переводческой традиции

Топалова Е.А.44

Отражение языкового сознания в речевой культуре и картине мира

Чугуец Д. И.49

Особенности перевода романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского

Секция 2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОВЫХ ПРАКТИК, ПРИНЦИПОВ, ПОДХОДОВ И ФОРМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ, НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аббасова В.Р., Илясова Е.Е.56

Влияние вербальных элементов в ребрендинге на примере компании «Лемана ПРО»

Авдеева П.П.59

Экзистенциальный выбор и психология судьбы: трагический гуманизм героев М.А. Шолохова в рассказе «Судьба человека»

Бородина Е.А.65

Цифровое фенотипирование и машинное обучение в практической психологии

Гунина П.Р.	70
Образ казака в зарубежной литературе	
Дуплинская А.П., Иванова П.А.	75
Особенности формирования ключевой лексики брендов для стратегии продвижения	
Иванова А.Ш.	79
Влияние христианства на древнерусское искусство	
Икрянникова А.А.	81
Виртуальный тур по литературному музею как способ изучения биографии писателя	
Ильин В.И.	85
История русскоязычной литературы эмиграции как инструмент межкультурной коммуникации	
Ковалева А.И.	90
Особенности применения нейросетей в обучении студентов-рекламистов при разработке рекламно-коммуникационного продукта	
Коняев А.В.	93
Исторический нарратив в школьных учебниках и его влияние на формирование культурной идентичности	
Курочкина П.А.	99
Фразеологизм «какая-то петрушка» в мировом культурном пространстве	
Леонова Ю.Ю.	104
Практика освоения русского языка и классической русской литературы среди студентов Вьетнама	
Логачева С.А.	110
Идейное и философское влияние в произведениях А.П. Чехова	
Львова Е.С.	117
Музейная экскурсия как метод обучения истории: от теории к практике	
Молодцова К.М., Паникова Е.С.	123
Сравнительный анализ стилистических особенностей экранизаций литературных произведений советского и постсоветского периодов (на примере романа М.А. Булгакова «Мастер И Маргарита»)	
Некора Е.Д.	128
Столкновение двух культур в романе В.В. Набокова «Лолита»	
Никулина Д.О.	135
Русская культурная эмиграция после 1917 г.: сохранение идентичности и взаимодействие с западным обществом	
Трушина К.С.	141
Теоретические основы психолого-педагогической коррекции речевых нарушений у детей	
Прокошев В.А.	146
Критика монографии Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» в послевоенные годы	
Шатохина А.А.	148
Значение исторических музеев в преподавании истории в школах	

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

От всей души приветствую вас на **Всероссийской научно- практической конференции (с международным участием) «Русский язык и русская культура в мировом культурном пространстве»**.

Конференция проводится в стенах нашего Университета 11-й год и имеет особое значение. Многолетняя история конференции — это не просто хронология, это летопись научных школ, крупнейших дружеских связей и преемственности поколений, которой мы по праву гордимся.

Особенно отраднo, что география участников с каждым годом расширяется. Сегодня в нашем зале и на виртуальных площадках собрались представители многих регионов Российской Федерации, а также наши коллеги из стран ближнего и дальнего зарубежья. Такое широкое представительство — лучшее доказательство того, что интерес к русскому языку, литературе и культуре не ослабевает, а напротив, обретает новое звучание в современном многополярном мире. Но особенно отраднo, что активными участниками этого серьёзного научного разговора становятся именно студенты.

Сегодня здесь собрались будущие хранители и проводники великого культурного наследия.

Русский язык — это не только грамматика и лексика, это матрица мышления, ключ к пониманию души нашего народа. А наша культура — это живой организм, который нуждается в бережном изучении и осмыслении.

Вам, как молодым ученым, я хочу дать три напутствия.

1. Смелости. Не бойтесь предлагать нестандартные гипотезы. Именно свежий взгляд, не замутненный штампами, часто рождает прорывные идеи.

2. Уважения к традициям. Прежде чем утверждать что-то новое, изучите труды классиков филологии и культурологии. Опирайтесь на фундамент, но стройте свои этажи.

3. Правильно выстраивать диалог. Ваша задача — не читать монолог, а вести дискуссию. Слушайте коллег из других городов и стран, впитывайте разные точки зрения.

Пусть эта конференция станет для вас стартовой площадкой в большую науку. Желаю вам ярких докладов, глубоких вопросов и новых друзей по интересам.

Помните: за вами — будущее русского языка и русской культуры в мире.

Юлина Галина Николаевна,
декан факультета
Социально-гуманитарных технологий,
к.п.н., доцент

**Секция 1. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
В ПРАКТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИКИ**

Авдеева П.П.

УДК: 159.98

**СМЫСЛООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЦЕННОСТИ В СУДЬБЕ ЛИЧНОСТИ:
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВИКТОРА ФРАНКЛА
«СКАЗАТЬ ЖИЗНИ «ДА!»**

Аннотация. Содержание статьи представляет собой проработку и анализ концептуальных положений австрийского учёного Виктора Франкла, послуживших основой для создания одного из главных направлений экзистенциальной психологии и психотерапии, а именно логотерапии – учении о поисках смысла жизни, смыслоопределяющих ценностях человека, его устремлённости обрести внутреннюю, духовно-психологическую основу для сохранения собственной личностной целостности даже в условиях угрозы самой жизни и утраты самооценности бытия. Виктор Франкл, выдающийся учёный и психотерапевт, считал, что вопрос о смысле жизни – это единственный вопрос, который надо задать судьбе, чтобы понять, ради чего человек живёт и обретает силы для дальнейшей интеллектуальной и творческой деятельности. Его собственная судьба стала тому ярким примером. В основе логотерапии содержатся выводы, которые Франкл сделал, будучи заключённым немецких концлагерей. В этих нечеловеческих условиях учёный наблюдал потрясающие вещи и пришел к важным выводам о силе человеческого духа. В своей замечательной книге «Сказать жизни "ДА!": психолог в концлагере» Франкл писал, что встречал среди своих собратьев по несчастью людей, которым каким-то непостижимым образом удавалось подавить в себе типичные в такой ситуации апатию и деградацию. Они каждый день шли сквозь бараки и, преодолевая боль, маршировали в строю. У них находились для товарищей по несчастью доброе слово и последний кусок хлеба. Виктор Франкл пришел к выводу, что деформация характера заключенного в концлагере зависела в конечном итоге от его внутренней установки.

Ключевые слова: психотерапия, логотерапия, Виктор Франкл, смысл жизни, судьба человека, экзистенциальная психология, сила человеческого духа.

Avdeeva P.P.

**MEANINGFUL VALUES IN PERSONALITY'S DESTINY: A
PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF VICTOR FRANKL'S WORK "TELLING
LIFE YES!"**

Abstract. The content of the article is a study and analysis of the conceptual provisions of the Austrian scientist Viktor Frankl, which served as the basis for the creation of one of the main branches of existential psychology and psychotherapy, namely logotherapy, the doctrine of the search for the meaning of life, the meaning-determining values of a person, and his desire to find an internal, spiritual, and psychological basis for preserving his own personal integrity, even in the face of threats to his life and the loss of the value of his existence. Viktor Frankl, a prominent scientist and psychotherapist, believed that the question of the meaning of life is the only question that should be asked of fate in order to understand what a person lives for and gain the strength to continue their

intellectual and creative pursuits. His own fate was a vivid example of this. The basis of logotherapy is the conclusions that Frankl made as a prisoner in German concentration camps. In these inhumane conditions, the scientist observed amazing things and came to important conclusions about the power of the human spirit. In his remarkable book "Saying Yes to Life: A Psychologist in a Concentration Camp," Frankl wrote that he encountered individuals among his fellow inmates who somehow managed to suppress the typical apathy and degradation that often occur in such situations. Every day, they walked through the barracks and marched in formation, despite the pain. They had kind words and the last piece of bread for their fellow inmates. Viktor Frankl concluded that the deformation of a prisoner's character in a concentration camp ultimately depended on their internal mindset.

Keywords: psychotherapy, logotherapy, Viktor Frankl, meaning of life, human destiny, existential psychology, and the power of the human spirit.

Введение

Австрийский психиатр, психолог, невролог Виктор Франкл хорошо известен всему миру как создатель популярного направления в психотерапии, которое называется «логотерапия» (от греческого «logos» — слово и «terapia» — забота, уход, лечение). Буквально это означает «лечение смыслом». Франкл пришел к выводу, что изначально мы ставим вопрос о смысле жизни неправильно. Если задать его корректно, то и ответ не заставит себя ждать. Свидетельства и личное участие учёного, врача в создании психологической помощи заключённым, находившимся в отчаянии и на грани суицида была в описываемых обстоятельствах неопределимой опорой и надеждой на выживание. Виктор Франкл особенно отмечал тот факт, что лагерная обстановка влияла на изменения характера лишь у того заключенного, кто опускался духовно и в чисто человеческом плане. А опускался тот, у кого уже не оставалось больше никакой внутренней опоры. Бессрочное заключение приводило к переживанию утраты будущего. Фраза, которой отчаявшийся отклонял все попытки подбодрить его, была типична: «Мне нечего больше ждать от жизни». Однако, по мнению Франкла, изначально вопрос о смысле жизни был поставлен неправильно. Дело не в том, чего мы ждем от жизни, а в том, чего она ждет от нас.

В содержании статьи представлены результаты теоретико-методологического анализа произведения Виктора Франкла, системный анализ, обобщение, моделирование и компаративный анализ.

Результаты исследования

Поскольку логотерапия относится к направлению экзистенциальной психологии, считаем целесообразным кратко остановиться на её основных положениях. Экзистенциальная психотерапия, развиваясь на основе философии экзистенциализма, аккумулировала наиболее ценные знания о развитии психики человека из глубинной и гуманистической психологии. История логотерапии восходит к 30-м годам XX века, отталкиваясь от таких направлений, как психоанализ Зигмунда Фрейда и индивидуальная психология Альфреда Адлера.

Значительный вклад в развитие данного направления внёс швейцарский психолог К.Г.Юнг (1875-1961). Он окончил университет в Цюрихе. Пройдя стажировку у известного психиатра П. Жане, он открыл собственную психологическую и психиатрическую лабораторию. В это же время он познакомился с первыми работами Фрейда, открыл для себя его теорию. Сближение с Фрейдом оказало решающее влияние на его научные взгляды. Сам же Фрейд в одно время считал именно Юнга

своим первым учеником и последователем. Однако вскоре выяснилось, что, несмотря на близость позиций и стремлений, между ними существуют и значительные разногласия, примирить которые им не удалось. Эти разногласия были связаны прежде всего с разным подходом к анализу бессознательного, так как Юнг, в отличие от Фрейда, утверждал, что «не только самое низкое, но и самое высокое в личности может быть бессознательным». Не соглашаясь с пансексуализмом Фрейда, Юнг считал либидо обобщенной психической энергией, которая может принимать различные формы. Юнг возражал против символической интерпретации снов или ассоциаций, разрабатываемой Фрейдом, считая, что необходимо идти вслед за символикой человека вглубь его бессознательного. Идеи глубинной психологии были продолжены и по-разному интерпретированы многими представителями психоанализа, в частности, Виктором Франклом.

Виктор Франкл (26 марта 1905 – 02 сентября 1997) в 1923 году изучал медицину в Венском университете, где позднее выбрал специализацию в области неврологии и психиатрии. Особо глубоко изучал психологию депрессий и самоубийств. Франкл вел переписку с Фрейдом, которая в итоге привела к тому, что рукопись Франкла была опубликована в Международном журнале Психоанализа. После трёх лет, проведенных в концлагерях, Франкл вернулся в Вену. В 1946 году он воссоздал и провел ревизию своей книги, которая была уничтожена во время его депортации, «Доктор и Душа», и книга «Человек в поисках смысла». Франкл разработал основы нового оригинального подхода и опубликовал их в 1938 г.

Основные понятия логотерапии: 1) психотерапия для повседневной жизни (из книги "психотерапия на практике"); 2) в борьбе за смысл; 3) десять тезисов о личности; 4) детерминизм и гуманизм: критика пандетерминизма; 5) доктор и душа; 6) духовность, свобода и ответственность; 7) коллективные неврозы наших дней.

Франкл высказывал идеи и практиковал углублённое экзистенциальное осознание, которое заключается в помощи пациентам по осмыслению конечности жизни и важности взятия на себя за нее ответственности. По мнению В. Франкла, клиенты должны усвоить, что они всегда ответственны за нахождение смысла в любой ситуации, сложившейся в их уникальной жизни. Они должны понять, что они ответственны за нахождение смысла в любой ситуации, при любых обстоятельствах. Учёный использовал методы работы при фокусировании на поисках смысла: оказание пациенту помощи в осознании голоса своей неосознаваемой духовности:

- постановка перед пациентами вопросов о смысле;
- увеличение источников смысла;
- выявление смысла через сократический диалог;
- выявление смысла через логодраму, которая методически напоминает психодраму Морено, однако, с акцентом на поиски смысла;
- предложение смысла. Франкл считает, что в отдельных случаях терапевт имеет на это право;
- анализ сновидений.

Виктор Франкл практиковал использование парадоксальной интенции, которая рекомендуется для краткосрочного лечения клиентов с навязчиво-компульсивными и фобическими психическими расстройствами. Суть метода заключается в том, чтобы

предложить клиенту сознательно усилить или продолжить свои симптомы или нежелательное поведение. Например, если у клиента есть фобия перед общественными выступлениями, парадоксальная интенция заключается в том, чтобы попросить клиента намеренно проявить свою фобию и осуществить выступление перед аудиторией. Целью метода, разработанного Виктором Франклом, является демонстрация клиенту абсурдности его собственных беспокойств и симптомов. При фобиях парадоксальная интенция применяется с целью уменьшения выраженности преждевременной тревоги, которая является реакцией клиентов на события и отражает страх повторения этих событий. Эффективным методом стала применяемая Франклом дерефлексия. Посредством метода дерефлексии пациент становится способным «игнорировать» свой невроз, отвлекая своё внимание от самого себя. Широко использовался и «сократовский диалог» – это персональное осмысление жизни. Прием заключается в том, чтобы человеку, утратившему смысл жизни, сказать, показать, что он нужен другому человеку, что жизнь без него теряет для этого человека смысл. Задача данного приема – вовлечение клиента в сотрудничество и расширение сферы его сознания. «Сократовский диалог» – своего рода интеллектуальный поединок между психологом и клиентом, в ходе которого корректируются непоследовательные, противоречивые и бездоказательные суждения клиента.

Франклом был разработан логоанализ («логос» – «смысл», «дух») с целью изучения жизни и ценностей пациента. Основными приёмами логоанализа стали расширение поля сознания и стимулирование творческого воображения. Применение данного способа позволило сделать следующие выводы:

- всегда существуют ответы, даже если они сейчас не видны;
- эти ответы заключены в нас самих. это глубокие духовные инсайты;
- способ открытия этих ответов — глубокий проникающий взгляд на собственную жизнь (инвентаризация жизни) и стимулирование творческого воображения.

С возникновением направления логотерапия психология приобрела новый опыт, до Виктора Франкла не занимался терапией в подобном направлении. Франкл сосредоточил свое внимание на вопросах о роли смысла в терапии и психопатологии.

Несколько слов о том, где искать это важное, ради чего стоит жить. По мнению Виктора Франкла, жизнь может стать осмысленной только через работу или через любовь. Первый путь – совершение поступков или создание творений. Второй путь – переживание чего-либо или по поводу кого-либо. «Что-либо» относится к природе, культуре, а «кто-либо» – это другой человек, которого мы любим. Если же человек нацелен только на решение материальных задач, рано или поздно он придет к экзистенциальному вакууму. Благодаря таким наблюдениям, Франкл пришел к интересному выводу: чтобы помочь человеку подняться и найти свои смыслы, надо исследовать не глубины его личности, как делал Фрейд, а её высоты, иначе говоря, не комплексы, травмы, недостатки и т.д., а возможности, способности, таланты и т.д. В конечном счете, какая разница, что у человека в минусе, когда у него такой потенциал в плюсе! Цель психотерапии – раскрыть предельные возможности человека, помочь ему совершить прорыв в другое измерение. Когда это удастся, уже не до неврозов и комплексов – и они исчезают сами собой. И пусть таких людей было мало, их пример подтверждает, что внутренне человек может быть сильнее своих внешних

обстоятельств, потому что у него всегда есть свобода отнестись к ним «или так, или иначе». И это «так или иначе» у него отнять нельзя.

«Чувствуете, какая огромная разница? Спрашивайте судьбу, что она ждет от вас, и тогда есть шанс найти свой смысл жизни». Франкл приводит в книге два примера, когда ему с помощью правильно заданного вопроса удалось доказать двум своим собратьям по несчастью, что умирать им пока рано – судьба еще что-то от них ждет. Хорошенько подумав, они нашли то важное, что ждет их в будущем. Оказалось, что одного ждал на чужбине его обожаемый ребенок. Другого не ждал никто персонально, но его ждало дело. Он был ученым, готовил и издавал серию книг по географии. Она осталась незаконченной. Сделать эту работу вместо него не мог никто. Им было ради чего жить».

Прочтение книги Виктора Франкла «Сказать жизни "да!" Психолог в концлагере» затрагивает глубины души. Поразительно, насколько сильным духом может быть человек. Данная книга убеждает, что самое главное в жизни - оставаться Человеком, именно Человеком с большой буквы. Книга основана на личном опыте автора в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны. Основная цель книги: показать, что человек способен найти смысл даже в самых ужасных обстоятельствах. Первоначально автор планировал опубликовать её анонимно, однако родственники и друзья убедили его поставить свою фамилию.

Самому Франклу было ради чего жить: в концлагерь он взял с собой рукопись книги с первым вариантом учения о смысле, и его заботой было сначала попытаться сохранить ее, а затем, когда это не удалось, - восстановить утраченный текст. Кроме того, до самого освобождения он надеялся увидеть в живых свою жену, с которой он был разлучен в лагере, но этой надежде не суждено было сбыться - жена погибла, как и практически все его близкие. В том, что он сам выжил, сошлись и случайность, и закономерность. Случайность – что он не попал ни в одну из команд, направлявшихся на смерть, направлявшихся не по какой-то конкретной причине, а просто потому, что машину смерти нужно было кем-то питать. Закономерность - что он прошел через все это, сохранив себя, свою личность, свое «упрямство духа», как он называет способность человека не поддаваться, не ломаться под ударами, обрушивающимися на тело и душу: «Если попытаться хотя бы в первом приближении упорядочить огромный материал собственных и чужих наблюдений, сделанных в концлагерях, привести его в какую-то систему, то в психологических реакциях, заключенных можно выделить три фазы: прибытие в лагерь, пребывание в нем и освобождение».

Фаза первая: прибытие в лагерь

Франкл описывает первые дни в лагере: шок, дезориентация, ощущение полной бессмысленности: «Безвыходность ситуации, ежедневная, ежечасная, ежеминутная угроза гибели – все это приводило почти каждого из нас, пусть даже мельком, ненадолго, к мысли о самоубийстве Самоубийство здесь теряло смысл, потому что вообще было невозможно рассчитывать на сколько-нибудь долгую жизнь». Основные физические и психологические трудности: голод, холод, болезни, унижения. Ключевая мысль была таковой: выживание не зависит только от физической силы, но и от внутреннего состояния человека.

Фаза вторая: жизнь в лагере. Апатия

«Через несколько дней психологические реакции начинают меняться. Пережив первоначальный шок, заключенный понемногу погружается во вторую фазу – фазу относительной апатии, когда в его душе что-то отмирает».

Находясь в ситуации, когда тебя постоянно бьют, унижают и считают пустым местом, мало найдется тех, кто не сломается психологически – это безумно трудно, когда вместо имени, вместо твоего прошлого, твоей биографии и твоих достижений тебе достается номер. И все твое прошлое стирается – проводится грань между вчера и завтра, теперь ты – всего лишь номер, и все твое прошлое не имеет значения... «Апатия, внутреннее оупение, безразличие – эти проявления второй фазы психологических реакций заключенного делали его менее чувствительным к ежедневным, ежечасным побоям. Именно этот род нечувствительности можно считать необходимейшей защитной броней, с помощью которой душа пыталась оградить себя от тяжелого урона». «Помимо рассмотренных выше разнообразных аффективных реакций, человека, попавшего в лагерь, мучают и иные душевные переживания, которые он пытается в себе заглушить. Прежде всего, это безграничная тоска по близким и родным, оставшимся дома. Она может быть такой жгучей, что захватывает все его существо. Затем появляется отвращение ко всему, на что падает его взгляд. Как и все его товарищи, он одет сейчас в такие лохмотья, что огородное пугало показалось бы по сравнению с ним элегантным».

«Возвращаясь к апатии как главному симптому второй фазы, следует сказать, что это – особый механизм психологической защиты. Реальность сужается. Все мысли и чувства концентрируются на одной-единственной задаче: выжить! И вечером, когда измученные люди возвращались с работ, от всех можно было слышать одну фразу-вдох: ну, еще один день позади!»

«Психоаналитически ориентированные коллеги из числа товарищей по несчастью часто говорили о «регрессии» человека в лагере, о его возвращении к более примитивным формам душевной жизни. Эта примитивность желаний и стремлений ясно отражалась в типичных мечтах заключенных... О чем чаще всего мечтают заключенные в лагере? О хлебе, о торте, о сигаретах, о хорошей горячей ванне. Невозможность удовлетворения самых примитивных потребностей приводит к иллюзорному переживанию их удовлетворения в бесхитростных грезах». «Отмирали все духовные запросы, все высокие интересы. В общем, все, что относится к области человеческой культуры, впало в некий род зимней спячки».

Основная мысль второй фазы: «...только любовь есть то конечное и высшее, что оправдывает наше здешнее существование, что может нас возвышать и укреплять! Да, я постигаю смысл того итога, что достигнут человеческой мыслью, поэзией, верой: освобождение - через любовь, в любви! Я теперь знаю, что человек, у которого нет уже ничего на этом свете, может духовно – пусть на мгновение – обладать самым дорогим для себя – образом того, кого любит». «Духовная свобода человека, которую у него нельзя отнять до последнего вздоха, дает ему возможность до последнего же вздоха наполнять свою жизнь смыслом». «Человек терял ощущение себя как субъекта не только потому, что полностью становился объектом произвола лагерной охраны, но и потому, что ощущал зависимость от чистых случайностей, становился игрушкой судьбы».

Внутренняя свобода. «Представленная здесь попытка психологического описания и психопатологического объяснения типичных черт характера, которые формировались у заключенного за годы пребывания в лагере, может создать впечатление, будто состояние человеческой души неумолимо и однозначно зависит от окружающих условий. Ведь, казалось бы, в лагерной жизни своеобразная социальная среда принудительно определяет поведение людей. Но против этого можно с полным правом выдвинуть возражения, задать вопрос: а как же тогда быть с человеческой свободой? ... Разве не существует духовной свободы, самоопределения, отношения к заданным внешним обстоятельствам? Неужели человек действительно не более чем продукт многочисленных условий и воздействий, будь то биологические, психологические или социальные?». «Кто из переживших концлагерь не мог бы рассказать о людях, которые, идя со всеми в колонне, проходя по баракам, кому-то дарили доброе слово, а с кем-то делились последними крошками хлеба? И пусть таких было немного, их пример подтверждает, что в концлагере можно отнять у человека все, кроме последнего – человеческой свободы, свободы отнестись к обстоятельствам или так, или иначе».

«А отречься от свободы и достоинства значило превратиться в объект воздействия внешних условий, позволить им вылепить из тебя «типичного» лагерника... Нет, опыт подтверждает, что душевные реакции заключенного не были всего лишь закономерным отпечатком телесных, душевных и социальных условий, дефицита калорий, недосыпа и различных психологических «комплексов».

Фаза третья: после освобождения

«Душевное напряжение сменилось расслабленностью. Но ошибается тот, кто думает, что среди нас воцарилась радость». «То, что испытали освобожденные лагерники, в психологическом аспекте можно определить как выраженную деперсонализацию. Все воспринималось как иллюзорное, ненастоящее, казалось сном, в который еще невозможно поверить. Ведь часто, слишком часто в последние годы мы видели подобные сны. Снилось что этот день настал, что можно идти куда хочешь». Было очень грустно читать это... Однако еще более грустно было осознавать, что все приложенные усилия для выживания настолько обессилили лагерников, что теперь их заветная мечта-жизнь на воле- была не чем- то воодушевляющим, а, напротив, не вызвала никаких эмоций.

Пьеса с мыслителями

Пьеса «Синхронизация в Биркенвальде» в книге Виктора Франкла «Сказать жизни „Да!“» служит художественной формой выражения философских идей автора. В этом произведении ярко выражена основная идея Франкла: в земных страданиях людей заключён высший смысл, а именно: научиться преодолевать эти страдания силами души и возвыситься над самим собой.

Заключение

Логотерапия – это психотерапия, основанная на поиске смысла жизни. Виктор Франкл выделяет три пути нахождения смысла.

1. Через работу или творчество – создание чего-то ценного.
2. Через переживания и любовь – опыт взаимоотношений, красота, духовные переживания.
3. Через страдание – умение извлечь смысл из неизбежной боли.

Виктор Франкл делает акцент на внутреннем мире человека, который невозможно лишить даже в самых экстремальных условиях. Человек способен быть выше обстоятельств через самоотдачу, любовь, творчество и смысл. Виктор Франкл, будучи заключенным немецких концлагерей, сделал вывод о том, что, находясь даже в самых тяжёлых условиях, человек может обрести смысл и ценность своего бытия, своей уникальной экзистенции. Находясь в нечеловеческих условиях, ученый наблюдал за поведением, судьбами своих товарищей по испытаниям и пришел к важным выводам о силе человеческого духа. В своей замечательной книге «Сказать жизни "ДА!": психолог в концлагере» Франкл писал, что встречал среди своих братьев по несчастью людей, которым каким-то непостижимым образом удавалось подавить в себе типичные в такой ситуации апатию и деградацию. Они каждый день шли сквозь бараки и, преодолевая боль, маршировали в строю. У них находились для товарищей по несчастью доброе слово и последний кусок хлеба. Виктор Франкл пришел к выводу, что деформация характера заключенного в концлагере зависела в конечном итоге от его внутренней установки.

Список литературы

1. Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие / Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком / Под ред. А.А. Леонтьева, Т.В. Рябовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 56—56.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. М.: СМЫСЛ, 2003.
3. Лэнгле А. Виктор Франкл — поверенный человечности / Пер. с нем. А.В. Лызлова, Б.С. Братуся // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 107—112.
4. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
6. Франкл В. Доктор и душа. М.: Ювента. Библиотека зарубежной психологии. 1997.
7. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / Пер. с нем.; сост. и послесл. А.А. Гусейнова. М.: Прогресс, 1992.

Сведения об авторах

Авдеева Полина Павловна – студентка 2 курса, направления подготовки: 44.03.02 «Психолого-педагогическое направление», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: 4pondra@gmail.com

Научный руководитель – Шафажинская Наталия Евгеньевна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Information about the authors

Avdeeva Polina Pavlovna – 2nd year bachelor's degree student majoring in Psychological and Pedagogical Education (44.03.02) K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: 4pondra@gmail.com

Scientific supervisor - Shafazhinskaya Natalia Evgenievna, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

УДК 316.774 + 811

ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ИСТОРИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ, ОСНОВАННЫЕ НА ИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в технологии интегрированного предметно-языкового обучения, а также теория «Content and Language Integrated Learning». Анализируются возможности ИИ по автоматизации рутинных задач, адаптации учебного материала и созданию разнообразного контента, а также выявляются проблемы, связанные с неточностями в лексике, ошибками при генерации иллюстраций и искажением фактов. Отмечается, что роль педагога остаётся центральной, поскольку именно преподаватель обеспечивает контроль качества и корректировку информации, что гарантирует достоверность и эффективность образовательного процесса. Делается вывод о необходимости интеграции ИИ как вспомогательного инструмента при условии постоянного повышения квалификации педагогов и ответственности за итоговый результат.

Ключевые слова: искусственный интеллект, CLIL, история, английский язык, педагогическая технология, предметно-языковое обучение.

Klimova V. A.

APPROACHES TO TEACHING HISTORY IN ENGLISH BASED ON AI: OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Abstract. The article discusses the advantages and disadvantages of using artificial intelligence in the technology of integrated subject-language learning, as well as the theory of Content and Language Integrated Learning. The possibilities of AI for automating routine tasks, adapting educational material and creating a variety of content are analyzed, as well as problems related to inaccuracies in vocabulary, errors in generating illustrations and distortion of facts are identified. It is noted that the role of the teacher remains central, since it is the teacher who ensures quality control and correction of information, which guarantees the reliability and effectiveness of the educational process. It is concluded that it is necessary to integrate AI as an auxiliary tool, provided, that teachers are constantly improving their skills and are responsible for the final result.

Keywords: Artificial intelligence, CLIL, history, English language, pedagogical technology, subject-language learning.

Введение

Преподавание истории на английском языке – это комплексная задача, которая объединяет образовательные цели двух дисциплин: истории и иностранного языка. В условиях цифровизации разработку учебно-методических комплексов и их реализацию можно оптимизировать с помощью технологий искусственного интеллекта (ИИ). [1]

Теоретической базой настоящего исследования послужили труды по педагогике Д. Марша, Д. Койла, Ф. Худа, Л.Л. Салеховой, К.С. Григорьевой, М.А. Лукояновой и статьи об искусственном интеллекте и лингвистике Т.В. Букиной, В.И. Озюменко, Т.В. Лариной. Исследование опирается на «Концепцию преподавания учебного курса „История России“ в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы» (утверждена решением Коллегии Министерства просвещения РФ, протокол от 23.10.2020 № ПК-1 вн).

Предмет исследования: Принципы и методы интегрированного предметно-языкового обучения (CLIL) в преподавании истории на английском языке.

Объект исследования: Процесс преподавания истории на английском языке с использованием искусственного интеллекта.

Цель исследования: выявить возможности применения искусственного интеллекта для оптимизации процессов преподавания истории на английском языке и выявить ограничения данного подхода.

Задачи исследования

1. Рассмотреть теоретические основы интегрированного предметно-языкового обучения «Content and Language Integrated Learning, CLIL».

2. Проанализировать потенциал ИИ в рамках данной теории.

3. Определить трудности, связанные с применением ИИ при реализации учебного плана.

4. Оценить эффективность использования ИИ при преподавании истории на английском языке.

Методы исследования

– обзор теоретической литературы по CLIL и применению ИИ в образовании;

– исследование практического опыта внедрения ИИ в учебный процесс;

– критический анализ проблем и ограничений в использовании ИИ.

Результаты исследования

Идею интегрированного предметно-языкового обучения с одновременным изучением предмета и иностранного языка впервые озвучил Ян Амос Коменский. Современное определение теории предложил Дэвид Марш, подчёркивая двойную цель CLIL – овладение предметными знаниями и иностранным языком [4].

Л.Л. Салехова, К.С. Григорьева и М.А. Лукоянова ключевой сложностью называют недостаточную разработанность учебно-методических материалов, требующих учёта лингвистического и предметного уклонов. В практике выделяются два подхода: предметно-ориентированный (акцент на содержании дисциплины) и лингвистически-ориентированный (главное – изучение языка). Эти принципы универсальны и применимы ко всем языкам и учебным дисциплинам [6, с. 101].

Важным условием успешного обучения является достаточный уровень владения иностранным языком у учащегося для восприятия учебного материала. Лишь при этом достигается сбалансированное выполнение образовательных целей. [1]

Одним из ключевых факторов успешного преподавания является использование разнообразного учебного материала, в том числе мультимедийных ресурсов и наглядных пособий, что способствует лучшему усвоению информации.

Рассматривая теоретические основы технологии, реализация CLIL требует от педагога решения нескольких задач: разработки УМК с учётом языкового уровня обучающихся и создания интересного, разнообразного контента, способствующего мотивации и эффективности обучения [6, с. 101].

На сегодняшний день общество достигло высокого уровня развития искусственного интеллекта, который способен решать задачи CLIL. [7] В рамках данного исследования возьмём за основу предметно-ориентированный подход. Учебно-методический комплекс (УМК) по ФГОС включает учебник, сборник

документов, мультимедийные альбомы, контрольные программы и прочие материалы [4]. Эти материалы необходимо перевести на изучаемый язык (в нашем случае английский) с учётом текущего уровня владения языком обучающимися.

Использование ИИ в данном процессе позволит эффективно подбирать соответствующую лексику и адаптировать материалы под уровень учащихся. Дополнительным значительным преимуществом является возможность генерации иллюстративного контента, которого нет в открытом доступе в Интернете. ИИ умеет создавать тестовые задания на основе имеющихся материалов, что значительно оптимизирует процесс подготовки педагогов [2, с. 76-83].

Анализируя потенциал ИИ с точки зрения предметно-ориентированного подхода, можно сделать вывод о широких возможностях его применения для облегчения работы учителя и повышения качества образовательного процесса.

Несмотря на многочисленные преимущества систем ИИ, они по-прежнему остаются несовершенными. В связи с этим возникают определённые трудности при их использовании, среди которых можно выделить следующие основные проблемы.

1. Неточности в подборе лексических эквивалентов, которые приводят к снижению уровня понимания культурных и контекстуальных особенностей языка, что негативно влияет на качество перевода и адаптации учебных материалов [5].

2. Искажения при генерации иллюстративного контента – возможны случаи, когда результат не соответствует заданному промту либо содержит визуальные ошибки, что снижает его педагогическую ценность.

3. Феномен «додумывания» фактов – искусственный интеллект нередко генерирует недостоверную информацию или вымышленные данные в ситуации отсутствия точных ответов, что может вводить пользователей в заблуждение.

4. Необходимо регулярно повышать квалификацию педагогов и специалистов, чтобы правильно интерпретировать и корректировать продукты, создаваемые ИИ, а также эффективно интегрировать технологии в образовательный процесс.

Учитывая названные сложности, можно сделать вывод, что работа с системами ИИ требует тщательной подготовки и постоянного контроля со стороны квалифицированных специалистов. [7] Обязательным условием является многоступенчатая проверка создаваемых ИИ материалов для обеспечения их достоверности, соответствия образовательным стандартам и педагогическим целям. Только при таком подходе использование искусственного интеллекта может способствовать оптимизации учебного процесса и повышению его качества без снижения образовательной эффективности [2, с. 76-83].

Заключение

Использование ИИ в преподавании истории на английском языке обладает как значительными преимуществами, так и существенными ограничениями, которые необходимо учитывать педагогам при работе с этими технологиями. ИИ способен повысить эффективность образовательного процесса за счёт автоматизации рутинных задач, создания разнообразных учебных материалов и адаптации содержания под индивидуальные потребности учащихся. Однако недостатки – неточности при подборе лексических эквивалентов, ошибки в генерации иллюстративного контента, а также склонность ИИ к «додумыванию» фактов – требуют пристального контроля и профессиональной корректировки со стороны преподавателя.

Роль педагога остаётся ключевой и ведущей. Новые технологии следует рассматривать исключительно как инструмент, призванный оптимизировать работу преподавателя, а не заменять его профессиональное суждение и опыт. Только интеграция человеческого фактора с инновационными решениями позволит достичь высокого уровня образовательных результатов и сохранить академическую достоверность при обучении истории на английском языке.

Список литературы

1. Алиева П.Ш. Интеграция искусственного интеллекта в образовании: поиск баланса / В сборнике: Система образования в эпоху искусственного интеллекта: проблемы и направления развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 77-81. – EDN: JOKQQN
2. Букина Т. В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. №1 (129). С. 76–83. – <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-obrazovanii-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 09.03.2026).
3. Койл Д., Худ Ф., Марш Д. Интегрированное изучение содержания и языка. –Кембридж: Издательство Кембриджского университета. – 2010. С. 184. – https://archive.org/stream/clil-content-and-language-integrated-learning-do-coyle-philip-hood-david-marsh-z-library/CLIL%20Content%20and%20Language%20Integrated%20Learning%20%28Do%20Coyle%2C%20Philip%20Hood%2C%20David%20Marsh%29%20%28Z-Library%29_djvu.txt (дата обращения: 11.03.2026).
4. Концепция преподавания учебного курса „История России“ в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы», утверждённая решением Коллегии Министерства просвещения РФ (протокол от 23 октября 2020 года №ПК-1вн). – <https://base.garant.ru/75023299/> (дата обращения: 08.03.2026).
5. Озюменко В. И., Ларина Т. В. Искусственный интеллект в переводе: сильные и слабые стороны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языковедение. – 2025. – Т. 24, №1. – С. 117–130. – <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-perevode-silnye-i-slabye-storony> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Салехова Л.Л. Педагогическая технология двуязычного обучения CLIL: учебно-методическое пособие / Л.Л. Салехова, К.С. Григорьева, М.А. Лукоянова. – Казань: КФУ, 2020. С. 101. – https://kpfu.ru/staff_files/F1656635545/UMP_Ped_tekhnologiya_dvuyazychnogo_obucheniya_CLIL_Salakhova_L.L._Grigoreva_K.S._Lukoyanova_M.A..pdf (дата обращения: 12.03.2026).
7. Сайкинов В.Е., Золкин А.Л., Положенцева И.В., Новикова Т.Е. влияние искусственного интеллекта на экономику и социальную сферу // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 2. № 1 (154). С. 155-163. - DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.01.02.017

Сведения об авторах

Климова Виктория Александровна – студентка 3 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: vika0805200510@gmail.com

Научный руководитель – Алиева Патимат Шапиулаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

Information about the authors:

Klimova Victoria Alexandrovna – 3rd year bachelor’s degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: vika0805200510@gmail.com

Scientific supervisor – Aliyeva Patimat Shapiulayevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

УДК: 821.161.1.09

Л.Н. ТОЛСТОЙ В ПЕРЕВОДАХ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ АДЕКВАТНОСТИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Аннотация. Цель исследования – провести комплексный историко-сопоставительный анализ ключевых стратегий перевода произведений Л.Н. Толстого на английский язык, выявив их эволюцию от ранних адаптаций к современным подходам, и оценить их влияние на адекватность передачи авторского стиля, культурного контекста и художественной целостности. Исследование построено на сравнительно-сопоставительном анализе оригинальных текстов Л.Н. Толстого и их английских версий разных периодов, включая переводы Констанс Гарнетт, Луизы и Эйлмера Мод, Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской, а также материалы современных переводчиков (Н. Пастернак Слейтер, М. Слейтер). Используются методы стилистического анализа, лингвокультурологического комментария и историко-литературной интерпретации. Исследование демонстрирует, что история переводов Л.Н. Толстого отражает смену переводческих парадигм: от доминирования стратегии доместикации (адаптации к викторианским нормам) в конце XIX – начале XX вв. к стратегии форенизации (сохранения «русскости» и сложности оригинала) в конце XX – XXI вв. Каждый этап порождает специфические искажения и открытия. Ранние переводы, несмотря на потери в области стиля и культурных реалий, сыграли решающую роль в популяризации Л.Н. Толстого на Западе. Современные переводы стремятся к максимально точной передаче синтаксиса, лексических повторов и «неудобных» элементов текста, формируя более аутентичный, но зачастую более сложный для восприятия образ писателя. Проблема перевода культурно-маркированной лексики (реалий) остается центральной на всех этапах, требуя от переводчика глубоких экстралингвистических знаний и творческих решений.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, художественный перевод, переводческие стратегии, адекватность перевода, культурные реалии, «Анна Каренина», «Война и мир», Констанс Гарнетт, сравнительный анализ.

Kudryavtseva E.V.

LEO TOLSTOY IN ENGLISH TRANSLATIONS: ISSUES OF ADEQUACY AND ARTISTIC INTEGRITY

Abstract. The aim of the study is to conduct a comprehensive historical and comparative analysis of the key strategies for translating Leo Tolstoy's works into English, identifying their evolution from early adaptations to modern approaches, and assessing their impact on the adequacy of conveying the author's style, cultural context and artistic integrity. The study is based on a comparative analysis of Tolstoy's original texts and their English versions from different periods, including translations by Constance Garnett, Louise and Aylmer Maude, Richard Pevear and Larissa Volokhonsky, as well as materials from contemporary translators (N. Pasternak Slater, M. Slater). The methods of stylistic analysis, linguocultural commentary and historical-literary interpretation are used. The research demonstrates that the history of Tolstoy's translations reflects a shift in translation paradigms: from the dominance of the domestication strategy (adaptation to Victorian norms) in the late 19th and early 20th centuries to the strategy of foreignization (preserving the "Russianness" and complexity of the original) in the late 20th and 21st centuries. Each stage generates specific distortions and discoveries. Early translations, despite losses in style and cultural realities, played a decisive role in popularizing Tolstoy in the West. Modern translations strive for maximum accuracy in conveying syntax, lexical repetitions and "uncomfortable" elements of the text, forming a more authentic, but often more complex image of the writer. The problem of translating culturally marked vocabulary (realia)

remains central at all stages, requiring the translator to have deep extralinguistic knowledge and creative solutions.

Keywords: Leo Tolstoy, literary translation, translation strategies, translation adequacy, cultural realia, "Anna Karenina", "War and Peace", Constance Garnett, comparative analysis.

Введение

Мировое признание Льва Николаевича Толстого было бы невозможным без труда переводчиков, выступающих посредниками между представителями русской культурой и культурой зарубежных читателей. Однако перевод его текстов – задача исключительной сложности. Произведения Л.Н. Толстого представляют собой уникальный сплав глубокого психологизма, философской рефлексии, исторической масштабности и специфического стиля, для которого характерны синтаксическая монументальность, нарочитая повторяемость лексики и насыщенность культурно-историческими реалиями. История переводов произведений Л.Н. Толстого на английский язык насчитывает более полутора веков и является не просто хроникой лингвистических усилий, а живым отражением диалога культур, эволюции переводческой мысли и меняющихся ожиданий англоязычной аудитории. Изучение этого вопроса позволяет понять, каким образом формировался и трансформировался образ великого русского писателя на Западе, а также выявить универсальные и специфические проблемы перевода русской классической прозы.

Цель исследования: провести комплексный историко-сопоставительный анализ ключевых стратегий перевода произведений Л.Н. Толстого на английский язык, выявив их эволюцию и оценив влияние на адекватность передачи авторского стиля, культурного контекста и художественной целостности.

Задачи исследования

1. Проследить историческую эволюцию и выделить основные этапы в практике перевода Л.Н. Толстого на английский язык.
2. Выявить и систематизировать основные лингвистические, стилистические и культурологические трудности, с которыми сталкиваются переводчики.
3. Провести сравнительный анализ переводческих стратегий (доместикации и форенизации) в работах ключевых переводчиков разных эпох.
4. Оценить влияние выбранных стратегий на рецепцию творчества Л.Н. Толстого в англоязычном мире и на формирование его образа.

Теоретико-методологические основы исследования базируются на трудах отечественных и зарубежных теоретиков перевода (Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, С. Влахов и С. Флорин, Л. Венути). Методология включает сравнительно-сопоставительный анализ параллельных текстов (оригинал и несколько переводов), стилистический анализ для выявления авторских приемов и способов их передачи, лингвокультурологический анализ для исследования перевода реалий, а также историко-литературный подход для интерпретации переводческих решений в контексте эпохи их создания.

Обзор литературы

Проблема перевода русской классики, и, в частности, Л.Н. Толстого, является предметом постоянного научного интереса. В отечественном переводоведении вопросы адекватности исследуются в работах Ю.Д. Левина, Б.А. Ларина, М.П.

Алексеева, которые анализируют потери и находки с лингвистической и сравнительно-литературной позиций [3]. Особое внимание уделяется проблеме безэквивалентной лексики и реалий. Как справедливо отмечается в исследованиях, реалии как носители национального и исторического колорита, не имеющие точных соответствий в других языках, требуют особого подхода и являются частью безэквивалентной лексики [4]. Ученые (Л.С. Бархударов, А.В. Федоров, С. Влахов и С. Флорин, Г.Д. Томахин) разрабатывают классификации способов передачи реалий, включающие транскрипцию, калькирование, описательный и приблизительный перевод [4; 5]. Практический анализ перевода реалий, например, в трилогии «Детство. Отрочество. Юность», наглядно демонстрирует трудности, с которыми сталкиваются переводчики при передаче таких понятий, как «кацавейка», «зипун» или «ваточная чуйка», и показывает разнообразие применяемых стратегий — от точного описания до ошибочной передачи [4].

Зарубежные исследователи (Дж. Штайнер, С. Баснетт) рассматривают феномен Л.Н. Толстого в западном контексте. Значительный пласт составляют критические работы, посвященные конкретным переводчикам. Переводы Констанс Гарнетт подвергаются полярным оценкам: с одной стороны, их критикуют за «викторианизацию», упрощение и даже искажение текста (например, за пропуск «лишнего и непонятного» и нивелирование стиля) [1], с другой — признают их колоссальную роль в «открытии» русской литературы для англоязычного мира, обеспечившую массовую популярность Л.Н. Толстого [1; 3]. Более точными в фактологическом плане считаются переводы Луизы и Эйлмера Мод, выполненные при консультациях с самим Л.Н. Толстым и стремящиеся к максимальной точности в передаче деталей [8]. Современные переводы Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской стали предметом оживленных дискуссий в контексте новой парадигмы, ставящей во главу угла максимальную верность оригиналу во всех его аспектах, включая синтаксис и сохранение «чужеродности» текста [3]. Актуальность темы подтверждается постоянным появлением новых переводов и интерпретаций, призванных приблизить текст к современному читателю [3], а также регулярным проведением международных семинаров переводчиков в Ясной Поляне, где специалисты обсуждают конкретные трудности, такие как передача порядка слов для сохранения авторской динамики или перевод исторически обусловленных титулов и реалий [3].

Методы исследования

Основным методом является сравнительно-сопоставительный анализ фрагментов оригинальных текстов Л.Н. Толстого (романы «Анна Каренина», «Война и мир», трилогия «Детство. Отрочество. Юность») и их английских переводов, выполненных в разные эпохи [4]. Для углубленного изучения культурологического аспекта применяется лингвострановедческий анализ, фокусирующийся на передаче реалий и безэквивалентной лексики [4]. Стилистический анализ используется для выявления и сравнения способов передачи авторских доминант: сложного синтаксиса, лексических повторов (где одно и то же слово в разных контекстах может нести различную смысловую и эмоциональную нагрузку [3], интонационного рисунка. Использование лингвокультурологического анализа языковых средств будет «способствовать пониманию механизмов формирования и передачи культурной памяти, что особенно актуально в условиях глобализации и стирания культурных

границ». [11, с. 53] Полученные данные интерпретируются с помощью историко-культурного метода, что позволяет связать переводческие решения с литературными нормами и ожиданиями целевой аудитории соответствующего периода.

Результаты исследования

1. Исторический контекст и этапы переводческой рецепции

Первые переводы Л.Н. Толстого на английский появились в 1860-х годах («Детство» и «Отрочество» в переводе Мальвиды фон Мейзенбург), но широкий интерес на Западе возник после публикации «Войны и мира» и «Анны Каренины» в 1870-1880-х годах [2]. Уже тогда критика отметила «моральную чистоту» Л.Н. Толстого, а виконт де Вогиюэ заявил о смещении культурного центра в Россию [5]. Однако путь произведений к читателю был непрост: так, в викторианской Англии «Анна Каренина» была внесена в список непристойных книг, что лишь подстегнуло интерес [5]. Статистика свидетельствует о неослабевающем внимании: только на английский язык произведения Л.Н. Толстого переводились более 40 раз, а «Война и мир» – не менее десяти раз [5]. По оценке Рэйчел Мэй, к 1889 году в США было опубликовано 27 отдельных изданий романов и рассказов Л.Н. Толстого [5]. Этот постоянный процесс перевода и переиздания указывает на отсутствие единственного канонического перевода и на стремление каждой эпохи найти собственный ключ к толстовскому тексту. Популярность Л.Н. Толстого быстро росла, особенно в США, где его произведения вызвали как восхищение, так и критику, как отмечал в 1889 году обозреватель М. Томпсон в журнале *Literary World* [5].

2. Эволюция переводческих стратегий: от доместикации к форенизации

История переводов Л.Н. Толстого демонстрирует четкую эволюцию от стратегии доместикации (приближения текста к культурным нормам читателя) к стратегии форенизации (сохранения инородности и особенностей оригинала).

Переводы Констанс Гарнетт (конец XIX – начало XX веков) сыграли ключевую роль в популяризации русской литературы в англоязычном мире. Её работы стали культурным мостом, открыв доступ к русской классике, несмотря на некоторые критические замечания о буквальности переводов.

Констанс Гарнетт перевела 70 томов русской прозы, включая главные труды Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского [2]. Её метод был обусловлен викторианскими литературными канонами и скоростью работы: она активно сглаживала текст, разбивая длинные периоды, и, по свидетельству Владимира Набокова и Корнея Чуковского, пропускала непонятые слова и фразы, нивелируя нервный, «конвульсивный» стиль авторов [2]. Её целью был «гладкий», удобочитаемый английский текст. Как отмечал Иосиф Бродский, в переводах К. Гарнетт Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский для англоязычного читателя сливались в «одного великого русского писателя» [2]. Несмотря на критику, именно эта доступность обеспечила массовую популярность Л.Н. Толстого. Эрнест Хемингуэй признавался, что смог дочитать «Войну и мир» только в переводе К. Гарнетт [1; 2]. Критики также отмечают, что её переводы порой могут казаться устаревшими и излишне буквальными [1; 6].

Переводы Луизы и Эйлмера Мод: поиск баланса. Современники К. Гарнетт, супруги Мод, Айльмер Мод (Aylmer Maude) и его жена Луиза Мод (Louise Maude) и известные британские переводчики и биографы, тесно сотрудничавшие с Л.Н.

Толстым. Они жили в России, дружили с писателем, неоднократно посещали Ясную Поляну и считаются авторитетными переводчиками его произведений на английский язык, работая с одобрения автора. Их подход можно охарактеризовать как буквалистски-толстовский. Они стремились к максимальной точности, и Л.Н. Толстой лично одобрил их работу [1; 4; 6]. Перевод «Войны и мира» Айлмера и Луизы Мод, опубликованный в 1922–1923 годах, действительно долгое время считался эталонным (каноническим) на английском языке и, по оценкам исследователей, верно отражает действительность эпохи [1]. Однако первоначальное издание перевода романа подвергли критике за англизацию имен - адаптацию неанглийских имен путем их транслитерации (буквенной передачи) или замены на созвучные/эквивалентные английские аналоги для упрощения произношения (например, «Андрей» становился «Andrew»), а также перевод французских диалогов прямо в тексте [1; 4]. Современная редакция перевода супругов Мод, исправленная в 2010 году Эми Манделькер для Oxford World's Classics, считается одной из лучших, так как были учтены замечания и недостатки, восстанавливая оригинальные имена и французские пассажи [1; 4].

Современные переводы: новая парадигма точности. К концу XX века установка на «гладкость» уступила место стремлению к текстуальной и стилистической верности. Ярчайшие представители – супружеский дуэт американских переводчиков Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской. Суть их метода: Л. Волохонская создает буквальный подстрочник, Р. Пивер его литературно обрабатывает, ориентируясь на сохранение всех особенностей толстовского письма: нарочитой повторяемости, синтаксической сложности, грубоватости выражений, создавая «буквальный подстрочник» с литературной обработкой. [2; 7]. Они сознательно отказываются от приглаженного английского, чтобы донести уникальный голос автора. Их перевод «Войны и мира» (2007) сохраняет французские диалоги с переводом в сносках, что, по мнению одних, усложняет чтение, а, по мнению других, точнее передает атмосферу эпохи [6, 8]. Сами переводчики заявляют, что они стремились точно следовать тексту оригинала и против попыток «осовременить» язык романа Толстого при его переложении на английский.

Аналогичные принципы декларирует Энтони Бриггс, чей перевод (2005) стремится к идиоматичности современного британского английского, вводя в речь солдат и простолюдинов разговорные обороты и сленг, что вызывает как одобрение, так и споры [1; 5; 7]. Его цель – сделать текст живым для современного читателя, не отступая от сути оригинала [1; 6]. Кроме того, в 2007 году появился перевод Эндрю Бромфилда, представляющий так называемую «оригинальную версию» – более раннюю редакцию романа, которая на 400 страниц короче канонической. В предисловии к новому изданию «Войны и мира» Э. Бромфилд пояснил, что он работал с первой версией романа, утраченной в XIX веке и скомпилированной в 1980-м году из разрозненных рукописей, что вызвало дискуссию в литературных кругах [5; 8].

3. Ключевые проблемы перевода: стилистика, синтаксис, культурные реалии. Трудности, возникающие у переводчиков Л.Н. Толстого, носят системный характер.

Синтаксис и авторский ритм. Длинные, полипредикативные предложения Л.Н. Толстого, несущие особый ритм и интонацию, пространные философские рассуждения и многочисленные авторские отступления вызывают особые трудности при переводе. К. Гарнетт их дробила, Мод старались сохранить, Р. Пивер и Л. Волохонская – воспроизвести. Немецкая переводчица Розмари Титце подчеркивает важность

сохранения порядка слов для передачи динамики, приводя в пример фразу «Всё смешалось в доме Облонских», которую в немецких переводах часто «выпрямляли», начиная с подлежащего, что убивало толстовский «прыжок». Сравнивая образцы переводов одного отрывка из «Войны и мира», можно увидеть, как разные переводчики решают эти задачи [1]. Например, в сцене, где персонаж целует руку фрейлины, К. Гарнетт использует более описательный и витиеватый язык («свобода, знакомство и грация»), в то время как Э. Бриггс стремится к большей естественности и современности («свобода, знакомство и чистый стиль») [1].

Лексические повторы и стилистическая окраска. Л.Н. Толстой сознательно использует повтор ключевых слов, меняя их смысловые оттенки. Переводчику необходимо уловить эту игру. Игнорирование этого приема (как часто делала Гарнетт, заменяя повтор синонимами) обедняет психологический подтекст. В. Набоков резко критиковал Гарнетт за такие потери, указывая, что в ее переводе искажается смысл [2].

Культурно-исторические реалии (безэквивалентная лексика) являются одной из самых острых проблем. Реалии быта, одежды, титулов, мер длины и веса, социальных институтов XIX века часто не имеют прямых аналогов в английском языке. Исследование перевода трилогии «Детство. Отрочество. Юность» показывает разброс стратегий: например, слово «кацавейка» передается как *jacket* (приблизительный перевод) у Дж. Розенгранта и ошибочно как *shawl* (шаль) у Ч. Дж. Хогарта; «зипун» – как *smock* или более точное *kaftan*; «ваточная чуйка» – как *wadded overcoat* (удачное описание) или абсолютно неверно *padded boots* (валяные сапоги). Выбор стратегии (транскрипция, калька, описательный перевод, функциональный аналог) напрямую влияет на насыщенность текста чуждыми словами и утрату национального колорита. Отдельной проблемой является обращение с французским языком в текстах Л.Н. Толстого. В «Войне и мире» около 10% диалогов написаны по-французски [6]. Переводчики решают эту проблему по-разному: Мод в первоначальном переводе переводили французские фразы прямо в тексте, а в редакции 2010 года восстановили их [1; 4]; Бриггс также переводит французский, чтобы не затруднять современного читателя [1; 5]; тогда как Пивер и Волохонская оставляют французский в тексте, давая перевод в сносках, что вызывает неоднозначные оценки [6; 8].

Передача юмора и многогранности характеров. Современные переводчики обращают внимание на ранее упускавшиеся аспекты. Майя Слейтер, работая над «Анной Карениной», отмечает «сложный и тонкий вид комедии» у Л.Н. Толстого, например гротескная сцена с французом Ландо. Важно умение передать внутреннюю эволюцию и противоречивость персонажей, показать их «изнутри» и «снаружи», как это делает Л.Н. Толстой с Карениным, вызывая у читателя сложную гамму чувств от отторжения до сострадания. Энтони Бриггс в своем переводе специально стремился разнообразить речевые регистры, особенно в диалогах, чтобы передать живость и характерность речи солдат и представителей низших сословий, что, по его мнению, было сглажено в более ранних, «излишне грамматичных» переводах [7].

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что нет и, вероятно, не может быть единственного «идеального» перевода произведений Л.Н. Толстого на английский язык. Каждая значимая переводческая версия является продуктом своей эпохи, воплощением определенной эстетической и культурной стратегии. Ранние

переводы (в первую очередь Констанс Гарнетт), следуя парадигме доместикации, сыграли историческую просветительскую роль, адаптировав грандиозное, но культурно и стилистически чуждое полотно русской жизни для западного читателя, создав смягченный и приглаженный образ Л.Н. Толстого. Переводы Л. и Э. Мод добавили этому образу фактологической точности и большей верности букве оригинала.

Современные переводы (Р. Пивер и Л. Волохонская, новые работы зарубежных переводчиков) сознательно избрали стратегию форенизации. Их цель – не просто пересказать сюжет, а аутентично, со всеми шероховатостями и сложностями, воссоздать художественный мир Л.Н. Толстого, донести его уникальный синтаксис, лексику, ритм и культурные смыслы. «Это как реставрация картины», – цитирует слова Ричарда Пивера *The Wall Street Journal*. [22] Это формирует более полный и аутентичный, но и более требовательный к читателю образ писателя.

История переводов Л.Н. Толстого – это постоянный поиск баланса между адаптацией и верностью, удобством читателя и уважением к оригиналу. Это наглядная иллюстрация эволюции философии художественного перевода, движущейся от упрощающего пересказа к сложной, ответственной работе по воссозданию целостного художественного универсума во всем его своеобразии. Поток новых переводов свидетельствует о том, что диалог с Л.Н. Толстым в англоязычном мире продолжается, оставаясь актуальным и плодотворным вызовом для переводческой мысли.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975.
2. Ванслав М.В., Хворостова К.М., Бедарева А.В. Лексико-семантические особенности перевода трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // RULB. – 2021. – №3(27). URL: <https://rulb.org/archive/3-27-2021-september/leksiko-semanticheskie-osobennosti-perevoda-trilogii-l-n-tolstogo-detstvo-otrochestvo-iunost> (дата обращения: 14.01.2026).
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002.
4. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. – Л.: Наука, 1985.
5. Рявкина М.В. Оценка качества перевода этнографических реалий романа Л.Н.Толстого «Война и мир» на английский язык // Сборник «Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода». – 2016. – URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2016/ryavkina.html> (дата обращения: 14.01.2026).
6. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Полное собрание сочинений в 90 томах. – М.: Художественная литература, 1928-1958.
7. Толстой Л.Н. Война и мир. Полное собрание сочинений в 90 томах. – М.: Художественная литература, 1928-1958.
8. Томилин А. М. Особенности перевода романа Л.Н. Толстого «Война и мир» на английский язык // Study-English.info. – 2015. URL: <https://study-english.info/conference2015-023.php> (дата обращения: 14.01.2026).
9. Трудности с переводом: Лев Толстой и его почитатели на Западе // Портал «Культура». – 2023. – URL: <https://portal-kultura.ru/articles/books/363062-trudnosti-s-perevodom-lev-tolstoy-i-ego-rochitateli-na-zapade/> (дата обращения: 14.01.2026).
10. ТАСС. – 2018. URL: <https://tass.ru/kultura/5522851> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Язык и мышление в контексте полилога / Алиева П.Ш., Богатырева С.Н., Денисенко Е.Г., и др. Курск: Университетская книга. 2025. – 256 с.
12. Bartlett, Rosamund. Tolstoy: A Russian Life. Profile Books, 2010.
13. Briggs, A. (Trans.). (2005). War and Peace. London: Penguin Classics.

14. Garnett, C. (Trans.). (1904). War and Peace. London: William Heinemann.
15. Katz, Michael R. "War and Peace in Our Time." The New England Review, 2007.
16. May, Rachel. The Translator in the Text: On Reading Russian Literature in English. Northwestern University Press, 1994.
17. Maude, L. & A. (Trans.). (1922-1923). War and Peace. London: Oxford University Press.
18. Maude, L. & A. (Trans.). (2010). War and Peace (Revised by Amy Mandelker). Oxford: Oxford World's Classics.
19. Pevear, R. & Volokhonsky, L. (Trans.). (2007). War and Peace. New York: Alfred A. Knopf.
20. Remnick, David. "The Translation Wars." The New Yorker, 7 Nov. 2005. Tolstoy, L.N. War and Peace (Original Russian text). Available in various editions.
21. "War and Peace Sparks a Literary Skirmish." NPR, 22 Oct. 2007.
22. Zhang, Y., & Nikonova, N.E. (2024). Translation and reader reception of L. N. Tolstoy's novels in China. Litera, 3, 167–170.
23. – URL: <https://vz.ru/society/2007/10/22/119245.html>. (дата обращения: 04.02.2026).

Сведения об авторах

Кудрявцева Екатерина Владиславовна – студентка 3 курса, направления подготовки: 45.03.02 «Лингвистика», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: katya.kud@mail.ru

Научный руководитель – Богатырева Светлана Николаевна, доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Information about the authors

Kudryavtseva Ekaterina Vladislavovna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Linguistics (45.03.02), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: katya.kud@mail.ru

Scientific supervisor – Bogatyreva Svetlana Nikolaevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Head of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Преображенский А.Д.

УДК 82-82

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ РУССКОЕ ЭМИГРАНТСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО В ЕВРОПЕ В XX ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ЧАСОВОЙ»)

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей функционирования русского эмигрантского издательского дела в Европе в XX веке на примере журнала «Часовой» (Париж, Брюссель, 1929–1988). В условиях вынужденной изоляции от родины печатное слово становилось для эмиграции главным инструментом сохранения культурной идентичности и консолидации диаспоры. В работе рассматриваются факторы, обеспечившие долголетие журнала: идеологическая платформа, редакторская политика В.В. Орехова, специфика распространения, а также содержательные особенности контента, ориентированного на военную эмиграцию. Делается вывод о том, что «Часовой» представляет собой уникальный пример успешного эмигрантского проекта, сумевшего просуществовать шесть десятилетий благодаря способности выступать объединяющей повесткой для русского зарубежья, последовательно сохраняя духовные и воинские традиции дореволюционной России.

Ключевые слова: русское зарубежье, эмигрантская пресса, журнал «Часовой», военная эмиграция, издательское дело, культурная идентичность, консолидация диаспоры, XX век.

**PRESERVING CULTURAL IDENTITY THROUGH RUSSIAN EMIGRANTS IN
EUROPE IN THE 20TH CENTURY
(on the example of magazine "Chasovoy")**

Abstract. This article analyzes the functioning of Russian émigré publishing in Europe in the 20th century, using the magazine "Chasovoy" (Paris, Brussels, 1929–1988) as an example. Under conditions of forced isolation from their homeland, the printed word became the émigré community's primary tool for preserving cultural identity and consolidating the diaspora. The paper examines the factors that ensured the magazine's longevity: its ideological platform, V.V. Orekhov's editorial policy, distribution practices, and the substantive features of its content, which was targeted at military émigrés. It concludes that "Chasovoy" represents a unique example of a successful émigré project, which managed to survive for six decades thanks to its ability to serve as a unifying message for the Russian diaspora, while consistently preserving the spiritual and military traditions of pre-revolutionary Russia.

Keywords: Russian diaspora, émigré press, Chasovoy magazine, military emigration, publishing, cultural identity, diaspora consolidation, 20th century.

Введение

После революционных событий 1917 года и Гражданской войны за пределами России оказалось около двух миллионов человек, ставших носителями русской культуры и традиций. Эта волна эмиграции, получившая название «первой волны», столкнулась с проблемой не только физического выживания, но и сохранения духовной связи с утраченной родиной. Ключевую роль в этом процессе сыграла эмигрантская печать. По данным исследователей, в 1920–1930-е годы в центрах русского рассеяния (Париж, Берлин, Прага, Белград, Харбин) издавалось более двух тысяч наименований газет и журналов [2, с. 380].

Среди множества изданий особое место занимает журнал «Часовой». – орган связи русского воинства и национальной мысли, выходящий с 1929 по 1988 год. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения того, как эмигрантское издание на протяжении шести десятилетий выступало инструментом сохранения культурной идентичности, объединяя разрозненные силы русского зарубежья.

Цель работы – выявить особенности редакционной политики, тематического наполнения и механизмов распространения журнала «Часовой», позволившие ему стать одним из самых долговечных проектов русской эмиграции и выполнить миссию по консервации национального культурного кода. Задачи исследования: проанализировать историю создания и идеологическую платформу журнала; изучить роль редактора В.В. Орехова; рассмотреть структуру издания и ключевые темы публикаций; оценить значение журнала для сохранения воинских традиций и идентичности в диаспоре.

Обзор литературы

Историография русского зарубежья обширна. Фундаментальные труды М.В. Назарова [5, с. 416] и В.А. Сапрыкина [8, с. 180] закладывают основу для понимания миссии эмиграции как хранительницы «Святой Руси». Проблемы функционирования эмигрантской прессы детально рассматриваются в работах Р.И. Абинякина [1, с. 240],

который подчеркивает, что для изгнанников журналистика была «формой общественного служения и способом существования». Непосредственно журналу «Часовой» посвящены исследования А.Г. Власенко [3, с. 65-73], анализировавшего общественно-политическую позицию издания, и Л.В. Максимовой [4, с. 118-133], изучавшей его роль в сохранении исторической памяти. Зарубежные слависты, такие как М. Рэв [10: 239], рассматривают «Часовой» как феномен военной субкультуры. Тем не менее, многие работы фокусируются либо на историческом контексте, либо на библиографическом описании, оставляя в стороне комплексный анализ того, как издательская стратегия журнала работала на сохранение культурной идентичности эмиграции. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

Методы исследования

Методологическую основу работы составляет комплексный подход, включающий: контент-анализ, изучение тематической направленности публикаций (рубрики «Армия и флот», «Политика», «Литературная»), анализ авторского состава. Биографический метод использовался для исследования роли редактора-издателя В.В. Орехова в формировании политики журнала. Системный анализ использовался для рассмотрения журнала как целостного издательского проекта, включающего редакцию, типографию, сеть распространения и обратную связь с читателями. Сравнительный метод помог сопоставлению «Часового» с другими эмигрантскими изданиями («Возрождение», «Последние новости») для выявления его уникальности.

Результаты исследования

Анализ доступных материалов и свидетельств современников позволяет выделить ряд факторов, обеспечивших успех и долголетие журнала «Часовой», а также его значимость для сохранения культурной идентичности русской эмиграции.

1. Идеиная платформа и целевая аудитория. Журнал был основан в Париже в 1929 году капитаном В.В. Ореховым и Е.В. Рышковым (Тарусскими). С самого начала издание позиционировало себя как орган связи чинов Русской Императорской Армии и Белых армий, находящихся в изгнании. В отличие от либеральных «Последних новостей» П.Н. Милюкова или консервативного «Возрождения», «Часовой» не претендовал на роль политического рупора какой-либо партии. Его главной задачей было сохранение воинской этики и чести, поддержание живых связей между однополчанами. Как писал В.В. Орехов в первом номере, «Часовой» призван нести «сторожевую службу над заветами нашей национальной чести» [7]. Эта узкая, но четкая специализация позволила сформировать преданную аудиторию, для которой журнал стал не просто газетой, а символом утраченного мира и средством поддержания национальной идентичности в инокультурной среде.

2. Личность редактора и его стратегия. Василий Васильевич Орехов (1896–1990) был не просто редактором, но и идейным вдохновителем, главным автором и распространителем издания. Он сумел сделать журнал трибуной для различных течений военной эмиграции, избегая острых внутренних конфликтов. Его усилиями была налажена сеть корреспондентов и представителей в разных странах: от Югославии до США. После Второй мировой войны Орехов перенес издание в Брюссель, где и продолжал выпускать его до 1988 года. Его преданность делу стала главным фактором выживания журнала в условиях сокращения аудитории и финансовых трудностей. Анализ писем читателей показывает, что для многих

«Часовой» под руководством Орехова оставался «нитью, связывающей с прошлым» [9], а значит — ключевым звеном в сохранении культурной преемственности.

3. Содержательное наполнение и авторы. Несмотря на малый объем (обычно 16–24 страницы), журнал отличался содержательностью. Структура включала разделы:

«Политика и национальные вопросы» — анализ событий в мире с точки зрения интересов России;

«Военный отдел» — разбор тактики и истории Гражданской войны, анализ современных армий;

«Архив Гражданской войны» — уникальные мемуары и свидетельства участников Белого движения;

«Литературный отдел» — стихи и проза, часто посвященные тоске по России.

Среди авторов «Часового» были такие известные фигуры, как генералы А.И. Деникин, П.Н. Врангель, философ И.А. Ильин, писатели И.С. Шмелев и Б.К. Зайцев. Привлечение столь авторитетных имен обеспечивало высокий уровень публикаций и доверие аудитории. Через эти рубрики журнал создавал объединяющую повестку для русского зарубежья, давая читателям не только информацию, но и деятельный повод для сохранения собственной идентичности — через обращение к истории, литературе, судьбам героев.

4. Система распространения и коммуникации. В условиях отсутствия легального рынка распространения в СССР, журнал распространялся по подписке и через сеть доверенных лиц в местах компактного проживания эмигрантов. «Часовой» выполнял важнейшую коммуникативную функцию: на его страницах публиковались объявления о розыске родственников и сослуживцев, соболезнования, отчеты о деятельности полковых объединений. По сути, он был социальной сетью военной эмиграции, что многократно повышало его ценность для подписчиков [6, с. 198-264]. Эта коммуникативная роль напрямую работала на сохранение культурной целостности диаспоры, не позволяя разорваться связям между людьми, оказавшимися в разных странах.

5. Отношение к СССР и эволюция взглядов. На протяжении всей своей истории «Часовой» оставался на непримиримых антисоветских позициях, призывая к продолжению борьбы. Однако в послевоенный период, когда надежды на реставрацию старого строя угасли, в журнале усиливаются культурно-просветительские ноты. Он начинает уделять больше внимания сохранению истории, публикуя материалы для будущих поколений, которые, как надеялись эмигранты, смогут вернуться в освобожденную Россию. Эта эволюция от политической агитации к исторической миссии позволила журналу сохранить актуальность и в 1960–1980-е годы. Фактически «Часовой» взял на себя функцию консервации уникального культурного кода — той системы ценностей, исторической памяти и традиций, которые в инокультурном окружении рисковали быть утраченными.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что журнал «Часовой» представляет собой уникальное явление в истории русского эмигрантского издательства. Его успех и шестидесятилетняя история стали возможны благодаря сочетанию ряда факторов: четкому определению своей аудитории (военная эмиграция), харизме и подвижничеству редактора В.В. Орехова, высокому

профессиональному уровню публикаций, выполнению коммуникативной функции, а также способности к эволюции — переходу от политической борьбы к сохранению историко-культурного наследия. Особое значение в контексте заявленной темы имеет то, что «Часовой» выступал не просто периодическим изданием, а объединяющей повесткой для разрозненных сил русского зарубежья. Через систему рубрик, охватывающих литературу, военную историю, личные судьбы, он обеспечивал консервацию национального культурного кода в условиях вынужденной миграции. Издание создавало смысловое пространство, где утраченная родина продолжала существовать в слове, памяти и традиции, что напрямую коррелирует с задачей сохранения культурной идентичности, вынесенной в заглавие данной работы. Дальнейшее изучение архивов журнала, его полной росписи и эпистолярного наследия редактора может углубить понимание роли малой прессы в консолидации диаспоры и сохранении национальной идентичности в инокультурной среде.

Список литературы

1. Абинякин Р.М. Военно-политическая мысль российской эмиграции 20–30-х годов XX века. Орел: ОГУ, 2003. 240 с.
2. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб.: СПбГУКИ, 2008. 380 с.
3. Власенко А.Г. Журнал «Часовой» как общественно-политический орган военной эмиграции // Новый исторический вестник. 2012. № 32. С. 65–73.
2. Максимова Л.В. «Часовой» на посту памяти: роль журнала в сохранении традиций Белого движения // Россия XXI. 2015. № 5. С. 118–133.
3. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Ставропольский край, 1992. 416 с.
4. Орехов В.В. В борьбе за Россию: Воспоминания редактора «Часового» // Грани. 1990. № 156. С. 198–245.
5. От редакции // Часовой. 1929. № 1. 1 декабря. С. 1.
6. Сапрыкин В.А. Российское зарубежье: проблемы историко-культурного наследия. М.: ИНИОН РАН, 2002. 180 с.
7. Русская военная эмиграция 20-х - 40-х годов. Документы и материалы. – М.: Гея; Триада-х; Триада-ф; РГГУ, 1998-2013: Том 1. Так начиналось изгнание.
8. Raeff M. Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919-1939. New York: Oxford University Press, 1990. 239 p.

Сведения об авторах

Преображенский Алексей Дмитриевич – студент 3 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). Email: alex-anti5@yandex.ru

Научный руководитель – Алиева Патимат Шапиулаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

Information about the authors

Preobrazhensky Alexey Dmitrievich - 3rd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). Email: alex-anti5@yandex.ru.

Scientific supervisor - Aliyeva Patimat Shapiulayevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

УДК 070:81'38

УСПЕШНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ИМИДЖА РОССИИ: АНАЛИЗ МЕДИА-КОНТЕНТА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу успешных медийных инициатив по формированию положительного имиджа России за рубежом на материале англоязычного контента телеканала RT (Russia Today). В условиях глобальной информационной конкуренции государственные СМИ становятся ключевым инструментом «мягкой силы». В работе рассматриваются стратегии RT по привлечению зарубежной аудитории, созданию альтернативного дискурса и завоеванию профессионального признания. На основе открытых данных, статистических отчётов и интервью с руководством канала исследуются масштабы вещания, тематические приоритеты, награды и конфликтные точки взаимодействия с западными регуляторами. Делается вывод о том, что RT успешно реализует модель «контр-дискурса», сочетая высокие профессиональные стандарты с трансляцией российской точки зрения на мировые события.
Ключевые слова: имидж России, RT, международное вещание, мягкая сила, медиадискурс, пропаганда, информационное противостояние, зарубежная аудитория.

Preobrazhenskaya E.A.

SUCCESSFUL INITIATIVES FOR SHAPING RUSSIA'S IMAGE: AN ANALYSIS OF ENGLISH-LANGUAGE MEDIA CONTENT

Abstract. This article analyzes successful media initiatives aimed at forming a positive image of Russia abroad, based on English-language content from the RT (Russia Today) television channel. In an environment of global information competition, state media become a key instrument of "soft power." The paper examines RT's strategies aimed at attracting foreign audiences, creating an alternative discourse, and gaining professional recognition. Based on open data, interviews with channel management, and statistical reports, the study explores the scale of broadcasting, thematic priorities, awards, and points of conflict in interaction with Western regulators. It concludes that RT successfully implements a "counter-discourse" model, combining high professional standards with the broadcast of the Russian perspective on world events.

Keywords: Russia's image, RT, international broadcasting, soft power, media discourse, propaganda, information confrontation, foreign audience.

Введение

С момента своего основания в 2005 году телеканал Russia Today (ныне RT) ставил перед собой амбициозную цель: донести до зарубежного зрителя российский взгляд на мировые события. За два десятилетия проект превратился в глобальный медиахолдинг, вещающий на шести языках и охватывающий, по разным оценкам, до 900 млн человек в более чем ста странах мира [7]. В условиях жёсткой конкуренции с такими гигантами, как BBC, CNN и Deutsche Welle, RT сумел не только занять свою нишу, но и стать заметным игроком, способным влиять на повестку. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмыслить, за счёт каких именно инициатив российскому иновещанию удаётся добиваться успеха и какие уроки – это может дать для дальнейшего продвижения имиджа России.

Цель работы – выявить факторы медийных инициатив RT на английском языке, способствующие формированию положительного образа России за рубежом.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать масштаб и географию вещания; рассмотреть содержательные особенности контента; изучить реакцию западных регуляторов и профессиональные награды; оценить роль RT в донесении российской позиции по острым международным вопросам.

Обзор литературы

Проблема формирования имиджа государства через СМИ активно разрабатывается в современной науке. В западной традиции концепция «мягкой силы» (soft power), введённая Дж. Наем [13], рассматривает медиа как один из ключевых ресурсов влияния. Применительно к российским международным СМИ значительный вклад внесли исследования А.И. Подберёзкина [5], анализирующего место RT в системе внешнеполитической пропаганды. Е.Г. Пономарева и Д.Б. Фролов [6] изучают феномен «иновещания» как инструмента геополитической конкуренции, отмечая, что российские каналы вынуждены действовать в агрессивной информационной среде. Специфика контента RT на английском языке рассматривается в работах И.В. Кирии [4], которая подчёркивает использование мультимедийных форматов и привлечение западных журналистов для повышения доверия аудитории. Зарубежные авторы, такие как Р. Pomerantsev [14], склонны видеть в RT исключительно пропагандистский инструмент, однако игнорируют профессиональные достижения канала (номинации на Emmy, премии за документалистику). В российской историографии набирает силу тенденция к объективному анализу контента и аудиторных показателей (работы В.С. Хелемендика [11], С.А. Водолагина [1]). Тем не менее, комплексных исследований, соединяющих количественные показатели охвата с качественным анализом конкретных имиджевых инициатив, до сих пор недостаточно. Данная статья призвана восполнить этот пробел на примере ключевого актора – телеканала RT.

Методы исследования

Методологически работа основана на комплексном подходе, включающем:

- 1) кейс-стади – детальное рассмотрение телеканала rt как отдельного примера успешной медийной инициативы.
- 2) контент-анализ – изучение тематических программ, интервью и новостных сюжетов, опубликованных на официальных платформах канала, а также в открытых источниках (youtube, сайт).
- 3) анализ документов – изучение отчётов исследовательских агентств (kantar media, nielsen, synovate), статистических данных, приводимых руководством канала в интервью, и материалов судебных разбирательств (ofcom, высокий суд англии).
- 4) интерпретативный анализ – сопоставление заявленных целей (формирование объективного образа россии) с реальными результатами (изменение отношения аудитории, цитируемость, награды).
- 5) сравнительный метод – сопоставление позиций разных авторов (российских и зарубежных) по вопросу роли rt в информационном пространстве.

Результаты исследования

Анализ эмпирических данных позволяет выделить несколько ключевых направлений, обеспечивающих успех RT в формировании имиджа России.

1. Глобальный охват и точечная настройка. Согласно данным, озвученным главным редактором Маргаритой Симоньян и подтверждённым исследовательскими агентствами, еженедельная телеаудитория RT составляет около 100 млн зрителей в 47

странах [9]. Канал не ограничивается традиционным телевидением: в Индии RT присутствует в семи крупнейших кабельных сетях, охватывая дополнительно 116 миллионов домохозяйств, а в США и Великобритании стабильно опережает по популярности France 24 и Deutsche Welle [3]. Особого внимания заслуживает стратегия адаптации контента под локальные рынки. Как отмечает руководитель RT Africa Святослав Щеголев, «контент с английского может переводиться на суахили для стран восточной Африки, на амхарский для Эфиопии» [7]. Такой подход обеспечивает доверие аудитории, которая получает информацию на родном языке.

2. Высокое качество и профессиональное признание. RT – единственный российский телеканал, пять раз номинированный на международную премию «Эмми» [9]. Документальные проекты RT (например, VR-фильм «Уроки Аушвица») удостоивались наград Digiday Media Awards Europe, опережая работы CNN и Sky News [10]. Эти факты опровергают упрощённое представление о канале как о сугубо пропагандистском и свидетельствуют о соответствии продукта мировым стандартам.

3. Привлечение западных кадров и создание «эффекта доверия». В разное время на RT работали такие звёзды западной журналистики, как Ларри Кинг, Крис Хеджес, а ныне – Рори Суше (племянник знаменитого актёра Дэвида Суше). По словам Рори, его родственники напутствовали его: «насколько важно, будучи в России, изучать и впитывать богатую историю, богатую культуру» [7]. Наличие западных лиц в кадре создаёт у зрителя иллюзию «своего» канала и повышает уровень доверия к контенту.

4. Доступ к закрытым площадкам и эксклюзивы. Важным достижением стало получение RT доступа к внутренней информационной сети ООН в Нью-Йорке с января 2017 года [8]. Это позволяет каналу доносить свою точку зрения непосредственно до дипломатов и сотрудников международной организации. RT первым показал кадры ареста Джулиана Ассанжа, предоставил трибуну президентам Венесуэлы, Боливии, Эквадора – тем самым закрепляя за собой статус «голоса глобального Юга».

5. Противостояние давлению и формирование образа «гонимого правдолюбца». Попытки западных регуляторов ограничить вещание RT (запрет на судебные иски против Google в 2025 году, дела Ofcom в Великобритании) [2] парадоксальным образом работают на усиление бренда. В публичном поле создаётся образ канала, который мешают смотреть, потому что он говорит правду. Маргарита Симоньян иронизирует по этому поводу: «Если девушка в 20 лет становится заведующей бюро, окружающие делают однозначный вывод» [9], намекая на предвзятость критиков. Тем не менее, как показывают исследования Kantar Media, после просмотра RT отношение британцев к России улучшается в 2,5 раза по сравнению с теми, кто канал не смотрит [3].

6. Освещение конфликтов и протестов. Репортажи RT с акций «жёлтых жилетов» во Франции сами участники призывали распространять, так как мейнстрим-медиа игнорировали их точку зрения [7]. Аналогичная ситуация складывалась при освещении событий на Украине и в Сирии. RT предоставляет эфир альтернативным экспертам, что привлекает аудиторию, уставшую от доминирования официальной западной версии.

Заключение

RT удалось сформировать устойчивый положительный имидж России за рубежом благодаря сочетанию нескольких факторов: масштабного и гибкого распространения, высокого профессионального уровня, использования мультимедийных форматов, привлечения западных журналистов и последовательного

отстаивания альтернативной точки зрения на мировые события. Несмотря на обвинения в пропаганде и административные барьеры, канал сумел стать заметным игроком в глобальном информационном пространстве, доказав, что российская точка зрения востребована миллионами зрителей по всему миру. Дальнейшее изучение конкретных медийных продуктов (документальных фильмов, ток-шоу, цифровых проектов) может углубить понимание механизмов воздействия на аудиторию. Кроме того, перспективным представляется сравнительный анализ RT с другими международными вещателями (CGTN, Press TV) для выявления общих закономерностей функционирования незападных СМИ в глобальном медиаландшафте.

Список литературы

1. Водолагин С.А. Международное вещание как инструмент мягкой силы // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 4. С. 45–59.
2. Высокий суд Англии запретил RT судиться с Google // РБК. 2025. 20 января. – URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 15.03.2026).
3. Интервью Маргариты Симоньян «Российской газете» // Российская газета. 2011. 30 сентября. – URL: <https://rg.ru/2011/09/30/simonyan.html> (дата обращения: 18.03.2026).
4. Кирия И.В. Мультимедийные форматы в новостном вещании: опыт RT // Медиаскоп. 2019. Вып. 3. – URL: <http://www.mediascope.ru/> (дата обращения: 19.03.2026).
5. Подберёзкин А.И. «Мягкая сила» России в условиях глобального противостояния // Международная жизнь. 2018. № 6. С. 22–35.
6. Пономарева Е.Г., Фролов Д.Б. Современные тенденции развития инновационного вещания // Политические исследования. 2021. № 2. С. 120–134.
7. RT отмечает 20-летие: как телеканал завоевал международную аудиторию // Известия. 2025. 15 января. – URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 16.03.2026).
8. Russia Today получил доступ к внутренней сети ООН // ТАСС. 2017. 10 января. – URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Симоньян М.С. Россия Today: как мы стали главным голосом страны за рубежом // Эхо Москвы. 2020. 5 ноября. – URL: <https://echo.msk.ru/> (дата обращения: 19.03.2026).
10. «Уроки Аушвица» RT получили премию Digiday Media Awards Europe // RT на русском. 2020. 12 мая. – URL: <https://russian.rt.com/> (дата обращения: 20.03.2026).
11. Хелемендик В.С. Информационное противостояние и медиабезопасность. М.: Аспект Пресс, 2019. 256 с.
12. Kantar Media. Audience research report: RT in the UK. London, 2019.
13. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.York: Public Affairs, 2004. 208p.
14. Pomerantsev P. Nothing Is True and Everything Is Possible: The Surreal Heart of the New Russia. New York: Public Affairs, 2014. 256 p.

Сведения об авторах

Преображенская Евгения Аркадиевна – студентка 2 курса, направления подготовки: 42.03.02 «Журналистика», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). Email: @evgeniasolo063gmail.com

Научный руководитель – Алиева Патимат Шапиулаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

Information about the authors:

Preobrazhenskaya Evgeniya Arkadievna – 2nd year bachelor's degree student majoring in Journalism (45.03.02), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). Email: @evgeniasolo063gmail.com

Scientific supervisor – Aliyeva Patimat Shapiulayevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

УДК: 159.92(075.8)

**ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ ПАТРИОТИЗМА
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ:
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Статья посвящена раскрытию духовного и патриотического служения лишь некоторых из выдающихся представителей русского воинства, подвиги которых отражены в научных исследованиях, а также во многих произведениях церковного искусства и светской культуре. Образы героев-подвижников, прославленных в лике святых Русской Православной Церковью, воплотились не только в иконописных изображениях, но и обрели особое прочтение в творчестве художников, литераторов, деятелей других видов искусств, как в России, так и за её пределами. Среди многих русских святых воинов (в рамках настоящей статьи) нами выделены представители разных эпох: святые князья Александр Невский и Димитрий Донской которые, наряду с другими святыми воинами, являются не только символами героизма нашего народа, но и яркими образцами подлинного патриотизма в деле духовно-нравственного воспитания современного юношества.

Ключевые слова: святые русские воины, патриотическое служение, Русская православная Церковь, христианское служение, отечественная культура, искусство, наука, героико-подвижники, духовно-нравственное воспитание.

Savatskaya M. E., Salaev T. B.

**REPRESENTATION OF PATRIOTISM IDEAS IN RUSSIAN CULTURE AND
ARTISTIC CREATIVITY: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS**

Abstract. The article is devoted to revealing the spiritual and patriotic service of only some of the outstanding representatives of the Russian military, whose feats are reflected in scientific research, as well as in many works of church art and secular culture. The images of the heroic ascetics glorified as saints by the Russian Orthodox Church have been embodied not only in iconographic images, but have also found a special interpretation in the works of artists, writers, and other artists, both in Russia and abroad. Among the many Russian holy warriors (within the scope of this article), we have singled out representatives of different eras: the holy princes Alexander Nevsky and Dmitry Donskoy, who, along with other holy warriors, are not only symbols of our people's heroism but also vivid examples of genuine patriotism in the spiritual and moral education of today's youth.

Keywords: spiritual service, military service, patriotism, culture, art, artistic creativity, church art, secular culture, fine art.

Произведения разного жанра, посвящённые теме патриотизма в русской культуре, имеют большое психолого-педагогическое значение. Так, в частности, личности и подвигам Святого благоверного князя *Александра Невского*, одного из Небесных покровителей казачества, создано немало, включая научные исследования и сферу культуры и искусства. Правоммерно утверждать, что имя и образ святого воина на многие столетия стал олицетворением национального патриотизма и воинской доблести. Одержав в 1240 году славную победу над шведами, после которой Александр стал именоваться Невским, он укрепил непобедимость русского воинства в 1242 году: армия немецких рыцарей на льду Чудского озера была разгромлена. Эта победоносная битва, как известно из фактов истории, стала решающей в сражении против

Ливонского ордена, благодаря которой войскам Александра Невского удалось остановить немецкую агрессию.

Русский историк и писатель Н.А. Клепинин, посвятивший свои исследования жизни князя, отмечал: *«На Чудском озере и на Неве Св. Александр отстоял самобытность Руси от Запада в самое тяжелое время татарского полона. Обе эти сечи были битвами, которые не принесли ни мира, ни полного освобождения, но которые обозначают собою глубокий перелом, направляют историческую жизнь народа в иное русло»* [1].

Не только исторические документы и научные труды, но и значительный масштаб произведений живописи разных эпох, посвящённых подвигам Святого князя, свидетельствует о его немеркнущей славе. Назовём лишь некоторые полотна: «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами. 1793 г. (Г.И. Угрюмов); картина художника и офицера, ученика К.П. Брюллова Фёдора Антоновича Моллера «Невская битва. Поединок Александра Невского и Биргера» (1896 г.); известное полотно Михаила Нестерова «Святой Александр Невский (1894 г.) и его же картина «Успение Св. Александра Невского; «Александр Невский» (Ю. Пантюхин. Левая часть триптиха «За Землю Русскую, 2003 г.) и многие другие полотна.

Художественная литература о личности, судьбе и подвигах благоверного князя – это поистине целая эпопея образов великого святого воина. Александр Невский выступает в качестве выдающегося воина-патриота в повести В.Г. Яна «Юность полководца» (1952), где представлено описание подвига князя в деле защиты Руси от натиска шведов и рыцарей Тевтонского ордена. Цикл произведений В.Г. Яна, посвящённых мужественному противостоянию интервентам, в котором повествование об Александре Невском стало заключительным, по мнению историков и литературоведов, особую актуальность и значимость обрёл в годы Великой Отечественной войны. Именно в этот период в народной памяти пробудились генетические духовные коды и вера в заступничество святых героев прошлых эпох: сила примера русского национального патриотизма в образе благоверного князя Александра Невского и вера в духовное покровительство святых угодников Божиих была огромной.

Автор произведения «Юность полководца» Василий Григорьевич Янчевецкий (Ян) 13 марта 1940 года писал: *«С утра занимаюсь биографией Александра Невского. Загадочная личность для начала XIII века. В сражении на Неве с Биргером – ему было 20 лет! А он руководил небольшой новгородской дружиной и сделал такое стремительное наступление, что разметал соединённое войско шведов и финнов... Затем было его великолепное Ледовое побоище, где он татарским приёмом заманил немецких рыцарей на лёд и растрепал их в пух! Ведь таков был только Александр Македонский!»* [7]

Личности и героизму Александра Невского посвящали свои произведения и многие другие писатели и драматурги: В.И. Белов «Князь Александр Невский» (пьеса в трех действиях); Б.Л. Васильев «Александр Невский»; С.П. Мосияш создал роман-трилогию «Александр Невский»; Крутогоров Ю.А. «Александр Невский»; Лидия Алексеевна Обухова в жанре исторической прозы написала повесть «Набатное утро»;

А.Ю. Сегень «Александр Невский. Солнце Земли Русской»; А.А. Субботин «За землю Русскую» и многие другие.

Исторические литературные произведения, посвященные личности князя Александра Невского, всегда были и остаются популярными и особенно значимы в аспекте духовно-нравственного воспитания и культурно-политического диалога в межнациональных отношениях. [2] И, несмотря на то что понятия единой Руси в эпоху подвигов князя-полководца еще не существовало, битвы со шведскими и немецкими захватчиками, которые возглавил Александр Невский на северо-западных границах русских земель, были общенациональным и, несомненно, консолидирующим феноменом. Воин-патриот, защитник Новгорода, святой князь по праву может считаться первым русским национальным героем. В этой связи уместно назвать роман советского писателя, переводчика «Слова о полку Игореве» и литературоведа А.К. Югова «Ратоборцы» (1944-1948), в котором Александр Невский предстаёт как дальновидный политик и тонкий дипломат.

В этой связи красноречиво высказывание академика М.Н. Тихомирова: *«В исторической литературе личность Александра нередко изображается в виде удалца, который внезапным нападением разрешает все трудности и одерживает победы. В действительности это изображение очень далеко от истинной правды. Александр Невский умел сочетать смелость с дальновидным расчетом политика, и только это соединение большого политического ума и боевой храбрости позволило ему одержать победу над неприятелями»* [3].

Раскрывая тему воплощения образа Александра Невского в культуре и искусстве, невозможно обойти вниманием аспект его изображения в кинематографе. Фильм выдающегося режиссёра С.М. Эйзенштейна и сценариста П.А. Павленко «Александр Невский» давно стал хрестоматийным и классическим образцом экранизации исторических событий в судьбе России. Как известно, музыка к фильму была написана талантливейшим композитором-новатором С.С. Прокофьевым, который максимально отразил дух эпохи, драматизм и героический характер всего происходящего на экране. Работа над фильмом, учитывая сложный идеологический и социально-политический контекст, велась необыкновенно кропотливо, тщательно. Об этом красноречиво пишет исполнитель главной роли – князя Александра Невского – великий русский актёр Николай Черкасов в своей книге «Записки советского актёра»: *«..... Внешний облик Александра Невского, его грим долго мне не давался. Наконец он был найден и определен, — и, надо сказать, при ближайшей помощи С. М. Эйзенштейна.*

Он удивлял своим вниманием к второстепенным, казалось бы, мелочам, которые затем, при съемках крупным планом, приобретали большое значение. Он достал в Эрмитаже подлинное вооружение XIII века и внимательно следил за изготовлением моих доспехов; при ответственных же съемках он всегда навещал меня в костюмерной...

Но ведь не только из внешней характеристики рождается образ! Самыми интересными, хотя и наиболее трудными, были поиски внутренней характеристики героя. В одном из перерывов, когда я сидел рядом с С.М. Эйзенштейном, и здесь же, у «Чудского озера», отдыхали сотни участников картины, из рук в руки стали быстро переходить только что доставленные на Потылиху свежие листы «Правды». Газета

шла нарасхват. Всеобщее внимание привлекло официальное сообщение ТАСС о том, что накануне японские фашисты вновь вторглись на нашу землю и в течение всего дня вели бой, пытаясь захватить высоту Заозерную в районе озера Хасан, но натолкнулись на мощный отпор Красной Армии. Все живо обсуждали неожиданное известие. – Смотрите, как наша историческая тема непосредственно перекликается с сегодняшним днем, — невольно воскликнул я, прочтя вслух сообщение ТАСС. Съёмки возобновились с большим подъемом. Историческая повесть о славе русского оружия заново осмысливалась и переживалась нами под непосредственным впечатлением сегодняшнего дня. [4]

Фильм «Александр Невский» вышел на экраны в 1938 году, а в 1942 году, в год 700-летия Ледового побоища и в самый разгар Великой Отечественной войны, фильм «Александр Невский» стал еще одним оружием Советского Союза». Известно и то, что профиль актёра Николая Черкасова был отчеканен на советском ордене Александра Невского, учрежденного 29 июля 1942 года. В этом же году был выпущен плакат со словами И.В. Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков». Интересным фактом является то, что Орден Александра Невского – это единственный, орден, учреждённый в Российской Империи (1725), затем в СССР и существующий в настоящее время в Российской Федерации. Этим орденом был награжден легендарный авиаполк «Нормандия-Неман».

Безусловно, образ святого князя Александра Невского продолжает оставаться одним из доминантных героико-патриотических символов в многонациональной культуре и искусстве народов России.

С именем Благоверного князя Димитрия Донского, легендарного святого воина, также одного из Небесных покровителей казачества связано событие огромной исторической и политической важности – освобождение от почти 250-летнего Татаро-Монгольского ига. Великий князь Московский изменил вектор своего правления: он отошёл от междоусобной брани с другими русскими князьями и обратил своё внимание к заботам об интересах государства и русского народа. Будучи собирателем русских земель, великий князь Димитрий сумел объединить русские княжества против нашествия татарского войска Мамаю, угрожавшего очередным разорением Руси, и стал победителем в Куликовской битве (1380), заручившись молитвенной поддержкой и благословением преподобного Сергия Радонежского [5].

Этой победой великим князем Димитрием Донским положено начало освобождению и становлению единого национального русского государства. К образу Св. Димитрия Донского представители политической элиты и деятели культуры обращались в период становления великорусской государственности вплоть до Петровской эпохи. Официальное признание святости князя произошло лишь в 1988 г. Одной из причин столь поздней канонизации, по мнению историков, могло стать то, что сам князь Димитрий лично способствовал местной канонизации Александра Невского, ставшего главным святым воином – защитником Руси.

Изображения Дмитрия Иоанновича в иконописных изображениях известны с XV века. Один из ранних образцов помещён в житийном цикле святого Алексия, митрополита Московского, на иконе 1480-х годов письма иконописца Дионисия Московского из Успенского собора Московского Кремля. К герою Куликовской битвы обращались русские летописцы; имеются изображения Дмитрия Донского и на

живописных полотнах. Святой князь Дмитрий входит в число восьми наиболее значительных деятелей национальной истории и культуры, расположенных на среднем ярусе памятника «Тысячелетие России» (1862 г., Новгород). Памятник создан в честь тысячелетнего юбилея легендарного призвания варягов на Русь. Великий князь представлен в княжеских одеждах, с непокрытой головой, без нимба, в поясном поклоне перед святителем, благословляющим его крестом. Сюжет сохраняется и в более поздних житийных иконах святого Алексия.

Раннее изображение Димитрия Иоанновича Донского сохранилось в монументальной живописи в росписи Благовещенского собора Московского кремля, которая, согласно летописной записи, была выполнена в 1508 г. мастером *Феодосием*, сыном знаменитого иконописца Дионисия Московского. Нередко Дмитрий Иванович также изображался с нимбом (например, в росписях Благовещенского и Архангельского соборов, а также Золотой палаты в Кремле (1561)). Литература, героем которой является Святой князь Димитрии Донской, обширна. В первую очередь это летописные записи, жития и повести конца XV-XVIII веков. В дальнейшем о святом герое-воине было создано множество литературных художественных произведений: повести и романы писателей, научные труды ученых-историков, сочинения поэтов и литературоведов. В том числе к его образу и подвигам обращались такие знаменитые ученые-историки, как В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, С.Ф. Платонов. Особый интерес, безусловно, вызывают исторические документальные источники: «Задонщина», «Повесть о битве на реке Воже», «Пространная летописная повесть о Куликовской битве», «Сказание о Мамаевом побоище», «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского». В этих произведениях, созданных непосредственно после известных событий, описываются военные действия, происходившие между Русью и Ордой.

Эти обширные летописные документы повествуют о житии великого князя, в них содержатся и присутствуют важные выводы о деятельности Дмитрия Ивановича. Кроме того, к образу князя Дмитрия Донского обращались известные историки прошлого и современности Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, Л.Н. Гумилев, В.А. Кучкин, В.В. Каргалов и другие. Книга Юрия Михайловича Лоцица - исторический роман-хроника о Дмитрии Донском и его времени, выдержала несколько изданий и давно стала классикой историко-биографического жанра. Повествование строится автором на основе документального материала, с привлечением литературных и иных памятников эпохи. В книге воссозданы портреты соратников Дмитрия по борьбе с Ордой – его двоюродного брата князя Владимира Андреевича Храброго, Дмитрия Боброка Вольнского, митрополита Алексея, «молитвенника земли Русской» преподобного Сергия Радонежского и других современников великого московского князя.

Заключение

Обобщая вышесказанное, правомерно утверждать, что воинский и христианский подвиг святых русских воинов, их патриотическое, научное, богословское наследие и воплощение их образов и служения в культуре и искусстве, представляет значительную культурно-историческую, духовно-нравственную и художественно-эстетическую и психолого-педагогическую ценность [6]. Образы святых воинов-подвижников обогатили содержание обучения и воспитания юношества. Мы полагаем, что

знакомство представителей современного светского общества с материалами подвигов русских святых содержит новые возможности для более глубокого осмысления человеком своего истинного предназначения и понимания нравственных оснований становления национального характера в контексте отечественном образовании, истории, психологии, философии, культуры и искусства.

Список литературы

1. Клепинин Н.А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. Святой и благоверный князь Александр Невский. М.: МСА-PRESS, 1927.
2. Положенцева И.В., Аралова Е.В., Кащенко Т.Л., Юлина Г.Н. Философские основы духовности. Сер. Научная мысль. Москва, 2021. 262 с. – DOI: 10.12737/1111368
3. Тихомиров, М.Н. Русская культура X-XVIII вв. М., 1968.
4. Черкасов, Н.К. Записки советского актёра. – М., 1953.
5. Шафажинская Н.Е. Монастырская просветительская культура России. – М.: Инфра-М, 2014. – 232 с.
6. Юлина Г.Н. Специфика контента образовательных программ и психолого-педагогической подготовки наставников казачьих классов // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Церковь и казачество: сотрудничество на благо Отечества». – Москва, 2017.
7. Ян, В.Г. Юность полководца. Историческая повесть о юности и победах Александра Невского. Москва. – 2021.

Сведения об авторах

Свавицкая Мария Евгеньена – аспирант 3 курса, специальности 5.3.4 – педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: m.svavickaya@mgutm.ru

Салаев Тимур Байрамович – аспирант 3 курса, специальности 5.3.4 – педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: timgang@vk.com

Научный руководитель – Шафажинская Наталия Евгеньевна, доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Information about the authors

Svavitskaya Maria Evgenyena – 3rd year postgraduate student, scientific specialty 5.3.4 – Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: m.svavickaya@mgutm.ru

Salaev Timur Bayramovich – 3rd year postgraduate student, scientific specialty 5.3.4 – Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: m.svavickaya@mgutm.ru

Scientific supervisor – Shafazhinskaya Natalia Evgenievna, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

УДК: 821.161.1

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу истории восприятия творчества Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841) за пределами русскоязычного культурного пространства через призму переводческой практики. Рассматриваются ключевые этапы рецепции иноязычного читателя, переводческие стратегии, а также лингвистические, эстетические и идеологические факторы, определявшие особенности передачи лермонтовского текста на иностранные языки. Актуальность темы обусловлена устойчивым интересом зарубежного читателя к творчеству М.Ю. Лермонтова и необходимостью осмысления его места в глобальном литературном процессе. Целью исследования является систематизация этапов переводческой рецепции произведений М.Ю. Лермонтова и выявление основных трудностей, с которыми сталкиваются переводчики. Для достижения цели использовались методы историко-литературного анализа, сравнительно-сопоставительного изучения текстов и контекстуального анализа. Результаты работы подтверждают, что переводы Лермонтова отражают не только языковые, но и культурно-политические трансформации принимающих обществ.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, перевод, мировая рецепция, «Герой нашего времени», поэтический перевод, культурная адаптация, ирония, ритм.

Slastnaya K.D.

MIKHAIL YURYEVICH LERMONTOV IN THE CONTEXT OF WORLD TRANSLATION TRADITION

Abstract. This article examines the international reception of Mikhail Yuryevich Lermontov (1814–1841) through the lens of translation history. It explores key stages of global reception, notable translation strategies, and linguistic, aesthetic, and ideological factors that shaped how Lermontov's texts were rendered into foreign languages. The relevance of the topic stems from the sustained global interest in Lermontov's work and the need to understand his place within the world literary process. The study aims to systematize the phases of Lermontov's translational reception and identify core challenges faced by translators. Methods employed include historical-literary analysis, comparative textual study, and contextual analysis. Findings confirm that translations of Lermontov reflect not only linguistic but also cultural and political transformations in receiving societies.

Keywords: M. Yu. Lermontov, translation, global reception, A Hero of Our Time, poetic translation, cultural adaptation, irony, rhythm.

Введение

М. Ю. Лермонтов занимает центральное положение в русской литературе XIX века как представитель романтизма и одновременно как предтеча реализма и модернизма. Его произведения - в частности, роман «Герой нашего времени», поэмы «Демон» и «Мцыри», лирические стихотворения, такие как «Парус» и «Смерть Поэта» – обладают высокой степенью экзистенциальной и психологической сложности, что обуславливает значительные трудности при их переводе. В данной работе прослеживается эволюция подходов к переводу лермонтовского наследия с середины

XIX века до начала XXI века, с акцентом на культурно-исторические контексты, влияющие на интерпретацию оригинала.

Обзор литературы

Анализ научной литературы показывает, что проблема перевода творчества Лермонтова остаётся актуальной в рамках сравнительного литературоведения и теории перевода. Исследования отечественных и зарубежных учёных (М.О. Гершензон, А. Либерман, Боаз-Байер Дж.) подчёркивают многоаспектность лермонтовского текста и его восприимчивость к транскультурной интерпретации. Особое внимание уделяется вопросам метрико-рифмической структуры, культурно-коннотативной лексики и иронической многослойности повествования. Однако комплексного анализа исторических этапов переводческой рецепции Лермонтова в мировом масштабе до сих пор недостаточно.

Методы исследования

Методологической основой настоящего исследования является междисциплинарный характер, в ходе которого применялись следующие методы: историко-литературный анализ; сравнительно-сопоставительный метод; контекстуальный и дискурс-анализ; метод форенизации; анализ параллельных текстов и переводческих решений.

Эти методы позволили выявить закономерности в эволюции переводческих стратегий и определить ключевые барьеры при передаче лермонтовского текста на иностранные языки. Как подчеркивают авторы монографии «Язык и мышление в контексте полилога» (2005), выполняя анализ поэтических произведений/текста следует проводить пошагово, учитывая данные уровни и аспекты, которые позволят раскрыть пространство поэтического мира. [3, с. 113]

Результаты исследования

М.Ю. Лермонтов занимает центральное положение в русской литературе XIX века как представитель романтизма и одновременно как предтеча реализма и модернизма. Его произведения — в частности, роман «Герой нашего времени», поэмы «Демон» и «Мцыри», лирические стихотворения, такие как «Парус» и «Смерть Поэта» — обладают высокой степенью экзистенциальной и психологической сложности, что обуславливает значительные трудности при их переводе. В данной работе прослеживается эволюция подходов к переводу лермонтовского наследия с середины XIX века до начала XXI века, с акцентом на культурно-исторические контексты, влияющие на интерпретацию оригинала.

1. Начальный этап рецепции (1840–1880-е гг.)

Первые переводы произведений М.Ю. Лермонтова появились вскоре после его гибели в 1841 году. Наиболее ранние публикации были осуществлены на немецком и французском языках. Значительную роль в популяризации творчества поэта сыграл Фридрих фон Боденштедт, чьи адаптированные версии способствовали формированию романтизированного образа «восточного» мотива, характерного для лермонтовской кавказской тематики. [5] Первый книжный перевод романа «Герой нашего времени» на немецкий язык (В. Вольфсон, 1854) стал основой для последующих скандинавских и нидерландских версий. Во Франции и Англии интерес к Лермонтову проявился позже; первые переводы носили адаптационный характер, часто упрощая иронию и моральную неоднозначность образа Печорина. Основным препятствием для точной

передачи лирики Лермонтова служила специфика русского стихотворного размера, особенно четырёхстопного ямба, а также особенности синтаксиса и лексики.

2. Канонизация и идеологизация (1890–1930-е гг.)

На рубеже XIX–XX веков наблюдается рост интереса к русской литературе в Европе и США, что способствовало более глубокому осмыслению лермонтовского наследия. В Германии экспрессионистская эстетика оказалась созвучной мрачной патетике лермонтовских героев. Переводы А. Лютера отличались стремлением к метрической точности. В англоязычной среде важную роль сыграл перевод 1915 года (J. H. Wisdom и M. Murray), восстановивший философские прелюдии романа и сохранивший ироническую дистанцию. В то же время в СССР Лермонтов был включён в официальный канон как «революционно-демократический» писатель, что повлияло на подборку и интерпретацию его произведений в изданиях, распространявшихся за рубежом. Параллельно в Японии его творчество было воспринято в рамках традиции си-сёсэцу, что свидетельствует о транскультурной адаптивности лермонтовских тем.

3. Стандартизация и поэтическое возрождение (1940–1970-е гг.)

В послевоенный период формируются авторитетные, «канонические» переводы, особенно в английской традиции. Версия В. и Д. Набоковых (1957, переработана в 1966) стала эталоном академической точности. [7]

Одновременно поэты-переводчики, такие как Мартин Паркер, стремились к воссозданию лирической интонации оригинала. Во Франции лермонтовская тематика отчуждения и экзистенциального сомнения была актуализирована в русле экзистенциалистской философии. В условиях Холодной войны переводы, издававшиеся советскими издательствами, подвергались идеологической цензуре, включая намеренные искажения смысла. В странах Центральной и Восточной Европы Лермонтов активно использовался в рамках культурной дипломатии; в частности, перевод «Демона» Яном Коттом (1958) оказал влияние на театральную практику.

4. Современный этап: плюрализм и цифровизация (1980-е гг. – настоящее время)

После распада СССР идеологические ограничения были сняты, что позволило расширить спектр интерпретаций.

Под влиянием теорий Лоуренса Вентули усилился акцент на форенизации – сохранении культурной специфики оригинала. Именно использование метода форенизации, когда акцент ставится на лингвокультурной ценности языка перевода, позволяет подчеркнуть языковые и культурные особенности оригинального текста, при этом, приближая, читателя к культуре оригинала.

В английском языке появились новые переводы «Героя нашего времени» (П. Фут, Н. Рэндалл, Н. Пастернак Слейтер), каждый из которых предлагает собственную стратегию передачи иронии и повествовательной структуры. В области поэтического перевода выделяется работа А. Либермана, подчеркивающего семантическую функцию рифмы и размера. Интерес к Лермонтову наблюдается и в неевропейских культурах: в Китае, например, его творчество было воспринято как выражение бунта против традиционного сознания. Развитие цифровых гуманитарных наук (например, Lermontov Digital Archive, Гарвардский университет) обеспечивает доступ к параллельным текстам, аудиозаписям и сравнительному анализу переводов.

5. Переводческие трудности

Ключевые проблемы, связанные с переводом Лермонтова, включают:

1) метрико-рифмическую структуру, особенно в лирике, где точное воспроизведение четырёхстопного ямба в языках с иной просодической системой практически невозможно;

2) культурно-коннотативную лексику («тоска», «воля», «чужой»), не имеющую прямых эквивалентов;

3) ироническую многослойность повествования в «герое нашего времени», требующую тонкой тональной калибровки;

4) исторически сложившийся «байронический» стереотип, затушёвывающий оригинальность лермонтовской поэтики.

Заключение

История перевода произведений М.Ю. Лермонтова представляет собой не только процесс трансляции текста, но и зеркало культурных, политических и эстетических трансформаций принимающих обществ. Устойчивый интерес к его творчеству обусловлен способностью выходить за пределы западных литературных парадигм и выражать универсальные антиномии человеческого существования: между свободой и социальным давлением, между красотой и разрушением, между молчанием и необходимостью самовыражения. Именно эта напряжённая диалектика обеспечивает постоянную актуальность лермонтовского текста и стимулирует переводческий поиск, направленный не на буквальное соответствие, а на достижение смыслового и эмоционального резонанса.

Список литературы

1. Гершензон М. О. М. Ю. Лермонтов: Его жизнь и творчество. — М.: Издательство Московского университета, 1910. — 256 с.
2. Либерман А. *The Demon and Other Poems*. — New Haven: Yale University Press, 2013. 312 p.
3. Язык и мышление в контексте полилога. Алиева П.Ш., Богатырева С.Н., Денисенко Е.Г., и др. Курск: Университетская книга. 2025. — 256 с.
4. Boase-Beier J. *Stylistic Approaches to Translation*. — London: Routledge, 2006. 198 p.
5. Bodenstedt F. *Die Lieder des Mirza-Schaffy*. — Berlin: Hoffmann & Campe, 1851. 224 S.
6. Lermontov Digital Archive. Harvard University, 1991 — 246 p.
7. Nabokov V., Nabokov D. *A Hero of Our Time*. — New York: Vintage, 1966. 176 p.

Сведения об авторах

Сластная Кристина Дмитриевна – студентка 3 курса, направления подготовки: 45.03.02 «Лингвистика», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: kternovskaya16@mail.ru

Научный руководитель – Богатырева Светлана Николаевна, доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Information about the authors

Slastnaya Kristina Dmitrievna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Linguistics (45.03.02), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: kternovskaya16@mail.ru

Scientific supervisor – Bogatyрева Svetlana Nikolaevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Head of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

УДК 81'23

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ И КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье рассматривается языковое представление мира как языковое осмысление. Именно язык является важнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире. Языковая картина мира дополняет объективные знания реальности. Совокупность этих знаний, зафиксированная в языковой форме, представляет собой то, что в разных концепциях называется или «языковым промежуточным миром», или «языковой репрезентацией мира», или «языковой моделью мира», или «языковой картиной мира». Каждый индивид имеет свою систему ценностных ориентаций, стереотипов, стандартов и идеалов, свою картину мира, определяемую уровнем его культуры, и свой собственный диалект. Также в статье уделяется особое внимание слову, которое, являясь частью культуры, фиксирует отражение реального мира и несет в себе определенный культурный код.

Ключевые слова: Язык, картина мира, языковая картина мира, культурный код, этническое сознание, лингвокультура.

Topalova E.A.

REPRESENTATION OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN SPEECH CULTURE AND WORLDVIEW

Abstract. The article examines the linguistic representation of the world as linguistic comprehension. It is language that is the most important way of formation and existence of human knowledge about the world. The linguistic picture of the world complements objective knowledge of reality. The totality of this knowledge, recorded in linguistic form, represents what in different concepts is called either a “linguistic intermediate world”, or a “linguistic representation of the world”, or a “linguistic model of the world”, or a “linguistic picture of the world”. Each individual has his own system of value orientations, stereotypes, standards and ideals, his own picture of the world, determined by the level of his culture, and his own dialect. The article also pays special attention to the word, which, being part of culture, captures the reflection of the real world and carries a certain cultural code.

Keywords: Language, picture of the world, linguistic picture of the world, cultural code, ethnic consciousness, linguistic culture.

Наиболее информативным для моделирования лингвокультурной специфики того или иного сообщества является понятие картины мира, имеется в виду выделение, фрагментация, освоение действительности. В. И. Карасик отмечает то, что самым важным объективным показателем значимости той или иной сферы действительности для конкретной общности является понятие семантической плотности, то есть детализация отмечаемого фрагмента реальности. Речь идёт о признаках, которые свидетельствуют об этнокультурной самобытности народа [4, с. 45–52]. В картине мира репрезентированы мировидение и миропонимание членов лингвокультурного сообщества. Мир – это человек и среда в их взаимодействии, а картина мира – результат переработки информации о среде и человеке [8, с. 5].

Языковое представление мира можно рассматривать как языковое осмысление, поскольку, во-первых, представление мира – это его осмысление, или интерпретация, а не простое “фотографирование”, и, во-вторых, отмеченное представление, или

отображение, носит языковой характер, то есть оно осуществляется в форме речи и существует в форме языка. Язык является наиважнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире. Отделяя в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания.

Вопрос об обусловленности сознания и мышления языком теснейшим образом, оказывается, связан с проблемой «языка мысли». Протекает ли мышление в вербальных формах или существует довербальный уровень мышления? В отечественной науке как «вербалисты», так и «антивербалисты» ссылаются на Л. С. Выготского, приводя ставшие хрестоматийными цитаты из классического труда этого ученого: «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [2, с. 306]. «Единицы мысли и единицы речи не совпадают» [2, с. 354]. На вопрос о «вербальности» сознания и мышления, о совпадении когнитивных единиц с языковыми значениями, о том, всегда ли мышление протекает в вербальных формах, не существует однозначного ответа.

Сам же этот вопрос оказывается теснейшим образом связанным с другими: являются ли сознание и мышление детерминированными этническим языком (ведь слово не может не быть словом конкретного этнического языка) или они независимы от него, можно ли говорить об особой языковой картине мира, особой «сетке», которую тот или иной язык накладывает на восприятие, членение и категоризацию действительности, или отражение человеческим сознанием мира не зависит от этнического языка, а когнитивные процессы являются универсальными.

Этнические сознания серьезно отличаются друг от друга, но различия эти могут детерминироваться не языком, но социально-культурными условиями. Этнические особенности сознания могут сохраняться в тех случаях, когда его носители говорят на разных языках и, наоборот, когда два различных этнокультурных сообщества являются носителями одного языка. Приводятся многочисленные примеры фактов второго рода, серьезные различия в поведении, вплоть до конфликтов, между «сто процентными» американцами и греками, родившимися в Америке, не владеющими греческим языком, считающими своим родным английский, но сохраняющими свою культуру и живущими по ее нормам, а также среди английских индейцев, предки которых достаточно давно переселились в Англию, владеющих только английским языком.

Исследования и эксперименты свидетельствуют, что сохраняются явные различия в характеристике и категоризации явлений социальной действительности (напр., отношения социальной иерархии) между англичанами и индийцами. О похожих выводах можно говорить на основании исследований среди детей, родившихся в Израиле в семьях из Западной Европы и Америки, Восточной Европы и в кибуцах. Для всех этих детей родным языком является иврит, однако между названными группами «обнаруживаются серьезные различия в когнитивном стиле, требующие различные стратегии в обучении», что обусловлено прежде всего различиями в «стратегиях социализации», применяемые в семьях.

Таким образом, говорить, что некоторые черты этнического культурного сознания оказываются обусловлены отнюдь не языком, но не поддается сомнению, что черты эти отражаются в языковом сознании их носителей, накладывают отпечаток на речевую практику последних, в которой это сознание реализуется. Заметим, что указанные исследователи опирались в своих выводах именно на анализ дискурсивных

практик носителей тех или иных черт специфического этнического сознания. В последнее время активизировались психолингвистические исследования, убедительно свидетельствующие о том, что языковые категории отражают особенности национального характера и оценки явлений внешнего и внутреннего мира человека. Ю.Д. Апресян считает, что в природной речи отражается “наивная картина мира”, составляющая содержание строения сознания её носителей. “Наивная картина мира” как факт сознания отображается пофрагментарно в лексических единицах языка, однако, сам язык этот мир не отображает [1, с. 37–67].

Языковая картина мира дополняет объективные знания реальности. Совокупность этих знаний, зафиксированная в языковой форме, представляет собой то, что в разных концепциях называется или “языковым промежуточным миром”, или “языковой репрезентацией мира”, или “языковой моделью мира”, или “языковой картиной мира”. В связи с широким распространением мы выбираем последний термин.

Понятие “картины мира” (в том числе языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Между картиной мира как отображением реального мира, и языковой картиной мира, как фиксацией этого отображения, существуют сложные отношения. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных, временных, количественных, этических и других параметров. На её формирование влияет язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы. Языковая картина мира не стоит в одном ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, так как человек способен понимать мир и сам себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно–исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и означает специфические особенности языка на всех уровнях. Благодаря специфике языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек смотрит на мир [7, с. 17].

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. По мнению Ю.Д.Апресяна, каждый природный язык отображает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Отображенные в нем значения составляют определённую единую систему взглядов, как бы сказать, коллективную философию, которая навязывается как обязательная всем носителям языка [1, с. 37–67].

Таким образом, возникает как бы “простор значений” (в терминологии А.Н.Леонтьева), то есть закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально–культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир людей, которые разговаривают на одном языке, то есть языковая картина мира как совокупность знаний о мире, зафиксированных в лексике, фразеологии и грамматике [9].

Термин “языковая картина мира” – это не больше, чем метафора, так как в реальности специфические особенности национального языка, в котором зафиксирован уникальный общественно–исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую–то иную неповторимую картину мира, отличающуюся от объективной существующей, а лишь

специфическую “окраску” этого мира, обусловленное национальной значимостью предметов, явлений, процессов, выборочными отношениями к ним, которое порождается спецификой деятельности, образом жизни и национальной культурой определенного народа” – считает В.А.Маслова [6, с. 42–54].

Действительно каждый народ по-своему определяет разнообразие мира, по-своему называет эти фрагменты мира. Свообразие картины мира определяется тем, что в ней опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный (этнический) вербальный и невербальный опыт. Интерес к языковой картине мира находим еще в работах В. фон Гумбольдта, который писал, что «разные языки становятся для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [3, с. 77]. Его идея “языкового миропонимания” развивается в современном неогумбольдтианстве. Люди при помощи языка создают свой особенный мир, отличный от окружающего мира. Картина мира говорящего, естественно, качественно отличается от объективного описания свойств, предметов, от научных представлений о них, так как она является “субъективным образом объективного мира”. Однако не сам язык формирует эту субъективную картину мира.

Существуют национальные языки, специфика которых, так же как и специфика национального сознания, обусловлена специфическим содержанием и способами деятельности, условиями природной и социальной среды, материальной и духовной культурой, которая фиксируется на разных уровнях языка. То есть национальные языки как «орудия» не создают для их носителей субъективную картину мира, а лишь влияют на её специфику в знаковом изображении [10, с. 25].

Итак, мир представляется человеку таким, каким он в меру своего развития познает и осваивает его. Картина мира – это то, что передается, прежде всего, от человека или этноса, результат человеческого восприятия, фантазий, мыслительных процессов и преобразовывающей деятельности [5, с. 7]. Языковая картина мира – это мозаикоподобная полевая система взаимосвязанных языковых единиц, через сложную систему фонетических явлений, лексико-семантических и грамматических значений, а также стилистических характеристик отображает относительно объективное положение окружающих вещей и внутреннего мира человека, то есть общую картину мира. И концептуальную, и языковую картину мира можно воспринимать как общечеловеческий универсум и как национальное языковое явление [7, с. 14].

Описание языковой картины мира будет страдать фрагментарностью, так как, пожалуй, любое описание языка фрагментарно. Поскольку языковая картина мира связана с национальной культурой, то и в этом аспекте ее описание будет не полным, ибо культура воплощается не только в языке, но и в красках, музыке, танце. Описывая национальную картину мира, исследователи обращаются к неким представлениям о мире, свойственным носителям данной культуры и воспринимаемым ими как нечто данное.

С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры [10, с. 12].

Таким образом, можно говорить о том, что каждый индивид имеет свою систему ценностных ориентаций, стереотипов, стандартов и идеалов, свою картину мира, определяемую уровнем его культуры, и свой собственный идеолект. Он впитывает в себя стереотипы, стандарты и ценностные ориентиры, принятые в тех подгруппах общества, в которые он входит.

Слово, являясь частью культуры, фиксирует отражение реального мира и несет в себе определенный культурный код. Каждый язык окрашивает через систему своих значений и ассоциаций концептуальную модель мира в национально – культурные цвета. Присущая языку национально-культурная семантика, является, с одной стороны, продуктом коммуляции сведений, и в этом случае можно говорить о культурнонакопительной функцией языка; с другой стороны, язык сам приобщает своих носителей к своей национальной культуре – такова его культуроприобщающая функция. В грамматических формах и лексике языка находят отражение сознание людей и их поведение, которые в свою очередь определяются внешними условиями жизни, материальной действительностью. В языке, как в своеобразной материальной форме закрепляется и реализуется отображенная в сознании человека «картина мира».

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // В.Я. – 1995, №1 – С. 37 – 67.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт. 1999. – 352 с.
3. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 389 с.
4. Красных В.И. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.
8. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конф. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун – та, 1999. – С. 1 – 9.
9. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию – М.: Наследие. 1997. – 208 с.
10. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под ред. Б. А. Серебренникова. – М.: МГУ, 1988. – С. 11 – 20
11. Цивьян Т.В. Лингвистические основы болгарской модели мира. – М.: Наука. 1990. – 211 с.
12. Шафажинская Н.Е., Кащенко, Т.Л., Положенцева, И.В., Юлина Г.Н., Рабаданова, Р.С. Духовные основы русской словесности, культуры и искусства. Учебно-методическое пособие / Программа повышения квалификации педагогических работников системы образования. Москва. 2019. – 116 с. ISBN 978-5-907092-88-4
13. Шмелев А.В. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – Москва: Языки славянской культуры. 2002. – 235 с.

Сведения об авторах

Топалова Екатерина Алексеевна – магистр психологии, аспирантка направления 5.10.1 – теория и история культуры, искусства. Приднестровье

Научный руководитель – Шафажинская Наталия Евгеньевна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г.Разумовского (ПКУ). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Information about the authors

Topalova Ekaterina Alekseevna – Master of Psychology, postgraduate student directions 5.10.1 – Theory and history of culture and art», Transnistria

Scientific supervisor – Shafazhinskaya Natalia Evgenievna, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

УДК 821.161.1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье рассматриваются сложности и особенности перевода произведения «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского на английский язык на примерах реалий. Передача реалий в романе на английский язык может происходить посредством приблизительного и контекстуального перевода, что приводит к терминологической недостаточности и потере национального и исторического колорита оригинала. Также находит место описательный перевод. В редких случаях используется способ транслитерации, который требует уточняющей информации, для того чтобы реалия была понятна англоязычному читателю как представителю другой культуры. Основные задачи статьи рассмотреть и проанализировать культурные и лингвистические особенности оригинального текста «Преступление и наказание», выявить и классифицировать проблемы, возникающие при переводе, оценить основные стратегии переводов. В методологическом плане данная работа основывается на междисциплинарных подходах, объединяющих теорию перевода, литературоведение и культурологию.

Ключевые слова: способы перевода, реалии, лексические единицы, различия культур, стратегия перевода, лингвистические особенности, литература.

Chuguets D. I.

THE DISTINCTIVE FEATURES OF THE ENGLISH TRANSLATIONS OF F.M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT"

Abstract. The article examines the difficulties and peculiarities of translating the realities of the work "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky into English. The transfer of realities in the novel into English can occur through approximate and contextual translation, which leads to terminological insufficiency and loss of the national and historical flavor of the original. A descriptive translation also finds a place. In rare cases, a transliteration method is used, which requires clarifying information in order for the reality to be understandable to the English-speaking reader as a representative of another culture. The main objectives of the article are to examine and analyze the cultural and linguistic features of the original text Crime and Punishment, to identify and classify the problems that arise during translation, and to evaluate the main translation strategies. Methodologically, this work is based on interdisciplinary approaches that combine translation theory, literary studies, and cultural studies.

Keywords: translation methods, realities, lexical units, cultural differences, translation strategy, linguistic features, and literature.

Введение

Перевод художественных произведений, особенно таких масштабных и многогранных, как роман Фёдора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание», представляет собой сложный и ответственный процесс. Этот роман не только является одним из величайших образцов русской классической литературы, но и содержит в себе богатую палитру психологизмов, философских размышлений и литературных стилистических приёмов, характерных для XIX века. Перед переводчиком стоит задача не только передать смысловую нагрузку оригинала, но и

сохранить его стилистическую выразительность, культуру речи, а также глубинные философские идеи, заложенные автором.

Особенности текста Ф.М. Достоевского требуют от переводчика владения широким спектром лингвистических и культурологических знаний: необходимо найти способы адекватно воспроизвести внутренний мир героев, их психологическую динамику и эмоциональное напряжение, а также передать специфику русской литературной традиции, которая укоренилась в социальной и исторической действительности того времени. Важной проблемой является подбор соответствующих лексических средств и стилистических приёмов, способных максимально передать нюансы авторского стиля, а также устранить возможные коммуникативные барьеры при адаптации текста для читателей другого культурного пространства.

Цель данной статьи – проанализировать основные особенности и сложности, характерные для перевода «Преступления и наказания», рассмотреть существующие подходы и методики, а также определить, каким образом удаётся или затрудняется передача литературной, философской и психологической сути произведения в различных языковых и культурных контекстах. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с передачей русской национальной самобытности, философских концепций и стилистических особенностей, а также оценке роли переводчика в сохранении художественного и смыслового богатства оригинала.

Задачи исследования:

- 1) анализировать культурные и лингвистические особенности оригинального текста «преступление и наказание» и их влияние на процесс перевода;
- 2) исследовать основные стилистические и философские особенности произведения, которые требуют особого подхода при переводе на другие языки;
- 3) выявить и систематизировать типичные проблемы, возникающие при переводе психологической глубины и внутреннего мира героев романа;
- 4) оценить различные стратегии и приемы переводческих решений, направленные на сохранение смысловой и эстетической ценности оригинала в переводных версиях.

Теоретико-методологические основы исследования

Данная работа основывается на междисциплинарных подходах, объединяющих теорию перевода, литературоведение и культурологию, что позволяет всесторонне анализировать особенности перевода «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Ключевыми теоретическими направлениями являются теория эквивалентности и адекватности в переводе (Н. Тернер, П. Броди), а также концепция культурной трансляции, предложенная Ю. Степановым и В. Лесновым. В качестве методологических основ применяются методы сравнительного анализа и контекстуального подхода, позволяющие выявить особенности передачи стилистических, психологических и философских аспектов оригинала. Используются также подходы, связанные с анализом экспрессивных средств и речевых стилистик, чтобы понять механизмы сохранения авторского стиля в переводе. Особое внимание уделяется методам интерпретации культурных кодов и реалий, что необходимо для адекватного воспроизведения национальной особенности и философского содержания произведения. В рамках исследования применяются также методы текстового анализа

и контекстуальной интерпретации, что позволяет оценить, насколько переводные тексты сохраняют внутреннюю логику и художественную ценность оригинала.

Выбранные методы и теоретические подходы служат основанием для систематического анализа особенностей перевода романа, а также позволяют выявить существующие трудности и предложить рекомендации по их решению.

Обзор литературы

Первое, что привлекает внимание при анализе перевода Дэвида Макдаффа, — это значительное количество сносок (до пяти на каждой странице). Такое обилие примечаний свидетельствует о том, что современный переводчик не нашёл в англоязычных эквивалентах для ряда русских реалий и лексических единиц, характерных для произведения Ф. М. Достоевского, и вынужден прибегать к постоянным пояснительным ссылкам. Некоторая специфика реалий и словоупотреблений в романе затрудняет их непосредственное восприятие современными русскоязычными читателями, например, фраза «шляпа от Циммермана». Аналогичная проблема возникает у англоязычной аудитории при столкновении с устаревшими единицами измерения, к примеру, «верста», вызывая вопросы о её соотношении с современными единицами – километрами и милями.

Еще более сложным является адекватная передача диалогической речи. Герои произведения отличаются высокой словесностью и склонностью к монологам, что обусловлено их внутренним одиночеством. Перед переводчиком стоит задача сохранить живость диалогов и правдоподобие монологов. Однако не всегда эта задача решается успешно.

Важно учитывать, как отмечают авторы коллективной монографии «Язык и мышление в контексте полилога» (2025), что «в литературном пространстве мировоззрения писателя и читателя должны иметь независимость друг от друга, так как основанием любого дискурса, который представляет собой акт создания текста, выступает взаимодействие сознаний того, кто производит текст и того, кто его воспринимает». [14, с. 107]

Например, в тексте Достоевского широко используют фронтальные и междометные выражения с упоминанием «черт». В переводе Ричарда Пивера и Ларисы Волконской передается выражение «К черту!» как «Ah, go to the hairy devil!», что носит скорее игривый характер, тогда как Макдафф переводит его иначе — «The devil, there's nothing to be done!», что для англоязычного читателя становится менее ясным и может вызвать недоумение. В оригинале использовано устное восклицание без конкретной релевизной окраски.

Эмоционально насыщенная лексика также создаёт значительные трудности для переводчиков, особенно когда речь идёт о словах, несущих в себе глубокую культурную, историческую или идеологическую нагрузку. Ярким примером служит употребление слова «гласность», произнесённого Свидригайловым в разговоре с Раскольниковым: «Ах, да ведь вы всё знаете, — сказал он, — вы же человек гласности...» (Ч. IV, гл. I). Это слово в XIX веке не имело политического значения, которое оно приобрело в 1980-х годах, а скорее указывал на моральную открытость, склонность к откровенности, способность «выносить всё на свет».

Переводчики по-разному интерпретировали этот термин. Констанс Гарнетт в своём классическом переводе 1914 года выбрала нейтральное английское слово

«publicity», что передаёт лишь внешнюю сторону - публичность, но упускает внутреннюю этическую коннотацию. Ричард Пивер и Лариса Волконская в издании 1992 года использовали «freedom of expression», что, хотя и ближе к духу либеральных идей эпохи Достоевского, всё же вводит в текст идеологический оттенок, характерный скорее для XX века.

Дэвид Макдафф, напротив, оставил слово без перевода – как «glasnost». [4, с. 256] Его решение основано на предположении, что термин стал настолько узнаваем в англоязычной культуре благодаря политике Михаила Горбачёва, что не требует пояснений. Однако такой подход искажает первоначальный смысл: читатель XXI века, столкнувшись с «glasnost» в контексте XIX века, может либо недоумевать, либо автоматически ассоциировать его с позднесоветской политикой, что в корне противоречит авторскому замыслу. Транскрипция здесь не только не помогает, но и создаёт семантический диссонанс. Важным аспектом остаётся проблема передачи культурных реалий, особенно тех, что связаны с материальной и духовной культурой России. Описание храма как «церковь с зелёным куполом» требует учёта специфики православной архитектуры, где купола имеют характерную форму «луковицы». Констанс Гарнетт, несмотря на свои путешествия по России, ограничилась буквальным переводом – «with a green cupola», что для англоязычного читателя вызывает ассоциации с западноевропейскими церквями, имеющими полусферические или шлемовидные купола. Макдафф, стремясь сохранить этнокультурную уникальность образа, использует метафорическое определение — «church with a green onion dome» (McDuff, 1991, p. 32). Такой выбор не только точно передаёт визуальный образ, но и активирует у читателя представление о типично русском храме. Это пример удачной компенсации: вместо сноски или пояснения переводчик встраивает культурный маркер прямо в текст, делая его одновременно понятным и аутентичным.

Ещё один показательный случай — передача слова «мужики», которое в романе часто используется с пренебрежительным или ироническим оттенком, особенно в устах персонажей вроде Лужина или Свидригайлова.

В сцене на Николаевском вокзале (Ч. 11, гл. VI) пьяная компания описывается как «толпа мужиков». Макдафф передает это как «a crowd of muzhiks» (McDuff, 1991, p. 147). Хотя слово «muzhik» существует в английском языке как заимствование, оно сегодня практически не употребляется в повседневной речи и воспринимается скорее как архаизм или экзотизм. Англоязычный читатель, не знакомый с русской историей, может не уловить ни социального статуса (крестьянство), ни эмоциональной окраски (грубость, неотёсанность), заложенной в оригинале.

В отличие от Макдаффа, Гарнетт предпочитала более нейтральные эквиваленты — например, «peasants» или «fellows», — что облегчало восприятие, но сглаживало культурную специфику. Современные переводчики, включая Макдаффа, чаще выбирают стратегию сохранения иноязычности через транслитерацию или заимствование, полагаясь на сноски или контекстуальные подсказки. Так, в том же эпизоде Макдафф добавляет сноску: "Muzhik: a Russian peasant", что частично компенсирует потерю интуитивного понимания. Тем не менее, подобная практика нарушает плавность чтения и свидетельствует о невозможности полной эквивалентности в межъязыковой передаче культурно маркированной лексики.

Таким образом, перевод Дэвида Макдаффа демонстрирует осознанный выбор в пользу культурной точности, даже ценой некоторой трудности для читателя. Его стратегия – сочетание транслитерации, метафорической адаптации и пояснительных сносок – отражает современный подход к переводу классики: не «очищать» текст от чуждости, а сохранять ее как часть художественного мира автора.

Результаты исследования

Результаты проведенного анализа показывают, что перевод произведений Ф.М. Достоевского на английский язык характеризуется высокой сложностью, обусловленной многочисленными культурными и лингвистическими реалиями. Основные выводы следующие:

Обилие примечаний и сносок — свидетельство отсутствия полностью эквивалентных англоязычных аналогов у ряда реалий, что требует дополнительных пояснений для сохранения смысловой полноты и культурной аутентичности текста. Так, при упоминании «шляпы от Циммермана» (Ч. 1, гл. II) Макдафф не ограничивается простым «a Zimmermann hat», а добавляет сноску: "Zimmermann: a famous St Petersburg hatter" (McDuff, 1991, p. 23). Подобное пояснение необходимо, поскольку имя «Циммерман» для англоязычного читателя не несет никакой коннотации престижа или моды, тогда как в России XIX века эта фамилия была синонимом элитной мужской моды. Аналогично, при упоминании «версты» (например, в описании расстояния до острова – Ч. VI, гл. VII) Макдафф даёт сноску: "Versta: a Russian measure of distance, approximately two-thirds of a mile" (458). Такой подход позволяет сохранить оригинальную систему координат мира Достоевского, не заменяя её на привычную западному читателю, но при этом обеспечивает понимание через пояснение.

Передача культурных реалий — осуществляется посредством различных стратегий, включая транслитерацию, метафорический перевод и использование сносок. При этом транслитерация, как правило, применяется современными переводчиками для сохранения этнокультурных особенностей, что повышает адекватность передачи культурных кодов. Ярким примером является описание храма: «церковь с зелёным куполом». Макдафф переводит это как «church with a green onion dome» (32), используя метафору «onion dome», устоявшуюся в английском языке для обозначения именно православных куполов. Это решение не только точно передаёт визуальный образ, но и избегает необходимости в сноске. В то же время, при передаче слова «мужики», обозначающего в романе не просто крестьян, а часто пьяных, грубых мужчин, Макдафф выбирает транслитерацию – «muzhiks» — и дополняет её сноской: "Muzhik: a Russian peasant" (147). Такая комбинированная стратегия позволяет сохранить культурную специфику и одновременно обеспечить минимальное понимание для неподготовленного читателя.

Особенности диалогической речи и эмоциональной лексики – являются сложной задачей, поскольку требуют сохранения живости и правдоподобия речевых образов. В некоторых случаях переводчики сталкиваются с трудностями, связанными с адаптацией эмоциональной окраски и звучания выражений оригинала для англоязычной аудитории. Например, в сцене, где Раскольников в отчаянии восклицает: «Чёрт!», Макдафф передаёт это как «The devil!» (p. 67) - нейтрально и экспрессивно, но без излишней театральности. Однако в более сложных случаях, таких как

восклицание Свидригайлова: «К чёрту всё!», Макдафф выбирает «To hell with it all!» (398), что ближе к разговорной английской идиоматике и сохраняет эмоциональный накал. Тем не менее, в других эпизодах, например при передаче внутренних монологов, где важна не только эмоция, но и философская напряжённость, Макдафф иногда жертвует разговорной естественностью ради точности, что может снижать «живость» речи для современного читателя.

Передача специфических лингвистических единиц – таких как устаревшие измерения («верста») и слова с особой эмоциональной или пренебрежительной окраской, требует осмысленного выбора стратегии перевода. Более старые переводы прибегают к дословной передаче или транслитерации, в то время как современный переводчик использует комбинацию адаптации и пояснительных комментариев. Так, Констанс Гарнетт в своём переводе часто заменяла «версту» на «mile», теряя тем самым не только точность, но и ощущение «русского пространства». Макдафф же сохраняет «verst» как лексическую реалию и поясняет её в сноске. То же касается слов вроде «дуэль», которое он оставляет как «duel», но при этом вводит контекстуальные уточнения, когда речь идёт о кодексе чести или социальных последствиях (см. эпизод с Разумихиным и Лужиным, р. 212).

Влияние исторического и культурного контекста — существенно влияет на выбор стратегии передачи реалий: например, термин «гласность» в переводе Макдаффа утрачивал свои исторические коннотации и искажал смысл исходного текста. Когда Свидригайлов говорит Раскольникову: «Вы человек гласности...», Макдафф оставляет это как «You're a man of glasnost...» (256). Хотя такой выбор может показаться экономичным и даже «экзотическим», он вводит читателя в заблуждение: термин «glasnost» в английском языке почти исключительно ассоциируется с политикой Горбачёва 1980-х годов, а не с моральной открытостью XIX века. Таким образом, вместо передачи авторской интонации – ироничной, но не политизированной – возникает анахронизм, который искажает характер персонажа и его отношение к собеседнику. Этот пример наглядно демонстрирует, как даже хорошо обоснованная переводческая стратегия может оказаться контрпродуктивной, если не учитывает семантическую эволюцию ключевых понятий.

Заключение

На основе проведённого анализа переводческих стратегий и методов, представленных в переводных интерпретациях произведения Ф.М. Достоевского установлено, что особенности культурных реалий, уникальных лингвистических единиц и диалогической речи требуют от переводчика применения комплекса адекватных трансляционных приёмов. Использование метафорического и пояснительного перевода, транслитерации, внедрение сносок является оправданным и зачастую единственно возможным способом сохранения культурных коннотаций, смысловой насыщенности и стилистической спецификации оригинального текста.

Особое внимание следует уделять необходимости учета временного и культурного контекста при выборе стратегии передачи реалий, что подтверждает разнообразие подходов, реализуемых в исторически обусловленных переводах. Современные переводческие практики ориентированы на баланс между сохранением аутентичности и обеспечением доступности текста для целевой аудитории. Анализ показывает, что рациональное сочетание лингвистических и культурологических

методов способствует созданию перевода, максимально приближенного к оригиналу по смыслу, стилистике и культурной насыщенности.

Исследование подтверждает сложность и многогранность вопросы перевода русской культурной спецификации на английский язык, а также подчеркивает необходимость дальнейшего изучения оптимальных переводческих стратегий для повышения качества межкультурной коммуникации и сохранения культурного наследия в переводной литературе.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Бюллетень Международного общества Достоевского. – Pittsburgh, PA, USA, 1979.
3. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград: Наука, 1973. — Т. 6. — 511 с.
4. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / пер. с рус. Д. Макдаффа. – London: Penguin Classics, 1991. — 672 с. — (Penguin Classics).
5. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / пер. и примеч. К. Гарнетт. — Mineola, New York: Dover Publications, Inc., 2001. — 544 с. — (Перевод выполнен в 1914 г.).
6. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: курс лекций / В. Н. Комиссаров. — М.: ЭТС, 2000. — 256 с.
7. Критика и интерпретации из книги «Достоевский» в сборнике «Русские романисты» / пер. с англ. Дж. Л. Эдмандса. — [Б. м.], 1887.
8. Кроо, К. Творческое слово Достоевского: герой, текст, интертекст. - Будапешт: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2005. — 318 с.
9. Колбек, М. Dostojewski: Dostoevsky Studies. Journal of the International Dostoevsky Society. — Dresden; Thüringen, Germany, 1998–2007. — New series. — Vol. 2, № 1 – Vol. 11.
10. Лихачёв, Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. — Москва, 1968. — № 8. — С. 74–87.
11. Миллер, Г. Х. Сонник. Толкование сновидений. – СПб: Тимошка, 1976. — 224 с.
12. Нечаева, В. С. Ранний Достоевский. – М.: Наука, 1979. – 288 с.
13. Тихомиров, Б. И. Достоевский в конце XX века. – М.: Классика плюс, 1996. — 352 с.
14. Язык и мышление в контексте полилога / Алиева П.Ш., Богатырева С.Н., Денисенко Е.Г. и др. Курск: Университетская книга. 2025. – 256 с.

Сведения об авторах

Чугуец Диана Игоревна – студентка 3 курса, направления подготовки: 45.03.02 «Лингвистика», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: d.chuguets@mail.ru

Научный руководитель – Богатырева Светлана Николаевна, доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Information about the authors

Diana Igorevna Chuguets – 3rd year bachelor's degree student majoring in Linguistics (45.03.02), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: d.chuguets@mail.ru

Scientific supervisor – Bogatyreva Svetlana Nikolaevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Head of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Секция 2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОВЫХ ПРАКТИК, ПРИНЦИПОВ, ПОДХОДОВ И ФОРМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ, НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Аббасова В.Р., Илясова Е.Е.

УДК 659.123.1

ВЛИЯНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РЕБРЕНДИНГЕ НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ «ЛЕМАНА ПРО»

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие ребрендинга, его цели и причины проведения. Кроме того, анализируется его влияние на продвижение компаний, влияние на уровень публичности капитала, а также формирование образа бренда в общественном сознании, не только потребителей, но и более широкого круга общественности. В качестве предмета исследования выбран процесс ребрендинга зарубежной кампании «Леруа Мерлен», которая получила новое наименование и обновленный фирменный стиль на российском рынке, став уже известной компанией «Лемана ПРО». Особое внимание в рамках анализа ребрендинга данной компании уделяется обновленному логотипу, неймингу, которые состоят из вербально-визуальных элементов. Результаты исследования подчеркивают важность планирования и комплексного подхода к ребрендингу, выбору вербальных инструментов в процессе нейминга и работы с бренд-коммуникацией. Это необходимо для будущего роста компании и сохранения лояльности потребителей, а также укрепления позиций среди конкурентов и понимания важности четкого выбора языкового корпуса бренда как части фирменного стиля, его позиции на российском и международном пространстве.

Ключевые слова: ребрендинг, русский языка, семиотика, лексический корпус, коммуникация.

Abbasova V.R., Ilyasova E.E.

REBRANDING AND ITS IMPACT ON THE EXAMPLE OF LEMAN PRO AND SBER COMPANIES

Abstract. This article discusses the concept of rebranding, its goals and reasons. In addition, it analyzes its impact on the promotion of companies, the impact on the level of publicity capital, as well as the formation of the brand image in the public consciousness, not only of consumers, but also of the wider public. The rebranding process of the Leroy Merlin foreign campaign was chosen as the subject of the study, which received a new name and an updated corporate identity in the Russian market, becoming the already well-known Leman PRO company. As part of the analysis of the rebranding of this company, special attention is paid to the updated logo and naming, which consist of verbal and visual elements. The results of the study emphasize the importance of planning and an integrated approach to rebranding, choosing verbal tools in the naming process and working with brand communication. This is necessary for the future growth of the company and maintaining customer loyalty, as well as strengthening its position among competitors and understanding the importance of clearly choosing the brand's language corpus as part of the corporate identity, its position in the Russian and international space.

Keywords: rebranding, Russian language, semiotics, lexical corpus, communication.

В условиях динамично меняющегося рынка компании все чаще сталкиваются с необходимостью адаптировать свои бренды к новым реалиям и потребительским запросам. Ребрендинг становится важным инструментом, позволяющим не только освежить имидж, но и укрепить позиции на рынке. Цель данной статьи – проанализировать языковую (вербальную) стратегию ребрендинга, применяемую выбранной компанией, а также оценить его влияние на имидж бренда на отечественном и международном рынке.

В рамках работы изучены теоретические основы ребрендинга, проведен анализ ребрендинга компании «Лемана ПРО». Актуальность данного исследования заключается в том, что компаниям зачастую приходится адаптироваться к новым условиям рынка и при этом им необходимо сохранить своих потребителей. Анализ ребрендинга в пункте выбора языковых средств для дальнейшего продвижения бренда среди российской аудитории «Лемана Про» показывает, какие механизмы сегодня являются наиболее продуктивными с точки зрения нейминга и выбора коммуникативной стратегии бренда.

Для успешного анализа ребрендинга различных компаний нужно понимать, что означает понятие «ребрендинг», цели и причины его проведения. Ребрендинг – изменение названия, логотипа, визуального оформления бренда с изменением позиционирования, а также изменение целостной идеологии бренда [1, с. 78]. С целью изменения восприятия продукта в сознании потребителей [4, с. 98]. К основным причинам проведения ребрендинга можно отнести: 1) моральное устаревание текущего бренда; 2) ориентация бренда на выполнение новых задач, которые не могли быть предусмотрены при запуске бренда; 3) изменение целевой аудитории; повышение дифференциации и уникальности бренда на высоко конкурентном рынке; 4) исправление допущенных стратегических ошибок или сложившегося негативного отношения [3, с. 83].

Вербальное общение, как часть бренда и бренд-коммуникации представляет собой форму языкового взаимодействия бренда и целевой аудитории посредством устной или письменной речи. Оно включает в себя все аспекты использования языка – от выбора слов и грамматики до тона голоса, и стиля речи [7].

Мы проанализировали ребрендинг сети магазинов «Леруа Мерлен», которая в настоящее время на российском рынке сменила название на «Лемана ПРО». Компания начала свою деятельность в России в 2004 году, в марте 2023 года компания ADEO, владеющая брендом «Леруа Мерлен», передала управление российского офиса отечественным топ-менеджерам, в связи с чем появилась необходимость ребрендинга для укрепления позиций компании в новом статусе.

Новое название «Лемана ПРО» (Lemána PRO) отражает ключевые приоритеты компании: LE – LEADER (фр.) – лидер рынка, Ma – MAISON (фр.) – дом, Na – NATURE (фр.) – экологическая и социальная ответственность, PRO – акцент на профессионалах в строительстве и обустройстве домов, проактивный подход и проектные решения для клиентов. Лексический и семантический анализ показал тесную связь между русскими и французскими лексемами с точки зрения стилистики бренда и его позиционирования, а также в плане смысловой нагрузки.

Компания завершила процесс ребрендинга в 2025 году. Вместе с названием изменился и логотип, который теперь представляет собой изображение дома в желтых цветах с включенным названием «Лемана ПРО».

Новое название поддерживает цель компании – стать ведущей платформой для улучшения жилищных условий и объединить частных клиентов, физических лиц, а также профессионалов и b2b-клиентов. Как объясняет топ-менеджер: «Новое название отражает нашу стратегию: мы стремимся быть более ориентированными на профессионалов, поэтому добавили приставку «ПРО». Наша миссия заключается в заботе о доме и внимании к будущему. Именно поэтому в нашем логотипе теперь изображен дом» [5].

Вербальный корпус бренда включает слоган, суть которого представитель бренда объясняет так: «Лемана ПРО. Про ваш дом.» отражает нашу миссию – помогать людям создавать комфортное пространство, будь то дом, квартира, дача или сад. Обновление бренда — шаг вперед, который позволит нам не просто сохранить все, что вы в нас любите, но и стать лучше! Мы изменились, чтобы реализовать нашу амбицию — стать платформой по строительству и обустройству дома, объединяющей тех, кто делает это сам или занимается профессионально» [6].

В ходе исследования процесса ребрендинга «Лемана ПРО» мы пришли к нескольким выводам. Ребрендинг является не просто обновлением логотипа или слогана, а комплексным процессом, который затрагивает все аспекты компании – от её миссии и ценностей до визуальной идентичности и взаимодействия с клиентами. Причины для ребрендинга могут быть разнообразными: изменения на рынке, необходимость адаптации к новым потребительским ожиданиям или желание укрепить свои позиции в конкурентной среде. В случае «Лемана ПРО» ребрендинг демонстрирует взаимосвязь исторических корней бренда с новыми российскими реалиями, отражает основную идею позиционирования бренда в потребительском сознании, опираясь на лексические единицы, понятные потребителю [2, с. 83]. Такой подход свидетельствует о понимании компанией степени важности правильного подхода к языковому корпусу бренда, который позволяет адаптировать присутствие подобных международных брендов в разных странах и оставаться крупным игроком глобального рынка.

Список литературы

1. Белоногов В.Л. Ребрендинг // Бурение и Нефть. 2009. №7-8. С. 76-79.
2. Зотова А.С. Семиотика поликодовых текстов в бренд-коммуникации веб 2.0 / Методология современного гуманитарного исследования. Материалы III Международной научной конференции. – М., 2023. С. 78-84.
3. Меркулов С.А. Ребрендинг в России: от эффективного к эффективному // Российское предпринимательство. 2011. №5(1). С. 80-86.
4. Тарасова Н.Е., Леонов А.Л. Ребрендинг организации как средство продвижения бренда. Практика ребрендинга // Экономика. Управление. Финансы. 2019. №2. С. 97-102.
5. СЕО «Лемана ПРО» — РБК: «Удивляет, как можно импортировать гвозди» – <https://www.rbc.ru/business/07/10/2024/66f5643b9a7947ee231411ce> (дата обращения 28.02.2026)
6. «Леруа Мерлен» теперь «Лемана ПРО»: сеть магазинов и ВВДО запустили имиджевую кампанию. – <https://www.sostav.ru/publication/lerua-merlen-teper-lemana-pro-set-magazinov-i-bbdo-zapustili-novuyu-kampaniyu-74068.html> (дата обращения 24.02.2026)
7. Что такое вербальная коммуникация: виды, особенности, секреты / - <https://style.rbc.ru/health/684900079a79470d58178377> (дата обращения 24.02.2026)

Сведения об авторах

Аббасова Валерия Руслановна – студентка 3 курса, направления подготовки: 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: i_kate05@icloud.com

Илясова Екатерина Евгеньевна – студентка 3 курса, направления подготовки: 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: i_kate05@icloud.com

Научный руководитель – Зотова Анна Сергеевна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: a.zotova@mgut.ru

Information about the authors

Abbasova Valeria Ruslanovna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Advertising and public relations (42.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: i_kate05@icloud.com

Pyasova Ekaterina Evgenievna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Advertising and public relations (42.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: i_kate05@icloud.com

Scientific supervisor - Zotova Anna Sergeevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Public Relations and Advertising Technologies Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: a.zotova@mgut.ru

Авдеева П.П.

УДК 159.923

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР И ПСИХОЛОГИЯ СУДЬБЫ: ТРАГИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ ГЕРОЕВ М.А. ШОЛОХОВА В РАССКАЗЕ «СДЬБА ЧЕЛОВЕКА»

Аннотация. В статье представлен психологический анализ рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека». В центре внимания – экзистенциальная драма личности, поставленной перед лицом абсолютного, исторически конкретного зла (война, фашистский плен, тотальная утрата). На примере судеб главных героев Андрея Соколова и Ванюшки представлена психологическая характеристика личности, основанная на анализе кризисных выборов, формирующих их идентичность. Делается вывод о том, что М.А. Шолохов создал метафизическую притчу о судьбе, где трагедия не отменяет достоинства, а страдание не исключает солидарности. В статье представлен психологический и литературный анализ поступков главных героев, которые влияют на судьбу и ее сотворение самим человеком.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, «Судьба человека», послевоенная проза, экзистенциальный анализ, травма, идентичность.

Avdeeva P.P.

EXISTENTIAL CHOICE AND THE PSYCHOLOGY OF DESTINY: THE TRAGIC HUMANISM OF M.A. SHOLOKHOV'S HEROES IN THE STORY "MAN'S DESTINY"

Abstract. The article presents a psychological analysis of M.A. Sholokhov's short story "The Fate of Man". The focus is on the existential drama of a personality confronted with an absolute, historically specific evil (war, Fascist captivity, total loss). Using the example of the fates of the main characters

Andrei Sokolov and Vanyushka, a psychological characterization of personality is presented based on the analysis of crisis choices shaping their identity. It is concluded that M.A. Sholokhov created a metaphysical parable of fate, where tragedy does not negate dignity, and suffering does not exclude solidarity. The article presents a psychological and literary analysis of the actions of the main characters that influence fate and its creation by man himself.

Keywords: M.A. Sholokhov, "The Fate of Man", post-war prose, existential analysis, trauma, identity.

Михаил Александрович Шолохов (1905-1984) – писатель, академик АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии (1941 г.), Ленинской премии (1960 г.). Лауреат Нобелевской премии (1965 г.), участник Великой Отечественной войны, награжден четырьмя орденами Ленина и медалями. Автор сборников: «Донские рассказы», «Лазоревая степь», романов «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», рассказа «Судьба человека» и др. Всю свою жизнь он посвятил изучению истории, фольклора и литературы казачества.

Рассказ М.А. Шолохова «Судьба человека», появился как раз на излете «оттепели» и совершил переворот в осмыслении военного опыта [7]. М.А. Шолохов отразил суть национальной трагедии в судьбе главного героя – Андрея Соколова. Однако через призму индивидуальной биографии проступили контуры универсальной экзистенциальной драмы XX века: столкновение личности с безличными силами истории, обнажение хрупкости человеческого бытия перед лицом тотального насилия и проблема сохранения идентичности в условиях её тотального разрушения [4; 6]. Рассказ в полной мере демонстрирует важность нравственного выбора в судьбе и жизни человека.

«Судьба» в названии рассказа – ключевое понятие [2]. Это не предопределение, а драма свободного выбора в несвободных обстоятельствах. М.А. Шолохов исследует, как человек, лишенный всего – дома, семьи, социального статуса, физической свободы, – продолжает совершать экзистенциальные выборы, которые и конституируют его как личность. В этом заключается главный психологический и философский посыл произведения.

Главным героем является Андрей Соколов – высокий мужчина, с простыми и в то же время грубыми чертами лица, с истинно русским характером, который сыграл ключевую роль в ходе его судьбы. Андрей Соколов – не типичный «герой» в классическом понимании. Его сила – в предельной, почти библейской простоте и в трагической диалектике утрат и сохранения. В жизни Андрей Соколов столкнулся с множеством горестных событий: сначала он голодал, но выжил благодаря труду на «кулаков», однако его родители и сестра погибли: «В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестренкой дома померли от голода. Остался один. Родни – хоть шаром покати, – нигде, никого, ни одной души» [7].

До войны Андрей Соколов – воплощение здоровой, укорененной народной жизни. Он мастер-водитель, любящий муж и отец, хозяин в доме. Его мир конкретен, осязаем и ценностно ясен: труд, семья, дом, родина. Эта целостность – не идиллия, а экзистенциальный фундамент, который будет варварски разрушен, но чьи обломки станут опорой для выживания. Его довоенная речь проста, насыщена бытовыми деталями, лишена рефлексии. Он – человек «дела», а не слова.

Плен становится пространством, где человеческое испытывается на прочность. Андрей Соколов проходит серию ключевых испытаний, каждое из которых – акт самоопределения, например:

– убийство предателя (это первый экстремальный выбор. Андрей Соколов, не задумываясь, душит того, кто грозит выдать комиссара. Это не героический порыв, а инстинктивное действие по защите своего (пусть и нового, военного) «мы». Здесь впервые проявляется его жесткая, почти животная решимость сохранить элементарную человеческую солидарность);

– разговор с комендантом Мюллером (ситуация и кульминация духовного сопротивления. Голодный, обессиленный Андрей Соколов отказывается пить за победу Германии. Его знаменитое «Я и закусить готов» – это не бравада, а акт предельного экзистенциального вызова. Он демонстрирует, что даже в состоянии полного физического порабощения у него осталась внутренняя территория, куда не властен враг – его достоинство. Отказ от закуски – это символический отказ от «договора» с палачом, сохранение моральной автономии. Мюллер, «уважив» его, признает эту автономию, превращая физическую победу в моральное поражение);

– побег с «языком» (действие, возвращающее Андрею Соколову статус солдата, субъекта истории, а не её объекта. Это попытка вернуть себе агентность (вспомним суть процесса социализации человека) и контроль над собственной судьбой).

Андрей Соколов прошел войну, был в плену, прошел через множество нацистских концлагерей: «Куда меня только не гоняли за два года плена! Половину Германии объехал за это время: и в Саксонии был, на силикатном заводе работал, и в Рурской области на шахте уголек откатывал, и в Баварии на земляных работах горб наживал, и в Тюрингии побыл, и черт-те где только не пришлось по немецкой земле походить» [7].

Во время плена Андрей Соколов страдал от жестокости немцев, но стойчески прошел тяготы судьбы и не озлобился: «А били богом проклятые гады и паразиты так, как у нас сроду животину не бьют. И кулаками били, и ногами топтали, и резиновыми палками били, и всяческим железом, какое под руку попадет, не говоря уже про винтовочные приклады и прочее дерево. Били за то, что ты – русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнешь, не так повернешься» [7].

Тяжелейшим испытанием для Андрея Соколова явился вовсе не плен, а возвращение в несуществующий дом. Гибель семьи – это тотальная экзистенциальная катастрофа: рушится смысловой центр его жизни. Его реакция – не истерика, а леденящее душу молчаливое отчаяние. Сцена на пепелище, где он «всем своим существом» ощущает смерть своей жены и дочерей: «... в июне сорок второго года немцы бомбили авиазавод, и одна тяжелая бомба попала прямо в мою хатенку. Ирина и дочери как раз были дома ... Ну, пишет, что не нашли от них и следа, а на месте хатенки – глубокая яма ...» [7]. Также как и гибель сына в день Победы – последний, циничный удар судьбы, лишаящий ее смысла как личного торжества.

Психологический портрет послевоенного Андрея Соколова – это портрет человека с глубокой комплексной травмой. Он не плачет. Его горе «окаменело», ушло внутрь, стало частью его новой, искалеченной идентичности. Его речь меняется: появляются лаконичные, рубленые фразы, скрывающие бездну боли («Иной раз не

спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила?»). Он не ищет смысла в случившемся, ибо его нет. Он просто несет свою ношу. Его стойкость – это не оптимизм, а трагическое стоицизм, форма существования после конца личного мира [5].

Мальчик Ванюшка – не просто сюжетное дополнение, а философско-психологический антипод и дополнение Андрея Соколова и также является главным героем. «Опрашиваю: «Где же твой отец, Ваня?» Шепчет: «Погиб на фронте». – «А мама?» – «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали» [7]. Трагичность судеб главных героев стала тем, что помогло им обрести друг друга и стать счастливыми. Можно провести параллель между судьбой Андрея Соколова и маленького Ванюшки – оба пережили много горя, страдали, но не растеряли человечности и стойкости духа.

Очевидно, что после смерти семьи (жены, детей) и ада концлагеря у Андрея Соколова осталась тяжелейшая психологическая травма. Важно и то, что он был непосредственно участником войны. В этой связи можно утверждать, что Соколов страдал от посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР). Во времена написания произведения такого термина не существовало, однако Михаил Александрович очень четко описал проявления посттравматического расстройства:

– «окаменение» чувств и эмоциональное онемение («Ночью то погладишь его сонного (Ванюшку), то волосенки на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя...» [3]. Он долгое время живет механически, не чувствуя радости, что есть типичная защитная реакция психики при ПТСР);

– нарушение сна и кошмары (Андрей Соколов говорит, что по ночам ему часто снятся погибшие близкие);

– психосоматические проявления (жалуется на внезапные боли в сердце, что является физическим проявлением хронического стресса: «да вот сердце у меня раскачалось, поршня надо менять... Иной раз так схватит и прижмет, что белый свет в глазах меркнет» [7]).

Если Андрей Соколов потерял мир, то Ванюшка никогда его и не имел. Он – дитя войны и его «сиротство» – не факт, а первичное, конститутивное состояние его личности. Мгновенная, иррациональная привязанность Ванюшки к незнакомому Андрею Соколову – это не наивность, а глубочайший экзистенциальный жест.

Можно предположить, что авторский замысел таков: Ванюшка – это перерождение Андрея Соколова. Ведь в именно в нем он нашел исцеление от тяжелых воспоминаний и душевных ран. «Ожившая душа» Андрея Соколова в корне перевернула судьбу маленького Вани: «Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: «Кто?» Я ему и говорю так же тихо: «Я – твой отец». Ванюшка был так рад, что прижался к нему и долго-долго не отпускал, будто бы боясь потерять вновь: «Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!» [7]. Тема самым Андрей Соколов сделал выбор, решив помочь сиротке, тем самым изменил свою судьбу и судьбу маленького мальчика. В мире, где все связи рушатся, он инстинктивно цепляется за любой знак потенциальной заботы.

Его вопрос «Дядя, а ты сразу догадался, что я твой папа?» – это не ошибка, а акт веры, творение реальности поверх фактов.

Союз Андрея Соколова и Ванюшки – не счастливый конец, а акт взаимного спасения через нужность друг другу. Андрей Соколов, утративший роль отца, обретает её вновь. Ванюшка, не имевший отца, получает его. Они спасают друг друга не от одиночества, а от экзистенциальной пустоты, от потери смысловой функции в мире. Их семья – не биологическая, а экзистенциальная, скрепленная не кровью, а общей травмой и взаимным даром надежды. Психологическое исцеление главного героя Соколова началось именно с момента встречи с Ванюшкой. Взяв на себя ответственность за сироту, он обретает смысл жизни, проявляет теплые чувства: любовь, заботу, милосердие, что поможет ему в преодолении депрессии: «И до того он мне понравился, что я уже, чудное дело, начал скучать по нем, спешу из рейса поскорее его увидеть» [7] – говорит Андрей Соколов про Ванечку.

Анализируя рассказ А.М. Шолохова «Судьба человека» необходимо обратить внимание на хронотоп дороги и языка как отражение души героев. В рассказе дорога выступает ключевым хронотопом, ибо действие начинается и заканчивается на переправе, в пути. Дорога – это пространство промежутка, временной остановки между прошлым (война, лагерь) и неопределенным будущим. Своего рода это некое пространство для исповеди, подведения итогов. Она символизирует саму жизнь Андрея Соколова – постоянное движение, лишённое твердой почвы, но не остановившееся.

М.А. Шолохов постоянно фиксирует взгляды героев: «глаза, словно присыпанные пеплом» у Андрея Соколова, «светлые, как небушко» глаза Ванюшки и их совместный взгляд в будущее в финале. Взгляд становится последним убежищем истины, когда слова бессильны [3]. «Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника» [7] – это метафора души, пережившей кремацию чувств, но все еще тлеющей.

Речь главного героя – это образец шолоховского психологизма. Его исповедь проста, лишена пафоса, насыщена просторечиями и народным юмором [1]. Это язык нерелексивующего переживания, язык плоти и крови, а не абстракций. А его молчание в моменты наивысшей боли – красноречивее любых слов. Молчание становится формой уважения к непередаваемому, знаком подлинности страдания...

Тем самым М.А. Шолохов в «Судьбе человека» приходит к формуле трагического гуманизма. Его герой не торжествует, не находит утешительной философии. Он – побежденный победитель. Он выстоял, но цена – израненная душа, глубокая внутренняя пустота, которую лишь отчасти заполняет новая, хрупкая ответственность за Ванюшку. При этом финал рассказа открыт и двусмыслен. Два «осиротевших» человека, «два одиноких человека, две песчинки», идут по весенней земле, а автор-повествователь смотрит им вслед с болью от понимания, что их «судьба» типична. Их горе – не исключение, а правило эпохи. Но в самом этом движении вперед, в этой готовности Андрея Соколова взять на плечи чужую боль, когда своей – выше головы, и заключена главная мысль М.А. Шолохова.

Человеческое в человеке сохраняется не вопреки, а внутри катастрофы – в акте экзистенциального выбора, в немом достоинстве, в способности, потеряв все,

протянуть руку другому, такому же потерянному. Судьба Андрея Соколова – это не история восстановления, а история жизни после тяжелого горя, доказательство того, что даже на развалинах личного мира можно найти точку опоры в исполнении простого человеческого долга. В этом – горькая, лишенная иллюзий, но непобедимая правда шолоховского рассказа, сделавшая его одним из ключевых текстов для понимания русской и общечеловеческой травмы XX века.

Описанные нами эпизоды жизни главных героев «Судьбы человека» демонстрируют, что судьба – это поступки и постоянный выбор человека, а не простое стечение обстоятельств. Очень важно сохранять такие качества, как милосердие, верность себе и своему выбору, доброту и любовь к ближнему. Можно пройти тяготы войны и ад концлагерей, но остаться Человеком ...

Список литературы

1. Бондарева К.Л. Разговорная и просторечная лексика в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» / Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания: Материалы Всероссийского научно-практического форума, Воронеж. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. – С. 30-33.
2. Васильев С.А. Слово «судьба» в произведениях М.А. Шолохова: языковой контекст и круг художественных ассоциаций // Мир Шолохова. – 2021. – №2 (16). – С. 89-97.
3. Касперова Л.Т. Ключевое слово глаза в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» / Русский язык и русская культура в мировом культурном пространстве: по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 ноября 2020 года. – Москва: ООО «Ваш формат», 2021. – С. 130-137.
4. Котовчихина Н.Д. Современный мир и творчество Михаила Шолохова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2010. – №3. – С. 12-20.
5. Савенкова Л.Б. Личностное и ситуативное начала коммуникативного поведения героя рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека» / Л.Б. Савенкова, К.С. Максюты, А.С. Гребенникова // Мир Шолохова. – 2022. – №2 (18). – С. 72-84.
6. Соколова И.В. История русской литературы (вторая половина XX в.): учебно-методическое пособие: для студентов гуманитарных специальностей. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. – 194 с. – С. 24-25.
7. Шолохов М.А. Судьба человека. – М.: Эксмо, 2025. – 352 с.

Сведения об авторах

Авдеева Полина Павловна – студентка 2 курса, направления подготовки: 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: 4pondra@gmail.com

Научный руководитель – Ахметшина Ирина Анатольевна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: irinalet079@bk.ru

Information about the authors

Avdeeva Polina Pavlovna – 2nd year bachelor's degree student majoring in Psychological and Pedagogical Education (44.03.02), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: 4pondra@gmail.com

Scientific supervisor – Akhmetshina Irina Anatolevna, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: irinalet079@bk.ru

ЦИФРОВОЕ ФЕНОТИПИРОВАНИЕ И МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В современной психологии сложилась ситуация, когда устоявшиеся методы получения информации и теоретические модели оказываются недостаточными или вызывают обоснованную критику. В психологии есть множество школ, при этом мало фундаментальных стандартов, это дополняется дефицитом объективных показателей, которые могли бы дополнить субъективные методы (самоотчеты, наблюдения, интервью) и повысить надежность оценки. Цифровое фенотипирование (ЦФ) – сбор данных с персональных устройств – открывает возможность непрерывного и экологически валидного отслеживания поведенческих паттернов и состояний клиента. В сочетании с алгоритмами машинного обучения эти данные могут трансформироваться в информацию, значимую для консультирования. Однако внедрение таких технологий сопряжено с рисками: ошибкой прокси-переменных, проблемой «черного ящика» и феноменом эпистемической несправедливости. В исследовании обосновывается возможность внедрения технологий цифрового фенотипирования и машинного обучения в психологическую сферу, выбора парадигмы «Человек-в-контуре» (вместо модели ИИ-оракул, сопровождаемой перечисленными ранее рисками), где алгоритм выступает ассистентом, а право итогового суждения остается за психологом-исследователем или практиком.

Ключевые слова: цифровое фенотипирование, машинное обучение, психология, человек-в-контуре.

Borodina E.A.

DIGITAL PHENOTYPING AND MACHINE LEARNING IN PRACTICAL PSYCHOLOGY

Abstract. In modern psychology, a situation has arisen where established methods of data collection and theoretical models prove insufficient or face justified criticism. Psychology encompasses many schools of thought, yet there are few fundamental standards; this is compounded by a lack of objective indicators that could complement subjective methods (self-reports, observations, interviews) and enhance the reliability of assessment. Digital phenotyping (DP)—the collection of data from personal devices—opens up the possibility of continuous, ecologically valid tracking of clients' behavioral patterns and states. Combined with machine learning algorithms, these data can be transformed into information relevant to counseling practice. However, the implementation of such technologies involves risks: the proxy variable problem, the “black box” issue, and the phenomenon of epistemic injustice. This paper argues for the effectiveness, when introducing technologies into the psychological field, of adopting the “human-in-the-loop” paradigm (as opposed to the AI-oracle model, which is associated with the aforementioned risks), in which the algorithm acts as an assistant while the final judgment remains with the psychologist—whether as a researcher or a practitioner.

Keywords: digital phenotyping, machine learning, psychology, human-in-the-loop.

Цель исследования: обосновать возможность этичного внедрения технологий цифрового фенотипирования и машинного обучения в практическую психологию.

Задачи

1. Изучить экспертное мнение IT-специалистов и психологов о возможности применения цифрового фенотипирования и машинного обучения в практической психологии.

2. Выявить и описать наиболее эффективные условия внедрения обозначенных технологий.

3. Обосновать эффективность этих условий, приведя в пример исследования.

4. Подвести итог, обозначив перспективы и ограничения.

Введение

В своей статье Томас Инсел, бывший директор Национального института психического здоровья США, сделал удивительное признание: несмотря на длительное время (13 лет) работы и серьёзные инвестиции (в размере более 20 миллиардов долларов), так и не удалось снизить количество самоубийств или существенно улучшить выздоровление пациентов [4].

В качестве одной из технологий улучшения этой ситуации он и его коллеги в последние годы предлагают использовать смартфоны для наблюдения за состоянием пациентов, собирая данные об их активности, качестве сна и т.д.

Концепцию (методологию) «цифрового фенотипа» основал Дж. П. Онелла, а сам термин впервые был упомянут Сачином Джейном и Джоном Браунштайном. Главным этическим философом в этом направлении выступил Джованни Стангеллини, который, в том числе, озвучил проблемы эпистемологической несправедливости [11].

Однако мы считаем, что идея наблюдения за активностью человека, сна и других данных также будет полезна в практической психологии. Психологам приходится работать не только с субклиническими, но и с клиническими случаями. Например, когда человек боится постановки на учет и не обращается к врачу, он может обратиться к психологу [6]. В этом случае психологу нужно как можно быстрее выявить у своего клиента клинический случай и предоставить весомые аргументы, чтобы убедить его обратиться к медицинской помощи. Именно в выявлении и в объективности аргументации специалисту помогут цифровое фенотипирование и машинное обучение. Технологии помогут и в построении плана консультирования в работе с выгораниями, стрессами и другими проблемами, с которыми психолог сталкивается постоянно в рамках своей профессии.

Результаты исследования

Современная психология переживает фундаментальную проблему: психолог видит клиента лишь эпизодически, а всё остальное время остается в «слепой зоне» [7]. Помимо этого, самоотчеты клиентов подвержены когнитивным искажениям и эффекту социальной желательности. Ситуация усугубляется глобальным ростом запросов на психологическую помощь: по данным ВОЗ, распространенность тревожных и депрессивных состояний в мире выросла на 25% после пандемии [2].

Актуальность исследования. Считается, что от 30% до 50% психиатрических диагнозов могут быть неточными или ошибочными. Эта статистика для психиатрии осложняется тем, что множество людей боятся постановки на учет и обращаются к психологу вместо врача [6]. У психологов нет никаких объективных маркеров, кроме субъективного наблюдения в ходе беседы, при этом они становятся еще одним решающим звеном в разросшейся цепи, ведущей к действенной помощи человеку. Однако на сегодняшний день технологии дошли до того уровня, чтобы оказать значительную помощь в этом вопросе.

Цифровое фенотипирование – сбор данных с персональных устройств – это инструмент, который может обеспечить наблюдение за поведением клиента в

естественной среде [9; 11]. В сочетании с алгоритмами машинного обучения эти данные могут помочь психологу лучше понимать паттерны клиента, отслеживать прогресс терапии и замечать ранние признаки ухудшения состояния [9].

Российские исследователи активно включились в разработку этих методов: группа ученых из НМИЦ психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева проводит валидизацию скрининговых тестов на основе цифрового фенотипирования, адаптированных для российской популяции [10]. Параллельно ведутся работы по созданию генетических тест-систем на основе полигенных шкал риска депрессии с использованием методов онлайн-фенотипирования. Однако это касается лишь медицины, а психология, имеющая множество школ и мало методологических стандартов, в клинических случаях зачастую предшествует медицинской помощи [5]. То есть психолог может работать как с проблемами своей направленности: тревога, выгорания, кризисы, в работе с которыми у специалистов нет четких диагностических критериев, так и столкнуться с клиническими случаями, с необходимостью как можно скорее убедить человека обратиться за медицинской помощью – в обоих случаях альянс специалиста с ИИ окажет значительную помощь.

Цифровое фенотипирование и машинное обучение

Есть два способа сбора данных. [9]

1. Активный мониторинг – телефон сам задает человеку вопросы: «Оцените ваше самочувствие по шкале от 1 до 10?» и предлагает вести дневники настроения. Этот способ может надоесть – люди устают отвечать и начинают халтурить.

2. Пассивный мониторинг – телефон работает в фоновом режиме и фиксирует, сколько человек прошел шагов, его пульс, как долго он спал, особенности его сна и коммуникации.

Как эти данные могут помочь психологу?

Если человек в депрессии, его GPS-сенсоры покажут, что он сидит дома и никуда не ходит. Если у человека биполярное расстройство, телефон заметит переход фаз, фиксируя, что человек стал печатать в два раза быстрее, также по увеличению количества исходящих вызовов. Далее к работе подключается машинное обучение: ИИ сам ищет закономерности в куче данных (в случае с помощью в психологической практике, ИИ не может иметь доступа к клиническим данным, но может сверять с общедоступными данными и обширным количеством литературы). Например, видит: у всех, кто мало двигается и поздно ложится, потом диагностируют депрессию. Компьютер запоминает это и в следующий раз может сказать специалисту: «Обратите внимание на этого клиента, похоже, у него начинается депрессия».

Практический пример: диагностика депрессии у студентов. Студенты самая уязвимая группа: стресс, отрыв от дома, экзамены – всё это часто запускает депрессию [1]. Ученые собирали о студентах три типа данных: что они пишут в соцсетях (анализ текста), как двигаются (данные с телефона) и их личные характеристики (уровень тревожности, отношения в семье) [1].

Они столкнулись с проблемой, которую назвали «парадокс обращения за помощью» [1]. Компьютер «смотрел» на историю студентов и увидел: те, кто ходит к психологу, в итоге чувствуют себя лучше. И сделал «логичный» вывод: раз они ходят к психологу, значит у них всё под контролем, риск низкий. А тех, кто никогда не обращался за помощью, компьютер посчитал здоровыми (данных же нет). На деле всё

наоборот: те, кто пришел к психологу, уже в остром стрессе и нуждаются в помощи, а «тихие» студенты просто молча страдают и рискуют вылететь [1].

Методологические и этические вызовы внедрения искусственного интеллекта

У искусственного интеллекта есть свои серьезные недостатки.

1. Проблема «черного ящика». Сложные модели ИИ страдают от эффекта непрозрачности: человек не всегда может понять логику вывода алгоритма, что критично для терапевтического альянса. Слепое доверие непрозрачным нейронным сетям может привести к тому, что модель выучит ложные алгоритмы.

2. Проблема ошибки прокси-переменных, когда ИИ путает «поведение» телефона с поведением человека. Компьютер не «понимает» контекст. Он «видит» только цифры [8]. Пример: человек пошел в поход, а телефон оставил дома. Компьютер видит, что телефон 2 дня не двигался, и связывает это с депрессией [8]. А на самом деле человек отдыхает на природе. Или другой пример: студент переживает во время сессии и не может сидеть на месте, ходя по всему городу. Компьютер интерпретирует увеличение активности в положительном ключе. А на самом деле студент на грани нервного срыва от стресса [8].

3. Эпистемическая несправедливость. Есть еще одна достаточно серьезная проблема. Ученые, описывая идею цифрового фенотипирования с философской точки зрения, называют ее «эпистемическая несправедливость» – несправедливость, связанная со знанием и доверием. Например, клиент говорит своему психологу, что чувствует себя хорошо и его состояние улучшается, а компьютер, который следил за ним через смартфон, констатирует депрессию, зафиксировав низкий уровень физической активности и т.д. Кому поверит специалист? Если он поверит компьютеру, а не клиенту, то случится катастрофа. Клиент поймет, что его слова ничего не значат. Уровень доверия между специалистом и клиентом снизится. А без доверия терапия и консультирование не работают.

Модель «Человек-в-контуре». Ученые придумали выход. Нужно отказаться от идеи, что ИИ – это главный эксперт, который ставит диагнозы и подводит итоги консультации (в случае с психологической практикой). Это тупиковый путь [3]. Нужно внедрять искусственный интеллект в роли помощника. Этот подход называется «Человек-в-контуре» [3]. Как это работает на практике? Компьютер изучает горы данных – часы разговоров, километры перемещений, графики сна. Находит подозрительные моменты или отмечает положительную динамику. А потом высылает их специалисту и дает рекомендации, обосновывая их. Психолог сам разбирается: это болезнь и нужно направить клиента к психиатру, или человек просто работает в ночную смену или сломал ногу. Окончательное решение принимает человек [3].

Заключение

Применение методов цифрового фенотипирования и искусственного интеллекта существенно расширяет методические возможности психологии и позволяет надеяться на возможность решения ряда актуальных задач практической психологии. Вместо того, чтобы ориентироваться только на слова клиента, ограничиваясь относительно редкими встречами, психолог можем «видеть» его реальную жизнь каждый день.

Применение обозначенных методов связано и с рядом ограничений. Технологии – это не панацея. Компьютер может ошибаться, «не понимать» контекст и «быть предвзятым». Если мы просто поставим ИИ главным, мы потеряем самое важное в

психологии — человеческий контакт и доверие. Поэтому будущее не в том, чтобы заменить специалиста роботом. Будущее в том, чтобы дать специалисту умного помощника, который возьмет на себя рутину, но оставит главные решения человеку.

Список литературы

1. Ван, Р., и др. StudentLife: оценка психического здоровья, академической успеваемости и поведенческих тенденций студентов колледжа с помощью смартфонов / Материалы Международной объединённой конференции АСМ по повсеместным и универсальным вычислениям. Нью-Йорк: АСМ. 2014. С. 3–14)
2. Всемирная организация здравоохранения. Психическое здоровье и COVID-19: первые данные о влиянии пандемии. Женева: ВОЗ. 2022.
3. Зу, Х., и др. Подход «человек-в-контуре» для поддержки клинических решений с помощью машинного обучения // Журнал медицинских интернет-исследований. – 2020. № 22(11), e23134.
2. Инсел, Т. Р. Цифровое фенотипирование: технология для новой науки о поведении. ДЖАМА. – 2017. №. 318(13). С. 1215–1216.
3. Каздин, А. Э., & Блейз, С. Л. Перегрузка психотерапевтических исследований и практики для снижения бремени психических заболеваний // Перспективы психологической науки. 2011. № 6(1), 21–37.
4. Кесслер, Р. К., и др. Распространённость психических расстройств в течение жизни и возраст начала в рамках Инициативы ВОЗ по всемирному опросу психического здоровья // Мировая психиатрия. – 2007. № 6(3). С. 168–176.
5. Краузе, М., & Луц, В. Слепое пятно в психотерапии: как измерить то, что происходит между сессиями // Исследования психотерапии. 2020. № 30(1). С. 1–4.
6. Кришан, И. Г., и др. Проблема прокси-переменных в цифровом фенотипировании: предостережение // Границы цифрового здравоохранения. 2021. № 3. С. 682379.
7. Мохр, Д. С., Чжан, М., & Шуэллер, С. М. Персональное зондирование: понимание психического здоровья с помощью повсеместных сенсоров и машинного обучения // Ежегодный обзор клинической психологии. – 2017. № 13, 23–47.
8. НМИЦ психиатрии и неврологии им. В.М. Бехтерева // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. – 2022. – Т. 56, № 4. – С. 96-100. – DOI: 10.31363/2313-7053-2022-4-96-100.
9. Онелла, Дж. П., & Раух, С. Л. Использование цифрового фенотипирования на основе смартфонов для улучшения поведенческого и психического здоровья // Нейропсихофармакология. – 2016. № 41(7). С. 1691–1696.
10. Рудин, С. Перестаньте объяснять модели машинного обучения как «чёрные ящики» для ответственных решений и используйте интерпретируемые модели // Машинный интеллект природы. 2019. № 1(5). С. 206–215.
11. Стангеллини, Дж., & Леони, Ф. Цифровое фенотипирование: этические проблемы, возможности и угрозы // Границы психиатрии. – 2020. № 11. С. 473.

Сведения об авторах

Бородина Екатерина Александровна – студентка 1 курса, направления подготовки: 37.03.01 «Психология», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: simkinski@gmail.com

Научный руководитель – Калита Виталий Владимирович, доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: 700200@mail.ru

Information about the authors

Borodina Ekaterina Alexandrovna – 1st year bachelor's degree student majoring in Psychology (37.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: simkinski@gmail.com

Scientific supervisor – Kalita Vitaly Vladimirovich, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: 700200@mail.ru

УДК 811.161.1.28.

ОБРАЗ КАЗАКА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В представленной статье анализируется образ казака во французской и английской литературе 19-начала 20 века. Материалом исследования выступают: роман Жорж Санд «Франсия» (1872), в котором осмысливается опыт наполеоновских войн и вторжения казаков во Францию, а также произведения британской детской и юношеской литературы - повесть "Daphne in Fitzroy Street", автор - Edith Nesbit; небольшая военная история ("A cossack's riding lesson") в газете "The Boy's Own Paper"; приключенческо-исторический роман "Jack Archer: A Tale of the Crimea" автора G. A. Henty. В центре внимания исследования ставились вопросы, как зарубежные писатели создают образ "чужого" в зависимости от целевой аудитории и историко-политического контекста. Анализ изображения казака в зарубежной литературе позволяет делать вывод о том, что образ казака в зарубежной литературе служит скорее не для отражения этнографических реалий, а для решения внутрикультурных и идеологических задач.

Ключевые слова: образ казака, русско-французские отношения, англо-русские отношения, стереотипы.

Gunina P.R.

THE IMAGE OF THE COSSACK IN FOREIGN LITERATURE

Abstract. This article analyzes the image of the Cossack in French and English literature of the 19th and early 20th centuries. The research material includes: George Sand's novel "Francia" (1872), which reflects on the experience of the Napoleonic Wars and the Cossack invasion of France, as well as works of British children's and young adult literature – Edith Nesbit's novella "Daphne in Fitzroy Street"; a short war story ("A Cossack's Riding Lesson") in "The Boy's Own Paper"; and G.A. Henty's adventure-historical novel "Jack Archer: A Tale of the Crimea." The focus is on how foreign writers create the image of the "other" depending on the target audience and the historical and political context. An analysis of the depiction of the Cossack in foreign literature leads to the conclusion that the image of the Cossack in foreign literature serves not so much to reflect ethnographic realities, but rather to address intracultural and ideological tasks.

Keywords: image of the Cossack, Russian-French relations, Anglo-Russian relations, stereotypes.

Введение

Образ "чужого", не похожего на нас человека всегда занимает особое место в национальных литературах. Этот образ позволяет понять читателю, что за люди живут за границей их страны. Отображение казака в западноевропейской словесности не было редкостью. Ни одно другое воинское сословие Российской империи не было столь популярным на Западе. Черты казака – лихая езда, длинные пики и необузданная удаль – прочно закрепились в массовом сознании европейцев, пройдя путь от свидетельств очевидцев, до страниц художественных произведений.

Восприятие казака в разных национальных традициях и в разные исторические эпохи формировалось под действием военно-политических отношений с Россией, внутрикультурных запросов и особенностей жанра, в котором этот образ использовался. Например, для Франции, пережившей вторжение казаков в 1814 году, это был образ врага-оккупанта, память о котором сохранялась долгое время. Для

Британии, чьи имперские интересы сталкивались с российскими, казак стал частью враждебного ландшафта, препятствием, которое предстояло преодолеть.

Целью представленной статьи является анализ особенностей образа русского казака во французской и английской литературе. Материалом для анализа послужили роман классика французского реализма Жорж Санд «Франсия» (1872) [2; 4] и произведения британской детской приключенческой литературы конца XIX – начала XX века [1; 5-9]. Выбор не случаен: это контраст между целевой аудиторией: взрослые – дети и жанрами: социально-философский роман – массовая детская литература. Методом исследования служил сопоставительный анализ источников. Исследование позволит проследить, как один образ можно использовать для разных целей.

Результаты исследования

Образ казака в романе Жорж Санд «Франсия» («Казак в Париже») [2].

Исторический контекст создания романа: Жорж Санд посвятила свой роман Франции и России, в нем создается глубокий историко-политический подтекст, ведь действия происходят в 1814 году, а сам роман написан в 1872 году. События романа разворачиваются на фоне вступления русских войск в Париж и проигрыша Франции. И это время было выбрано Ж. Санд не случайно, ведь это время стало точкой отсчета национального унижения. По мнению автора именно Россия и лично император Александр I истощили силы великой державы, «унизив» её перед лицом Европы.

Время написания – июнь 1872 года. В это время совсем немного прошло от поражения французов во франко-прусской войне 1870-1871 годов. Это сделало темы патриотизма, оккупации и образа врага актуальными для французского читателя. Жорж Санд использует исторический сюжет, чтобы поднять важные для того времени проблемы. Она ведет диалог с соотечественниками о природе войны и национальном характере перед лицом чужеземного нашествия. Через образ главного героя, русского офицера, она хочет показать неоднозначность захватчика, многогранность образа "другого", который одновременно и притягателен, и враждебен.

В России роман был подвергнут цензуре и это неудивительно, ведь в нем содержались довольно резкие выпады в сторону Российской империи и её народа.

Немного о романе Ж. Санд "Франсия". Образ русского человека занимает в этом произведении центральное место, так как главный герой – Диомед Диомедович Мурзакин, русский офицер и князь. На примере взаимодействия главной героини, гризетки Франции, с князем и его окружением раскрывается авторская идея о невозможности настоящего союза между «жертвой» (французским народом) и «захватчиком». Образ казака становится символом унижения великой до этого Франции и ее истощения, ведь те бесчинствуют без всяких преград в свободной до этой столицы и на территории Франции [3].

Образ казака в сюжете

1. Читатель может видеть ужас французов перед казаками во время переправы на Березине, события описаны со слов Франции и ее воспоминаний об этом ужасном событии. Здесь казаки – безжалостные убийцы, без каких-либо моральных норм.

2. Казак Матвей, верный слуга и оруженосец князя Мурзакина, наиболее подробно описан в романе. Он типичен для своего сословия, по мнению Санд: предан, немногословен, грубоват, но с добрым сердцем. Именно он спас маленькую Франсию во время резни, пожалев её. Матвей рассказывает об этой сцене довольно равнодушно

и это тоже многое говорит о представлении казака Ж. Санд. Во французском переводе Матвей зовется Моздаром и описан так: нечто среднее между человеком и диким животным – он неразлучен с конём и всегда готов исполнить любой приказ.

3. В романе передаются слухи, ходившие среди парижан о казаках. Это отражено в сцене светского приема у маркизы – одна из провинциальных баронесс всерьез спрашивает, правда ли, что эти люди едят свечи. Эта деталь подчеркивает пропасть между французским обществом и русскими солдатами и их непонимание друг друга.

4. В романе описывается представление о казаке в быту и на службе. Контраст поведения можно увидеть между князем Мурзакимым, который пытается войти в французское общество, усвоить парижские манеры и казаком Матвеем, который остается самим собой, несмотря на то что теперь живет на другой территории. Он прекрасно ладит с лошадьми, спит чутко и совсем не разбирается в интригах и хитросплетениях, которые идут на протяжении всего романа. Матвей действует по указке хозяина, не задавая вопросов, он не ждет роскоши и живет так, как ему позволят. Особенно яркий контраст показан между французским лакеем (Валентином) и Матвеем в финале, когда находят убитого князя. Матвей рыдает над телом князя, в то время как Валентин в первую очередь думает о своей безопасности и уликах [2; 3].

2. *Образ казака в детской литературе Великобритании конца 19 - начала 20 века. Источники и жанр.* Для исследования были рассмотрены разные жанры, чтобы была видна разница в произведениях. Для анализа литературы Великобритании использовались: повесть "Daphne in Fitzroy Street" – детские детективные истории, автор – Эдит Несбит [5]; небольшая военная история ("A Cossack's Riding Lesson") в газете "The Boy's Own Paper" [4]; приключенческо-исторический роман "Jack Archer: A Tale of the Crimea" автор – G.A. Hanty [9].

Исторический контекст создания произведений и их краткая аннотация

В повести переплетаются элементы фэнтези и реализма. Действия происходят в Лондоне начала 20 века. На протяжении всего сюжета исследуются темы любви, самоидентификации и социальных ожиданий, все это происходит с главной героиней – Дафной. Повесть отражает уникальный взгляд Эдит Несбит на социальные роли, которые формируются под влиянием культурных сдвигов и экономического нервенства в Лондоне того времени. Это произведение заставляет юных и взрослых читателей, задуматься о сложностях того времени. Опубликована повесть в 1909 году.

В детской газете для мальчиков "The Boy's Own Paper" в 1915 г. вышла статья "A Cossack's Riding Lesson", в которой действия происходят в Восточной Пруссии, и небольшая военная история рассказывает о хитрости казака. [5].

В романе "Jack Archer: A Tale of the Crimea" G.A. Hanty действия происходят в 1853-1856 годах во время Крымской войны – это первая крупная война Англии после наполеоновской, которая оставила глубокий след в национальном сознании [9]. Дж. А. Хенти – написал этот роман в 1880 году и использовал события войны, чтобы на примере юного героя воспитать в читателях патриотизм, мужество и интерес к истории. Начинается юношеский роман с того, что в 1854 году школьник Джек Арчер становится мичманом и отправляется на Крымскую войну. Во время романа Джек со своим другом Диком отправляется в Крым, попадает в плен, сбегает оттуда и участвует в знаменитых сражениях. Затем Джек вновь попадает в плен и находит там друзей среди русских дворян. Совершив дерзкий побег через охваченную восстанием Польшу,

Джек возвращается в строй и становится свидетелем падения Севастополя. Это классический приключенческий роман о дружбе, отваге и верности долгу во временных рамках реальных исторических событий.

Образ казака в повести "Daphne in Fitzroy Street"

Единственное упоминание казаков в этой повести есть в 11 главе (guide), где главной героине – Дафне, русский революционер рассказывает о разных жестокостях в России, в том числе о бесчеловечности казаков, не щадящих никого на своем пути. Эти рассказы терзали Дафну и не давали ей покоя.

Образ казака в детской газете для мальчиков "The Boy's Own Paper" [7]

"A Cossack's Riding Lesson" – во время боев в Восточной Пруссии в плен захватывают казака, и немецкий офицер пытается оседлать его лошадь, но у него не получается. Казак предлагает помочь, дает команду лошади, она слушается хозяина, и прусский офицер вместе с русским казаком галопом пускаются в русский лагерь. Настолько профессиональной в глазах иностранца была верховая езда казака.

Образ казака в романе "Jack Archer: A Tale of the Crimea" G.A. Henty [9]

1. Казаков представлены в образе грабителей, после отступления они грабили коттеджи и красивые виллы. (Глава VII)

2. Казаки – часть карательной системы угнетенной Польши. Поляки в романе ненавидят казаков, подавляющих национальные устремления (главы XVII–XIX).

3. Характерная казачья форма. Главный герой и его друг сливаются с окружающими, одеваясь в казачью форму. В этом обличье им удаётся пройти через русские посты. (Глава XXIII)

Вывод об английской литературе и упоминании там казаков

Чаще всего в английской литературе используется образ именно русского человека, но образ казака тоже используется и становится синонимом слова "варвар" и "убийца", при этом довольно умный и продуманный воин [7]. На детскую литературу, конечно, влияют взгляды взрослых, политическая и культурная ситуация в стране, именно взрослые придумывают мифы о России и казаках, вселяя их в юные умы.

Обсуждение и выводы

1. Во французском романе Ж. Санд «Франсия» образ казака представлен как сила, уничтожающая всех вокруг (сцены Березины) и как верный слуга (Матвей). Образ служит для обозначения национальной травмы Франции, ее унижения и несовместимости русского «естественного» начала с французской цивилизацией.

2. В британской детской литературе образ казака стереотипен и функционален. В повести Э. Несбит — символ жестокости и тирании (часть карательной системы). В романе Дж. А. Хенти – грабитель, оккупант, но профессионально умелый воин, чья форма позволяет английским героям маскироваться. В газетной статье – хитрый мастер верховой езды, чье природное умение превосходит европейскую дисциплину.

Сопоставление нескольких источников показывает, что образ казака выполнял идеологические, а не этнографические задачи. Во французской традиции (взрослая литература) казак – метафора национального унижения, через которую автор осмысливает поражения Франции. В британской традиции (детская литература) казак – узнаваемый знак врага и военного конкурента, используемый для воспитания патриотизма и имперского сознания у юного читателя. Реальное казачество XIX-начала XX века (донское, кубанское, терское) обладало сложным самоуправлением,

демократическими традициями и укладом, основанным на защите Отечества. В зарубежной литературе эти черты исключены или испорчены: многогранная общность сведена к примитивному «необузданный грабитель», «преданный варвар». Ключевая черта казачьей идентичности, свободолюбие подменена стереотипом о «дикости».

Заключение

Исследование подтверждает, что образ казака в зарубежной литературе XIX – начала XX века служил не отражением реальности, а инструментом решения внутрикультурных и политических задач. Во Франции через этот образ осмыслялась травма поражения и оккупации, в Великобритании сформировался образ опасного конкурента и воспитывалось нужное взрослым сознание с детства. Реальная история казачества, с его традициями вольности и служения, оказалась принесена в жертву литературному мифу, который закрепил устойчивые русофобские стереотипы в европейском массовом сознании.

Список литературы

1. Велигорский Г.А. Варварская страна или полицейское царство: негативный образ России в детской литературе Великобритании конца XIX - начала XX века. – <https://cyberleninka.ru/article/n/varvarskaya-strana-ili-politseyskoe-tsarstvo-negativnyy-obraz-rossii-v-detskoy-literature-ve> (дата обращения: 18.03.2026.)
2. Жорж Санд. Франция – Повесть, которую Жорж Санд посвятила Франции. Электронный ресурс: <https://dzen.ru/b/ZIclpDFI3FtRsOE> (дата обращения: 14.03.2026.)
3. Казаки в Париже: (Francia): Роман Жоржа-Занда (1876) — Санд Ж. | НЭБ Электронный ресурс: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003589822/ (дата обращения: 12.03.2026.)
4. Образ Франции в одноименной повести Жорж Санд. – https://www.bibliofond.ru/download_list.aspx?id=904419 (дата обращения: 14.03.2026.)
5. A Cossack's Riding Lesson. | Brighton Gazette | Saturday 06 February 1915 | British Newspaper Archive. – <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (дата обращения: 14.03.2026.)
6. Daphne in Fitzroy Street – Wikisource, the free online library. – https://en.wikisource.org/wiki/Daphne_in_Fitzroy_Street (дата обращения: 14.03.2026.)
7. Daphne in Fitzroy Street, E. Nesbit – read online on Litres. – <https://litres.com/book/e-nesbit-27493550/daphne-in-fitzroy-street-64206645/> (дата обращения: 12.03.2026.)
8. Home | Search the archive | British Newspaper Archive. – <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (дата обращения: 14.03.2026.)
9. Jack Archer: a tale of the Crimea. by Henty, G. A. (George Alfred), 1832-1902. – <https://archive.org/details/jackarchertaleof00hent/p> (дата обращения: 16.03.2026.)

Сведения об авторах

Гунина Полина Романовна – студентка 1 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: vika0805200510@gmail.com

Научный руководитель – Алиева Патимат Шапиулаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

Information about the authors

Gunina Polina Romanovna – 1st year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: vika0805200510@gmail.com

Scientific supervisor - Aliyeva Patimat Shapiulayevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

УДК 659.123.1

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВОЙ ЛЕКСИКИ БРЕНДОВ ДЛЯ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования ключевой лексики брендов для стратегии продвижения брендов премиум сегмента и масс-маркета. Известно, что рынок моды делится на три основных сегмента: масс-маркет, мидл сегмент, премиум сегмент. Установлено, что бренды премиум сегмента отличает акцент на ценности, эмоциональную привязанность и уникальность продукта, в то время как бренды масс-маркета делают упор на доступность, массовость и функциональность, отсюда выстраивается специфика лексики, используемой брендами. В данной статье анализируются лексические способы формирования имиджа и взаимодействия с потребителями в каждом из сегментов посредством слов-маркеров, способных сформировать семантическое поле бренда, ориентированное на взаимодействие с целевой аудиторией.

Ключевые слова: русский язык, лексика, брендинг, коммуникационные стратегии, целевая аудитория, семантическое поле.

Duplinskaya A.P., Ivanova P.A.

FEATURES OF FORMING THE KEY VOCABULARY OF BRANDS FOR THE PROMOTION STRATEGY

Abstract. The article discusses the problem of forming the key vocabulary of brands for the promotion strategy of premium segment and mass market brands. It is known that the fashion market is divided into three main segments: the mass market, the middle segment, and the premium segment. It has been established that premium segment brands are distinguished by an emphasis on value, emotional attachment and uniqueness of the product, while mass-market brands focus on accessibility, mass character and functionality, hence the specifics of the vocabulary used by brands. This article analyzes the lexical ways of forming an image and interacting with consumers in each segment through marker words that can form a semantic brand field focused on interacting with the target audience.

Keywords: Russian language, vocabulary, branding, communication strategies, target audience, semantic field.

Стратегии продвижения и лексические приемы играют ключевую роль в успехе любого бренда. Однако подходы к этим стратегиям могут значительно различаться в зависимости от сегмента рынка, на который ориентирован бренд. Премиум-сегмент и масс-маркет представляют собой два полярных направления с различной целевой аудиторией, позиционированием и потребительскими ценностями. В данной статье рассматриваются главные различия использования лексикона брендов премиум-сегмента и масс-маркета.

Прежде всего, основное различие заключается в подходе к целевой аудитории. Бренд премиум-сегмента «Гапанович», ориентируется на узкий круг потребителей с высоким доходом. Его аудитория ценит статус, эксклюзивность и уникальность. Поэтому в коммуникациях бренд делает акцент на создании имиджа роскоши, часто с использованием ограниченных коллекций и высококачественных материалов.

С другой стороны, бренд масс-маркета ТВОЕ обращаются к широкой аудитории, включая потребителей со средним и низким доходом. Их маркетинговые стратегии направлены на доступность и демократичность, и в коммуникациях часто используется язык массовой культуры, то есть понятные слова, включающие призывы к действию, простые описания товара, что позволяет создать ощущение доступности.

Лексический корпус бренд-коммуникации у бренда ТВОЕ делится в ВК на несколько тематических рубрик:

- реклама и продвижение (скидки, акция, коллекция, лимитированная серия, бонусы, кэшбек, розыгрыш, кастомная серия, шопинг, коллаборация и др.);
- социокультурные тренды (культурный вайб, твой ритм, твой характер, масленица, 14 февраля, Russian Vibes, русское настроение, русское искусство, Третьяковская галерея, мемы и др.).

Данная ключевая лексика способствует узнаваемости бренда среди целевой аудитории, так как она интуитивно понятна, отражает представление потребителей о современном обществе, социокультурных трендах, а также формирует позитивный имидж бренда в рамках позиционирования.

Лексический корпус бренд-коммуникации у бренда «Гапанович» на официальном сайте делится на:

- реклама и продвижение (коллекция, цены, новинки, примерка, хит, коллаборация, предзаказ и др.);
- социокультурные тренды (искусство, северный код, мода, русская история, самобытность, национальная идентичность, локальный код, насмотренность, русский север, капсульный гардероб и др.).

Данная лексика отвечает параметрам целевой аудитории, отражая ее интересы и представления о моде и стиле, формируя нужный социокультурный код и имидж премиум бренда, которым себя позиционирует «Гапанович».

Цели и задачи выбора ключевой лексики в рамках коммуникативной стратегии. Для люксовых брендов социальные сети — это имиджевые представительства, ещё один канал взаимодействия с аудиторией. Для масс-маркета социальные сети - канал продаж. В люксовых коммуникационных кампаниях нет явных призывов к покупке, на первый план выступает фокус на осведомлённости о продукте и формировании желания обладать им.

В коммуникационной стратегии массовых брендов преобладает сосредоточенность на выгоде для покупателя. Важность приобретает не только цветовая гамма, но и слова-маркеры, слова, выполняющие роль ай-стопперов. В люксовых кампаниях превалируют сдержанные тона, чаще синий и чёрный. Такое цветовое решение транслирует уверенность, безопасность, роскошь. Среди массовых марок обязательно присутствует яркий акцент, чаще красный. В массовом сегменте взаимодействие идет исключительно с целевой аудиторией, а в премиальном бренды выходят за её пределы, потому что на рынке люкса необходимо увеличить целевую аудиторию, добавив тех, кто может не являться покупателем, но будет знаком с маркой. Таким образом, корпус ключевой лексики массовых брендов будет строиться на выгоде от покупки, а в люксе — на смысловых концептах. Лексика бренда используется при создании миссии и философии марки. Философия бренда «Гапанович» выстраивается вокруг своей идентичности на переосмыслении локальных культурных кодов,

обращении к традиционному костюму, работе с темой памяти, семейной и культурной. Дизайнер черпает вдохновение на Крайнем Севере, смешивая локальные образы, паттерны, детали со смыслами мирового концептуального люкса. Фирменный стиль – рюши, ручная вязка, работа с объемами, многослойность, филигранная ручная работа.

Главный приоритет марки ТВОЕ – качество по доступной цене, поэтому коллекции позиционируются посредством таких слов-маркеров, как качественные материалы, натуральные ткани, современный пошив, базовые модели, модели с оригинальными дизайнерскими элементами и др.

Имидж бренда в премиум сегменте формируется на основе качественных и уникальных особенностей продуктов, персонализированного подхода в обслуживании клиентов, а также с помощью слов-маркеров, содержащих определенные социокультурные коды, ориентированные на традиции, историко-культурные фреймы, национальную идентичность и др. Так, бренд «Гапанович» часто сообщает потребителям о своей особенной истории, традициях и высоких стандартах качества. В то же время акцентирует внимание на своем эксклюзивном статусе, который создается с помощью «языка» Севера и его культурного кода.

Напротив, бренд масс-маркета ТВОЕ использует принцип «доступности и близости», для него важно создавать имидж доступного и актуального продукта, который быстро реагирует на тренды и запросы потребителей. Часто такие бренды позиционируют себя как «друзья» для своих потребителей, предлагая им не только товары, но и хорошее настроение, доступное каждому. Такая коммуникационная стратегия строится на ключевой лексике, передающей современные социокультурные тренды, национальные коды, принятые в обществе поведенческие паттерны и т.д.

Различия лексических особенностей и стратегий продвижения бренда премиум сегмента и масс-маркета обусловлены их разными целевыми аудиториями и особенностями позиционирования. Бренды премиум сегмента стремятся сохранить эксклюзивность и статус, тогда как бренды масс-маркета фокусируются на доступности и широком охвате аудитории, добиваясь эффекта с помощью правильных слов и оборотов. Понимание этих различий помогает компаниям более эффективно разрабатывать свои коммуникативные стратегии и достигать успеха на рынке.

Анализ стратегии продвижения и внешних коммуникаций брендов, ориентированных на премиум сегмент и масс-маркет, подчеркивает значительные различия в подходах, которые обусловлены видами целевой аудитории, их потребительскими ценностями и восприятием брендов. Премиум бренды, такие как «Гапанович», подчеркивают уникальность, эмоциональную связь и высокое качество своих изделий, сосредоточив свои усилия на создании атмосферы роскоши и эксклюзивности, в том числе через свою «кастомную» лексику. Присутствует акцент на традициях, историческом наследии и культурных кодах, что делает продукцию таких брендов не просто одеждой, а частью искусства, требующего особого отношения. Взаимодействие с такой аудиторией требует построения особого имиджа, где значимой становится не цена, а ценность продукта, а каналы коммуникации, как правило, базируются на традиционных методах и элитарных мероприятиях.

В противоположность этому, бренды масс-маркета, такие как ТВОЕ, обращаются к более широкой аудитории, акцентируя внимание на доступности, демократичности и функциональности своей продукции. Коммуникативная стратегия

в этом случае направлена на быстрое реагирование на меняющиеся тренды и потребности общества, что делает их более гибкими в условиях рынка. Используя легкий языковой стиль и доступные каналы, такие как социальные сети, они способны создать образ «друга», который располагает к себе и вызывает доверие. Важно отметить, что эффективность таких брендов часто определяется их умением отразить потребности масс, сделать большую ставку на эмоциональную составляющую с помощью слов-маркером и слов-символов, тем самым создать доступные, но привлекательные предложения [2, с. 224].

Успешно подобранная лексика способствует продвижению и люксовых брендов, и масс-маркета. Бренды премиум сегмента делают акцент на индивидуальности и истории, а масс-маркет фокусируется на скорости, доступности, массовом обращении. Эта поляризация подчеркивает важность учета специфики целевой аудитории, при выборе каналов и методов продвижения для создания сильного и привлекательного имиджа бренда. Исходя из результатов исследования, можно заключить, что понимание этих различий не только способствует более эффективному продвижению продуктов конкретного сегмента, но и влияет на общую стратегию коммуникации и выбора ключевой лексики брендов в условиях конкурентного рынка моды.

Список литературы

1. Аакер Д. «Создание сильных брендов». – М.: ИД Гребенникова, 2013.
2. Зотова А.С. Лингвокультурологический аспект коммуникативной стратегии в рекламном дискурсе // Современная лингвистика: от теории к практике. Труды и материалы III Казанского международного лингвистического саммита. Под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. – Казань, 2023. С. 222-226.
3. Котлер, Ф. Персональный брендинг: технологии достижения личной популярности. – М.: ИД Гребенникова, 2008.
4. Липпман, У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
5. Траут Дж., Райс Э. Позиционирование. Битва за умы. – СПб.: Питер, 2012.

Сведения об авторах

Дуплинская Ангелина Павловна – студентка 3 курса, направления подготовки: 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: duplinskaya.angel@mail.ru

Иванова Полина Александровна – студентка 3 курса, направления подготовки: 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: i_kate05@icloud.com

Научный руководитель – Зотова Анна Сергеевна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: a.zotova@mgutm.ru

Information about the authors

Duplinskaya Angelina Pavlovna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Advertising and Public Relations (42.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: duplinskaya.angel@mail.ru

Ivanova Polina Alexandrovna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Advertising and Public Relations (42.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: i_kate05@icloud.com

Scientific supervisor – Zotova Anna Sergeevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Public Relations and Advertising Technologies Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: a.zotova@mgutm.ru

УДК 7.011

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА НА ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния христианства на развитие древнерусского искусства. Рассматриваются основные направления воздействия религии на художественное творчество эпохи Средневековья. Особое внимание уделено изменениям в архитектуре, живописных традициях и литературе, произошедших после принятия православия. Автор подчеркивает, что христианство принесло новые идеи и символы, которые сформировали самобытный стиль древнерусского искусства, сочетающий византийские и местные традиции. Данная статья позволяет глубже понять процессы становления и эволюции древнерусского искусства, обусловленные принятием христианства.

Ключевые слова: христианство, древнерусское искусство, культура, архитектура, живопись.

Ivanova A.Sh.

THE INFLUENCE OF CHRISTIANITY ON ANCIENT RUSSIAN ART

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of Christianity on the development of ancient Russian art. The main directions of the influence of religion on the artistic creativity of the Middle Ages are considered. Special attention is paid to the changes in architecture, painting traditions and literature that occurred after the adoption of Orthodoxy. The author emphasizes that Christianity brought new ideas and symbols that formed an original style of ancient Russian art, combining Byzantine and local traditions. This article provides a deeper understanding of the processes of formation and evolution of ancient Russian art, due to the adoption of Christianity.

Keywords: Christianity, ancient Russian art, culture, architecture, painting.

Введение

Христианство, принятое на Руси в X веке, стало одним из ключевых факторов, определивших развитие древнерусской культуры и искусства. Оно принесло с собой новые идеи, символы и художественные традиции, которые оказали глубокое влияние на формирование самобытного стиля древнерусского искусства. Принятие христианства привело к замене языческих символов и образов христианскими. Древнерусские мастера начали создавать произведения искусства, основанные на библейских сюжетах, житиях святых и христианской символике. Это привело к формированию нового художественного языка, который сочетал в себе элементы византийского и древнерусского искусства. Византийское искусство, с его строгими канонами и сложной символикой, стало образцом для подражания для древнерусских мастеров. Они заимствовали из Византии технику иконописи, мозаики, фрески и другие художественные приемы. Однако древнерусское искусство не было просто копией византийского. Оно адаптировало византийские традиции к местным условиям и потребностям, создавая уникальный стиль.

Результаты исследования

Одним из наиболее заметных проявлений влияния христианства на древнерусское искусство стало развитие архитектуры. Христианские храмы стали

центрами духовной жизни в городах и селах. Они строились по византийским образцам, но с учетом местных традиций и материалов. Древнерусские храмы отличались от византийских более простыми формами и более суровым декором [1]. Однако они также были наполнены символическим смыслом, который выражался в расположении частей храма, в выборе материалов и в декоративных элементах.

Помимо архитектуры христианство также оказало значительное влияние на иконопись. Иконопись стала одним из наиболее значимых жанров древнерусского искусства. Иконы, изображающие Христа, Богородицу, святых и библейские сюжеты, стали неотъемлемой частью религиозной жизни [2]. Они использовались в храмах, домах и монастырях. Иконопись развивалась под влиянием византийской традиции, но также адаптировалась к местным условиям. Древнерусские иконописцы создавали свои собственные стили и школы, которые отличались от византийских. Принятие христианства также повлияло на развитие живописи. Стены церквей украшались фресками и мозаиками, выполненными в византийском стиле. Однако со временем русские мастера начали создавать собственные иконописные школы, такие как новгородская и московская, каждая из которых имела свои стилистические особенности. Наиболее известными произведениями древнерусской живописи являются иконы, среди которых выделяется знаменитая "Троица" Андрея Рублева. Эти произведения отличаются особой духовностью и глубиной символики, выраженной в цвете и композиции.

Влияние христианства распространилось и на другие виды искусства, такие как книжная миниатюра, декоративно-прикладное искусство и скульптура. Книжная миниатюра стала использоваться для иллюстрации библейских текстов и житий святых [3]. Декоративно-прикладное искусство, например, ювелирное, стало использоваться для создания церковной утвари и украшений для храмов. Скульптура, хотя и не была так развита в Древней Руси, также использовалась для создания изображений святых и библейских сцен. Литературная традиция также испытала сильное воздействие христианства. Появились новые жанры, такие как жития святых, проповеди и хроники [4]. Одним из первых произведений такого рода является "Повесть временных лет", написанная монахом Нестором в XII веке. Эта книга стала основой для изучения ранней истории Руси. Кроме того, широкое распространение получили переводы священных книг и богословских трактатов, что способствовало развитию грамотности и образованию населения.

Заключение

Христианство оказало глубокое и многогранное влияние на древнерусское искусство. Оно определило направление развития архитектуры, живописи и литературы, внесло существенные изменения в культурную жизнь общества и создало условия для появления уникальных художественных традиций, ставших впоследствии неотъемлемой частью русской национальной культуры. Христианство привело к развитию архитектуры, иконописи и других видов искусства [5]. Древнерусское искусство стало уникальным сочетанием византийских и местных традиций, которое определило его самобытный стиль. Изучение влияния христианства на древнерусское искусство позволяет лучше понять историю и культуру Древней Руси. Оно также помогает сохранить и возродить традиции древнерусского искусства, которые являются частью нашего культурного наследия.

Список литературы

1. Аничков Е. В. «Язычество и Древняя Русь». — М.: Политиздат, 1984.
2. Брайчевский М. Ю. «Утверждение христианства на Руси». — Киев, 1989.
3. Бычков В. В. «Византия» // «История эстетической мысли», т. 1. — М., 1985.
4. Ильин И. А. «Основы христианской культуры». — Санкт-Петербург: Шпиль, 2004.
5. Соловьёв С. М. «Об истории древней России». — М.: Просвещение, 1993.

Сведения об авторах

Иванова Алина Шамсудиновна – студентка 3 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: alina_ivanova.2005@mail.ru

Научный руководитель – Богатырева Ольга Васильевна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: bogat69@mail.ru

Information about the authors

Ivanova Alina Shamsudinovna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: alina_ivanova.2005@mail.ru

Scientific supervisor - Bogatyreva Olga Vasilyevna, Associate Professor, Candidate Pedagogical Sciences, Associate Professor of the History Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: bogat69@mail.ru

Икрянникова А.А.

УДК 82.09

ВИРТУАЛЬНЫЙ ТУР ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ МУЗЕЮ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

Аннотация. В статье рассматривается потенциал виртуальных туров по литературным музеям как образовательного инструмента при изучении биографии писателя. Акцент сделан на музеях А. П. Чехова в Мелихове, Таганроге и Ялте в контексте 120-летия со дня смерти писателя (2024 г.). На основе сравнительного анализа мультимедийных ресурсов выявляются дидактические возможности виртуальных платформ и их интеграции в учебный процесс. Делается вывод, что виртуальный тур выступает полноценным методом исследования, формирующим целостное представление о личности писателя.

Ключевые слова: виртуальный тур, литературный музей, А. П. Чехов, биография писателя, музейная педагогика, цифровые технологии.

Ikryannikova A.A.

VIRTUAL TOUR OF A LITERARY MUSEUM AS A WAY TO STUDY THE WRITER'S BIOGRAPHY

Abstract. The article examines the potential of virtual tours of literary museums as an educational tool for studying a writer's biography. The focus is on the museums of A.P. Chekhov in Melikhovo, Taganrog and Yalta in the context of the 120th anniversary of the writer's death (2024). Based on a comparative analysis of multimedia resources, the didactic possibilities of virtual platforms and their integration into the educational process are identified. It is concluded that a virtual tour acts as a full-fledged research method, forming a holistic view of the writer's personality.

Keywords: virtual tour, literary museum, A.P. Chekhov, writer's biography, museum pedagogy, digital technologies.

Век цифровых технологий и тотальной информатизации всех сфер жизни ставит перед системой образования принципиально новые вызовы. Современный школьник, погруженный в мир гаджетов, социальных сетей и клипового мышления, часто оторван от классического культурного наследия. А. С. Пушкин когда-то заметил: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Сегодня эта мысль обретает особую остроту: как воспитать это уважение, если чтение объемных произведений уступает место беглому просмотру кратких содержаний, а знакомство с биографией писателя ограничивается формальным поиском информации в интернете? Понятия «начитанный ребенок», «интеллектуал с широким кругозором», к сожалению, становятся уделом немногих. В этой ситуации педагог обязан искать новые, действенные инструменты, способные вызвать у учащихся искренний эмоциональный отклик и подлинный интерес к русской литературе [6, с. 321].

Колоссальным образовательным потенциалом обладает литературный музей. Однако не каждая школа, особенно в отдаленном регионе, может организовать для своих учеников поездку в Ясную Поляну, Спасское-Лутовиново или Таганрог. На помощь приходят информационно-коммуникационные технологии, а одной из наиболее доступных форм учебной работы становится виртуальный тур.

В педагогической литературе виртуальная экскурсия рассматривается как специфическое учебно-воспитательное занятие, перенесенное в музейное или выставочное пространство с помощью цифровых средств [1, с. 22]. Это не просто просмотр картинок на экране, а форма обучения, отличающаяся от реальной экскурсии виртуальным отображением объектов с целью создания условий для самостоятельного наблюдения, сбора и анализа фактов [1, с. 23]. Виртуальному туру присуща важнейшая коммуникативная функция – передача заложенного автором содержания адресату, а грамотное использование мультимедийных элементов (аудиогидов, видеофрагментов, интерактивных карт) превращает процесс изучения в увлекательное исследование [10].

Роль литературных музеев в образовании огромна: они сохраняют не только артефакты, но и «дух места», помогая понять личность писателя и контекст его творчества. Это значимо при изучении А. П. Чехова – ключевой фигуры рубежа XIX–XX веков. 2024 год – год 120-летия со дня смерти писателя – вновь привлек внимание к его наследию и актуализировал потребность в новых форматах знакомства с ним, сочетающих академическую глубину и современные технологии. Обращение к виртуальным платформам чеховских музеев сегодня методически оправдано.

Судьба писателя связана с тремя ключевыми местами. Таганрог – город, где сформировалось его мировоззрение. Мелихово – усадьба, ставшая местом врачебной практики и создания драматургических шедевров. Ялта – южное пристанище последних лет жизни. Каждый из музеев сегодня предлагает развернутые виртуальные экспозиции, открывающие широкие возможности для учебного процесса.

Виртуальный тур по музею-заповеднику «Мелихово» позволяет погрузиться в атмосферу сельской усадьбы, где Чехов прожил семь плодотворных лет. Благодаря панорамной съемке высокого качества можно детально рассмотреть обстановку кабинета писателя, где создавались «Чайка», «Палата № 6», «Дядя Ваня». Простота и скромность интерьеров, запечатленная на сайте музея, красноречиво говорят о реализме Чехова, его внимании к деталям повседневной жизни, которые затем находили отражение в его прозе и драматургии [8]. Особую ценность представляет

виртуальная прогулка по саду и окрестностям усадьбы. Природа Мелихова, ставшая источником вдохновения, позволяет зримо ощутить тот символизм, который пронизывает чеховские пьесы. Образ чайки – подстреленной птицы, ставшей символом погубленной мечты и нереализованного таланта, – обретает здесь особую глубину. Аудиогиды, сопровождающие тур, включают не только фактологическую информацию, но и фрагменты писем Чехова, где он делится впечатлениями от деревенской жизни, рассказывает о своем саде, о лечении крестьян. Это создает эффект живого присутствия и помогает учащимся понять, как темы социального разочарования, кризиса смысла жизни, нашедшие отражение в «Дяде Ване», вызревали в самом писателе, который, будучи врачом и гуманистом, ежедневно сталкивался с человеческими проблемами и страданиями [8].

Не менее значимо для образовательного процесса виртуальное пространство Таганрогского государственного литературного и историко-архитектурного музея-заповедника. Виртуальная экскурсия по дому, где прошло детство писателя, дает уникальную возможность прикоснуться к истокам его творчества. Экспозиции, посвященные быту семьи Чеховых, обстановке бакалейной лавки отца, формируют представление о среде, воспитавшей в будущем писателе наблюдательность, чувство юмора и умение видеть комическое и драматическое в обыденной жизни. Изучая виртуальные реконструкции улиц старого Таганрога, знакомясь с фотографиями и личными вещами, учащиеся могут проследить, как ранние впечатления трансформировались в сюжеты и образы таких рассказов, как «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Смерть чиновника» [9]. Здесь же представлены материалы, связанные с первыми литературными опытами Чехова, его учебной работой в гимназии, что позволяет увидеть становление его неповторимого стиля, переход от юмористических сценок, подписанных псевдонимом, к серьезной психологической прозе. Отсутствие развернутых аудиогидов на платформе таганрогского музея компенсируется обширными текстовыми материалами и историческими справками, которые могут служить основой для исследовательских проектов школьников [9].

Ялтинский дом-музей А. П. Чехова (Белая дача) представлен в сети серией виртуальных туров под общим названием «Тур на 360 градусов». Эти материалы дают представление о последнем периоде жизни писателя, его болезни, но и одновременно – об удивительной творческой активности. Прогуливаясь по комнатам дома, где все сохранилось так, как было при жизни хозяина, слушая подкасты и аудиозаписи его писем из Крыма, учащиеся могут проследить, как меняется его мировосприятие, как южный климат и вынужденная изоляция от столичной театральной среды влияют на его творчество. Именно здесь были написаны поздние произведения, в том числе пьеса «Вишневый сад». Виртуальный тур позволяет увидеть тот культурный круг, который окружал А.П. Чехова в Ялте (воспоминания о визитах писателей), что дает более полное представление о литературном процессе того времени [3].

Сравнительный анализ мультимедийных ресурсов трех ключевых чеховских музеев демонстрирует их высокий дидактический потенциал. Каждая платформа обладает уникальными чертами и предлагает разные способы взаимодействия с материалом. Мелихово делает акцент на погружении в усадебный быт и творческую лабораторию писателя, активно используя аудиогиды и панорамные съемки. Ялта предлагает прочувствовать поздний, «крымский» период через письма и исторические

хроники. Таганрог дает фундаментальную базу для понимания истоков личности писателя. В комплексе эти виртуальные туры позволяют создать у учащихся целостный, объемный образ А. П. Чехова – не хрестоматийного «памятника», а живого человека, со своей судьбой, мыслями и чувствами [2].

Практическое применение виртуальных экскурсий в учебном процессе может быть разнообразным. На уроках литературы в 10–11 классах материалы Мелиховского музея могут стать основой для изучения «Чайки» или «Дяди Вани», позволяя ученикам не просто анализировать текст, но и видеть реальный контекст его создания. Аудиозаписи писем Чехова из Ялты, доступные на сайте музея, способны стать отправной точкой для дискуссии о жизни и творчестве, о восприятии смерти и быстротечности времени. Таганрогские материалы идеально подходят для вводных уроков по биографии писателя, для проведения исследовательских работ и проектов, направленных на выявление автобиографических мотивов в раннем творчестве [4].

Виртуальный тур по литературному музею перестает быть вспомогательным иллюстративным материалом. Он превращается в полноценный образовательный инструмент, помогающий решить важнейшие педагогические задачи: формирование познавательного интереса, развитие критического мышления и эмоциональной отзывчивости. Виртуальные экскурсии по музеям А.П. Чехова в Мелихове, Таганроге и Ялте, актуализированные юбилейной датой, открывают перед учителями и учениками уникальные возможности для глубокого и личностно-ориентированного изучения биографии и творчества писателя, помогают преодолеть географическую удаленность и финансовые ограничения, делая сокровища мировой культуры доступными каждому. Именно такие формы работы, синтезирующие классическое наследие и современные технологии, способны вернуть молодому поколению утраченное «уважение к минувшему» и воспитать подлинного, думающего читателя.

Список литературы

1. Александрова Е.В. Виртуальная экскурсия как одна из эффективных форм организации учебного процесса на уроке литературы // Литература в школе. – 2010. – № 10. – С. 22–24.
2. Басок А.В. Виртуальный тур как инструмент международной интеграции // Научные исследования. – 2019. – №4 (30). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-tur-kak-instrument-mezhdunarodnoy-integratsii> (дата обращения: 28.10.2024).
3. ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник» (Дом-музей А.П. Чехова в Ялте). – URL: <https://yalta-museum.ru/> (дата обращения: 17.10.2024).
4. Жаманова В.Н. Виртуальная экскурсия как одна из эффективных форм организации дистанционного обучения в учреждении дополнительного образования: метод. рекомендации. – Донецк: Донец. Республикан. Малая Акад. Наук учащейся молодежи, 2018. – 17 с.
5. Журавлева С.С. Проблемы использования виртуальных экскурсий в российских школах // Педагогический альманах. – 2019. – 29 сент. (№ 27101). – С. 3–5.
6. Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А. Слостенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.
7. Устюжанина Н.В. Виртуальная экскурсия как инновационная форма обучения // Наука и перспективы. – 2017. – № 2. – С. 70–74.
8. ФГБУК «Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А.П. Чехова «Мелихово». – URL: <https://chekhovmuseum.com/> (дата обращения: 17.10.2024).
9. ФГБУК «Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник». – URL: <https://tgliamz.ru/> (дата обращения: 17.10.2024).
10. Черкесова В. Что такое виртуальная экскурсия? // Виртуальные экскурсии для виртуальных путешественников. – URL: <https://sites.google.com/site/virtualnyeeskursiisvenerockoj/> (дата обращения: 06.04.2019).

Сведения об авторах

Икрянникова Анастасия Андреевна – студентка 5 курса, направления подготовки: 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», филологический факультет, ОГАОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет». E-mail: anastasiaromanova00041@gmail.com

Научный руководитель – Скибина Ольга Михайловна, доктор филологических наук, профессор, ОГАОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет». E-mail: sskibin90@mail.ru

Information about the authors

Ikryannikova Anastasia Andreevna – 5th year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (with two training profiles) (44.03.05), Faculty of Philology, Orenburg State Pedagogical University. E-mail: anastasiaromanova00041@gmail.com

Scientific supervisor – Olga Mikhailovna Skibina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University. E-mail: sskibin90@mail.ru

Ильин В.И.

УДК: 316.72:821.161.1

ИСТОРИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭМИГРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В представленной статье рассматривается история русскоязычной литературы эмиграции как системного инструмента межкультурной коммуникации. На материале трёх волн русской литературной эмиграции (1917–1922 гг., 1940-е гг., 1970–1980-е гг.) прослеживается эволюция коммуникативных стратегий эмигрантского текста: от функции культурного свидетельства и сохранения национальной идентичности до активного культурного синтеза и политического диалога с западным обществом. Теоретическую основу исследования составляют концепция диалогизма Бахтина М. М., теория «третьего пространства» Бхабха Х. К. и концепция культурной памяти Ассмана Я. Анализируются коммуникативные стратегии ключевых авторов — Бунина И. А., Набокова В. В., Солженицына А. И. и Бродского И. А. Показано, что в условиях современных геополитических противоречий литературный диалог остаётся одним из наиболее продуктивных каналов межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: русская литература эмиграции, межкультурная коммуникация, диаспорный текст, культурная идентичность, три волны эмиграции, культурная память, третье пространство.

Ilyin V. I.

HISTORY OF RUSSIAN-LANGUAGE ÉMIGRÉ LITERATURE AS A TOOL OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. This article examines the history of Russian-language émigré literature as a systemic tool of intercultural communication. Based on the material of the three waves of Russian literary emigration (1917–1922, the 1940s, and the 1970s–1980s), the study traces the evolution of communicative strategies in émigré texts: from the function of cultural testimony and preservation of national identity to active cultural synthesis and political dialogue with Western society. The theoretical framework of the research is built on Mikhail Bakhtin's concept of dialogism, Homi K. Bhabha's theory of the "third space," and Jan Assmann's concept of cultural memory. The article analyzes the communicative strategies of key authors—Ivan Bunin, Vladimir Nabokov, Aleksandr

Solzhenitsyn, and Joseph Brodsky. It demonstrates that in the context of contemporary geopolitical tensions, literary dialogue remains one of the most productive channels for intercultural interaction.

Keywords: Russian émigré literature, intercultural communication, diasporic text, cultural identity, three waves of emigration, cultural memory, third space.

Введение

Феномен русскоязычной литературы эмиграции — один из наиболее значимых и одновременно наименее систематизированных объектов гуманитарного знания. Разбросанная по материкам и десятилетиям, она представляет собой уникальный культурный континуум, в котором сталкиваются и взаимодействуют два мира: оставленная Россия и воспринятое Зарубежье. Именно эта двойственность делает эмигрантскую литературу исключительно продуктивным материалом для изучения межкультурной коммуникации.

Термин «межкультурная коммуникация» ввёл в научный оборот американский антрополог Э. Холл в 1959 году, однако применительно к литературе эмиграции данная проблематика приобретает особую глубину: писатель-эмигрант оказывается буквально «между культурами» — он является носителем одного культурного кода и вынужден существовать, творить и быть воспринятым в рамках другого.

Цель статьи — исследовать историю русскоязычной литературы эмиграции как системного инструмента межкультурной коммуникации, проследив эволюцию функций эмигрантского текста от культурного самосохранения к активному диалогу с принимающей культурой.

Теоретическую базу составляют труды Бахтина М. М. о диалогизме и «чужом слове» [2], концепция «третьего пространства» Бхабха Х. К. [16], а также работы Тименчика Р. Д. по семиотике русской культуры [14] и монографии Коростелёва О. А. и Лаврова А. В. о систематизации эмигрантского литературного процесса [7].

В условиях современных геополитических противоречий именно литературный диалог остаётся одним из немногих каналов подлинного межкультурного взаимодействия между Россией и западным миром, что определяет актуальность темы.

Результаты исследования

В отечественной и зарубежной науке принята трёхволновая модель периодизации русской эмиграции, каждая из которых отличалась не только социально-историческими условиями, но и принципиально различными стратегиями межкультурного взаимодействия.

Первая, масштабная волна эмиграции была порождена революцией 1917 года и Гражданской войной. По различным оценкам, страну покинуло от 1,5 до 3 миллионов человек [13, с. 47]. Среди них оказался цвет российской интеллигенции: философы Бердяев Н.А., Франк С.Л., Ильин И.А., богословы, учёные и писатели. Литераторы первой волны — Бунин И.А., Куприн А.И., Шмелёв И.С., Зайцев Б.К., Ходасевич В.Ф. — сформировали феноменальный по масштабу культурный анклав в эмиграции.

Коммуникативная стратегия первой волны определялась идеей «сохранения»: литераторы ощущали себя хранителями подлинной России, которая была уничтожена в метрополии. Характерно признание Бунина И. А.: «Мы не в изгнании, мы в послании» [5, с. 12]. Эта установка обусловила особый тип диалога с принимающей

культурой – не интеграционный, но свидетельский: эмигрантская литература функционировала как живой музей русскости для западного читателя.

Показательна в этом отношении судьба Нобелевской премии И.А. Бунина (1933), которую Нобелевский комитет обосновал «правдивым творческим дарованием, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер» [10]. Западный рецептор воспринимал бунинскую прозу именно как достоверный культурный документ, как окно в ушедшую Россию.

Вторая волна эмиграции, сформированная в годы Второй мировой войны, существенно отличалась по составу и литературным стратегиям. Перемещённые лица, бывшие советские граждане, не желавшие возвращения в СССР, в большинстве не принадлежали к довоенной литературной элите. Но именно представители второй волны Поплавский Б. Ю., Варшавский В. С., Газданов Г. А. дали критический анализ советского опыта изнутри, создав уникальный тип документально-художественного свидетельства. С позиций межкультурной коммуникации вторая волна представляет особый интерес: её представители впервые систематически обращались к теме советской культурной травмы и разрыва с дореволюционной традицией. Их тексты формировали у западного читателя более сложный образ России, не утраченного рая, но страны с раздвоенной культурной идентичностью.

Третья волна эмиграции, вызванная политическими репрессиями советского режима, открыла принципиально новую страницу в истории русской диаспорной литературы. Солженицын А. И., Бродский И. А., Аксёнов В. П., Довлатов С. Д., каждый из них нёс в принимающую культуру не просто национальную традицию, но острую политическую и экзистенциальную рефлексию. Принципиальным отличием третьей волны стала открытость к синтезу культуры. В.В. Набоков, формально принадлежал к первой волне, но литературно реализовался позднее, и стал образцом писателя, совершившего полноценный переход в иноязычное пространство. Его творческая биография, по справедливому замечанию Ильина С. Б., «представляет собой уникальный случай двуязычного авторства, ставшего возможным именно благодаря постоянной внутренней напряжённости между двумя культурами» [6, с. 233]. Бродский И. А., высланный из СССР в 1972 году и удостоенный Нобелевской премии в 1987 году, дал ёмкое определение коммуникативной функции эмигрантской поэзии: «Поэт – орудие языка, а не наоборот. Язык – это то, что остаётся от человека» [3].

Теоретические аспекты межкультурного диалога

С точки зрения бахтинской теории диалогизма [2], художественный текст принципиально полифоничен и диалогичен: каждое высказывание несёт в себе «чужое слово», голос иного. Для эмигрантского писателя эта гетероглоссия удваивается: он одновременно ведёт диалог с утраченной родной культурой и с принимающей культурой, по отношению к которой он — Другой. Именно это двойное диалогическое напряжение порождает «эмигрантский хронотоп» — особое художественное пространство, где прошлое и настоящее, Россия и Запад, пересекаются и взаимно остраивают друг друга [11, с. 88].

Концепция «третьего пространства» (third space), разработанная постколониальным теоретиком Бхабха Х. К. [16], предлагает иной угол зрения. Эмигрантский текст не просто транслирует одну культуру другой, он создаёт принципиально новое, гибридное культурное пространство, не принадлежащее ни

исходной, ни принимающей культуре. Как показала Левинтон Г. А., набоковский интертекст функционирует как постоянно обновляемый культурный словарь для западного читателя [8, с. 156].

Третья теоретическая парадигма связана с концепцией «культурной памяти» Я. Ассмана [15]. Литература эмиграции выполняет мнемоническую функцию: она является хранилищем коллективной культурной памяти русского зарубежья, которая противостоит официальной советской версии исторической памяти. В этом смысле эмигрантская литература являет эстетический и архивный феномен, обеспечивающий непрерывность культурной традиции в условиях насильственного разрыва.

Коммуникативные стратегии ключевых авторов

Бунин И. А. стал, по существу, первым русским писателем, достигшим широкого международного признания через механизмы эмигрантской литературы. «Впервые со времён Пушкина А. С. русский писатель стал вровень с мировым значением», — писал Мочульский К. В., один из крупнейших критиков русской эмиграции [10, с. 201]. Поздняя проза Бунина И. «Тёмные аллеи», «Жизнь Арсеньева» предлагала максимально аутентичный культурный продукт, и именно эта аутентичность обеспечивала ему международный успех.

Случай Набокова В. В. является наиболее радикальным в истории русской эмиграции. Пройдя путь от русскоязычного «Сирина» к англоязычному Набокову В. В., он осуществил самую успешную в истории мировой литературы культурную трансмиссию. Роман «Пнин» (1957) представляет собой метатекст эмигрантской коммуникации: как убедительно показал Александров В. Е., сопротивление ассимиляции делает главного героя медиатором между двумя культурами [1, с. 67].

Солженицын А. И. представляет принципиально иную коммуникативную модель. Его эмигрантское творчество — «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо» — ориентировано не на эстетический диалог с западной культурой, но на политическую коммуникацию с западным обществом. По оценке Конквеста Р., «Архипелаг ГУЛАГ» изменил политический климат на Западе более, чем любой другой литературный текст XX века [17, с. 44].

Поэтическое и эссеистическое наследие Бродского И. А. воплощает наиболее рафинированную коммуникативную стратегию из всех рассмотренных. Будучи Поэтом-лауреатом США (1991–1992), он занимал позицию культурного медиатора между русской поэтической традицией (Ахматова А. А., Цветаева М. И., Мандельштам О. Э.) и американской литературной культурой. По свидетельству Одена У. Х., стихи Бродского И. А. обнаруживали «трагическую плотность, унаследованную от русской традиции, но облачённую в совершенно новую форму» [4, с. 11].

Распад СССР и открытие границ в конце 1980-х — начале 1990-х годов кардинально изменили условия существования русской диаспорной литературы. По наблюдению Рыбакова В. А., современный эмигрантский писатель существует в принципиально иной медиасреде, где граница между «здесь» и «там» проницаема до степени, немислимой для Бунина И. А. или Набокова В. В. [13, с. 34]. В условиях политической поляризации переводы, международные академические конференции и университетские курсы русской эмигрантской литературы выполняют функцию культурных мостов, компенсирующих разрывы в политической и дипломатической коммуникации.

Заключение

Подводя итог, сформулируем выводы о природе и функциях русскоязычной литературы эмиграции как инструмента межкультурной коммуникации.

Во-первых, эмигрантская литература выполняет мультифункциональную коммуникативную роль, сочетая функции культурного свидетельства (Бунин И. А.), культурного синтеза (Набоков В. В.), политической коммуникации (Солженицын А. И.) и философско-эстетического диалога (Бродский И. А.).

Во-вторых, эмигрантская литература создаёт особое «третье» культурное пространство, в котором исходная и принимающая культуры вступают в диалог, порождая принципиально новые культурные смыслы.

В-третьих, мнемоническая функция эмигрантской литературы приобретает особую значимость в периоды политических разрывов, обеспечивая непрерывность культурной традиции вопреки географическим и политическим разломам.

В-четвёртых, история русскоязычной литературы эмиграции может и должна рассматриваться как ценный практический ресурс для современной теории и практики межкультурной коммуникации: она демонстрирует, как в условиях максимального культурного напряжения возникают продуктивные формы культурного диалога.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением рецепционной истории эмигрантских текстов в национальных литературных традициях и с анализом «четвёртой волны» в контексте цифровой трансформации коммуникативных практик.

Список литературы

1. Александров В. Е. Набоков и потусторонность. СПб.: Алетейя, 1999. 320 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. литература, 1972. – 470 с.
3. Бродский И. А. Сочинения: в 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 6: Эссе. 432 с.
4. Бродский И. А. Стихотворения и поэмы / Предисловие Оден У. Х. / пер. с англ. Сергеева А.– Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1965. С. 7–14.
5. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / под ред. Михайлова О. Н. М.: Наследие, 1998. 640 с.
6. Ильин С. Б. Набоков и его творчество: русс. период. М.: РГГУ, 2015. 312 с.
7. Коростелёв О. А., Лавров А. В. Русская эмиграция и мировая культура. М.: НЛО, 2010. 448 с.
8. Левинтон Г. А. Литературный интертекст Набокова: опыт анализа. СПб.: Академический проект, 2012. 388 с.
9. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
10. Мочульский К. В. Кризис воображения. Томск: Водолей, 1999. 416 с.
11. Нобелевская премия по литературе 1933 года. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1933/bunin/facts/> (дата обращения: 12.09.2024).
12. Раев М. И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
13. Рыбаков В. А. Русская диаспора в цифровую эпоху // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 26, № 3. С. 28–47.
14. Тименчик Р. Д. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим. Москва: Мосты культуры, 2008. 685 с.
15. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. München: C. H. Beck, 1992. 344 p.
16. Bhabha H. K. The Location of Culture. London; N. Y.: Routledge, 1994. 285 p.
17. Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. Oxford: Oxford University Press, 1990. 570 p.

Сведения об авторах

Ильин Вениамин Иванович – студент 3 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). Email: benjaminilin11909@gmail.com

Научный руководитель – Алиева Патимат Шапиулаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

Information about the authors

Pyin Veniamin Ivanovich – 3rd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). Email: benjaminilin11909@gmail.com

Scientific supervisor – Aliyeva Patimat Shapiulayevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

Ковалева А.И.

УДК 659.123.1

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-РЕКЛАМИСТОВ ПРИ РАЗРАБОТКЕ РЕКЛАМНО- КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОДУКТА

Аннотация. В данной статье рассматриваются инновационные подходы к применению в процессе обучения студентов направления подготовки «реклама и связи с общественностью» нейросетей и искусственного интеллекта, при создании рекламно-коммуникационного продукта бренда. Нами проанализирован данный аспект на примере практической работы студентов-магистров по продвижению отечественного косметического бренда «BISOU» с использованием нейросетей. Также мы проанализировали конкретные профессиональные возможности искусственного интеллекта в создании уникального вербального и визуального контента, который способствует более глубокому пониманию бренда, его продукта. В статье представлен инструментарий нейросетей и искусственного интеллекта с точки зрения их использования в образовательном процессе студентов гуманитарных направлений, в частности направления подготовки «реклама и связи с общественностью». Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что применение в процессе обучения нейросетей (ИИ) позволяет учащимся создавать рекламные продукты профессионального уровня, широко применять не только визуальный инструментарий, но и языковой, являющийся неотъемлемой частью рекламной коммуникации.

Ключевые слова: русский язык, коммуникация, искусственный интеллект, нейросети, брендинг, реклама, социокультурный код.

Kovaleva A.I.

FEATURES OF THE USE OF NEURAL NETWORKS IN THE TRAINING OF ADVERTISING STUDENTS IN THE DEVELOPMENT OF AN ADVERTISING AND COMMUNICATION PRODUCT

Annotation. This article discusses innovative approaches to the use of neural networks and artificial intelligence in the process of teaching students in the field of advertising and public relations, when creating an advertising and communication product of a brand. We have analyzed this aspect using the example of the practical work of master's students in promoting the domestic cosmetics brand

BISOU using neural networks. We also analyzed the specific professional capabilities of artificial intelligence in creating unique verbal and visual content that contributes to a deeper understanding of the brand and its product. The article presents the tools of neural networks and artificial intelligence from the point of view of their use in the educational process of students of humanities, in particular, the field of training "advertising and public relations". The results of the study confirm the hypothesis that the use of neural networks (AI) in the learning process allows students to create professional-level advertising products, widely use not only visual tools, but also language, which is an integral part of advertising communication.

Keywords: Russian language, communication, artificial intelligence, neural networks, branding, advertising, socio-cultural code

Современный рынок косметики характеризуется высокой конкуренцией: чтобы выделиться среди множества брендов, компаниям необходимо использовать нестандартные маркетинговые решения. Одним из перспективных инструментов становится применение технологий искусственного интеллекта и нейросетей — они позволяют создавать персонализированный контент, оперативно реагировать на тренды и выстраивать эмоциональную связь с аудиторией.

На примере бренда «BISOU» мы разберём, как нейросети помогают решать задачи продвижения: от генерации креативных текстов до формирования целостной концепции коммуникации с потребителями.

Для повышения узнаваемости бренда была сгенерирована песня о «BISOU», предназначенная для продвижения в группе ВКонтакте. Её ключевая задача — вызвать эмоциональный отклик у аудитории и закрепить ассоциацию между брендом и ощущением заботы, гармонии, обновления.

Пример данной песни: *«Твои флаконы словно тайны снов. В них заключен букет из лучших слов. От прикосновений нежных как шок. Моя душа поет как горный волк. BISOU — это больше, чем просто уход. Это ритуал, что сердце. Твои ароматы, словно летний дождь, смывают грусть, даря мне свежесть вновь».*

Особое внимание в сгенерированной песне стоит обратить на первый куплет, а именно следующие слова «Твои ароматы, словно летний дождь, смывают грусть, даря мне свежесть вновь», то есть именно в них раскрывается философия бренда.

Параллельно с музыкальным контентом нейросеть Алиса AI сгенерировала пост для группы ВКонтакте, который развивает ту же идею — косметика «BISOU» как инструмент самоподдержки в сложные периоды.

Заголовок поста: *«Как BISOU помог мне стать лучшей версией себя после расставания с парнем».*

История построена как личный рассказ, вызывающий эмпатию: героиня делится переживаниями после расставания, описывает, как уход за собой с помощью средств «BISOU» помог ей вернуть уверенность в себе.

Ключевые элементы поста: Проблема: эмоциональное выгорание, потеря интереса к уходу за собой. Решение: постепенное внедрение ритуалов с косметикой «BISOU»: умывание пенкой, использование тоника и крема, маски. Результаты: улучшение состояния кожи и волос, осознание важности заботы о себе. Вывод: бренд позиционируется не как «волшебное средство», а как верный помощник на пути к внутренней гармонии. Пост усиливает посыл песни: оба материала транслируют

единую идею — красота начинается с любви к себе, а «BISOU» помогает сделать первые шаги в этом направлении.

В заключение важно подчеркнуть, что использование нейросетей для продвижения бренда продемонстрировало их высокую эффективность в создании связного, эмоционально окрашенного контента. Сгенерированные песня и пост не только привлекают внимание к продукции, но и транслируют ключевые ценности бренда: заботу о себе, гармонию, обновление.

Данный практический опыт помог нам сделать вывод о том, что новые технологии, такие как нейросети и искусственный интеллект являются современным инструментом для студентов-рекламистов в их процессе обучения практическим навыкам и профессиональным компетенциям [4, с. 24]. Доказательством этому служит тот факт, что такие инструменты являются дополнительными помощниками при работе с брендами, при создании рекламного продукта, работе с текстами, что позволяет не сделать процесс более легким, а сделать его более увлекательным, сложным и интересным.

Список литературы

1. Аакер Д.А. – Создание сильных брендов. – М.: ИД Гребенникова, 2003.
2. Агаларова Е. Г., Таран А. Г. Социально–этический маркетинг. – М.: Юнити, 2014. С. 33.
3. Захаров С.В. Маркетинг: учебник / Захаров С.В., Сербиновский Б.Ю., Павленко В.И. – Ростов н/Д.: Феникс, 2009.
4. Зотова А.С. Формирование цифровой коммуникации в организационно-педагогической деятельности вуза // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2023., Т. 20. № 1. С. 20-32.

Сведения об авторах

Ковалева Александра Игоревна – студентка 2 курса, направления подготовки: 42.04.01 «Реклама и связи с общественностью», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: kovalevasasha555@gmail.com

Научный руководитель – Зотова Анна Сергеевна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: a.zotova@mgutm.ru

Information about the authors

Kovaleva Alexandra Igorevna – 2nd year master's degree student majoring in Advertising and public relations (42.04.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: kovalevasasha555@gmail.com

Scientific supervisor – Zotova Anna Sergeevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Public Relations and Advertising Technologies Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: a.zotova@mgutm.ru

УДК: 37.062.1

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу исторического нарратива в современных школьных учебниках (на примере периода 1825–1914 гг.) и его роли в формировании культурной идентичности учащихся. В работе выявляется, как через отбор ключевых сюжетов (государственное строительство, эпоха Великих реформ, культурный расцвет), интерпретацию событий и систему методических заданий учебник конструирует целостный образ прошлого. Автор приходит к выводу, что формируемый нарратив выстраивает идентификационную матрицу, основанную на ценностях сильного государства, преемственности исторического развития, уникальности культурного наследия и осознании особого пути России, что соответствует ключевым задачам гражданско-патриотического образования в рамках реализации ФГОС.

Ключевые слова: исторический нарратив, школьные учебники истории, культурная идентичность, учебник для 9 класса, период 1825-1914 гг., анализ содержания, формирование исторического сознания, историческое образование, образ прошлого.

Konyaev A.V.

THE HISTORICAL NARRATIVE IN SCHOOL TEXTBOOKS AND ITS INFLUENCE ON THE FORMATION OF CULTURAL IDENTITY

Abstract. This study is devoted to the analysis of the historical narrative in modern school textbooks (using the period 1825–1914 as an example) and its role in shaping the cultural identity of students. The paper reveals how the textbook constructs a holistic image of the past through the selection of key plots (state building, the era of the Great Reforms, cultural flourishing), the interpretation of events, and a system of methodological tasks. The author concludes that the formed narrative builds an identification matrix based on the values of a strong state, the continuity of historical development, the uniqueness of cultural heritage, and the awareness of Russia's special path, which corresponds to the key tasks of civic-patriotic education within the framework of the implementation of the Federal State Educational Standard.

Keywords: Historical narrative, school history textbooks, cultural identity, 9th grade textbook, period 1825-1914, content analysis, formation of historical consciousness, history education, image of the past.

Введение

Школьный учебник истории – это сложно организованный нарратив (связный рассказ о прошлом, который отбирает, интерпретирует и выстраивает факты в определенную логику, обладающую внутренними смыслами и ценностными ориентирами). Формируя у учащихся целостную картину прошлого, этот нарратив выполняет ключевую социокультурную функцию: закладывает основы коллективной памяти и культурной идентичности, предлагая ответы на фундаментальные вопросы «Кто мы?», «Откуда мы пришли?» и «Каково наше место в мире?»

Объектом данного исследования выступает учебник «История России. 1825–1914 гг.» для 9 класса, разработанный под редакцией В. Р. Мединского и А. В. Торкунова в соответствии с актуальными требованиями Федерального

государственного образовательного стандарта (ФГОС) и Федеральной образовательной программы. Этот учебник, являясь частью единой линейки для основной школы, представляет собой репрезентативный материал для анализа современного подхода к конструированию исторического нарратива для подростковой аудитории. Особый интерес вызывает декларируемый в нём комплексный акцент не только на политической истории, но и на духовной жизни общества, культуре, повседневности, а также задача интеграции российской истории в мировой контекст.

Целью данной статьи является анализ структуры, ключевых смысловых акцентов и методического аппарата исторического нарратива, представленного в школьных учебниках по истории России для основной школы (на примере периода 1825–1914 гг.), и определить его влияние на формирование конкретных контуров культурной и гражданской идентичности у учащихся. Исследование направлено на выявление механизмов, с помощью которых учебный текст конструирует ценностные ориентиры и коллективные представления о прошлом, способствуя тем самым интеграции молодого поколения в национально-культурное сообщество на основе предлагаемых образов сильного государства, реформаторской традиции и уникального культурного наследия.

В соответствии с целью определены следующие задачи: 1) рассмотреть структуру и ключевые смысловые акценты нарратива на материале конкретных тем; 2) проанализировать методический аппарат учебника (вопросы, задания) как инструмент закрепления предлагаемой картины мира; 3) определить контуры культурной идентичности, которые формируются у учащихся в результате работы с данным учебным материалом.

Методологическую основу исследования составляют принципы нарративного и контент-анализа, которые позволяют выявить явные и скрытые смыслы текста. Для анализа привлекаются методические материалы, созданные педагогами-практиками для работы с данным учебником (кроссворды, презентации), что позволяет увидеть, как предложенный нарратив транслируется и закрепляется в учебном процессе.

Результаты исследования

В современной науке исторический нарратив понимается как целенаправленная реконструкция и интерпретация прошлого, подчиненная определенным правилам построения сюжета. Это связный рассказ, который организует отдельные события в логическую последовательность или причинно-следственную связь, выделяет ключевых действующих лиц (героев и антигероев) и наделяет прошлое определенным смыслом и направленностью. Таким образом, нарратив всегда является продуктом отбора и акцентирования, предлагающим аудитории конкретную, а не единственно возможную версию истории. В образовательном контексте именно учебник становится основным каналом трансляции такого легитимированного, официально одобренного нарратива, структурирующего историческое знание для нового поколения [1]

Культурная идентичность определяется как устойчивое осознание человеком своей принадлежности к определенной культурной общности, разделение ее ключевых ценностей, символов, традиций и моделей поведения. Важнейшим источником формирования этой идентичности является коллективная память, основу которой составляет разделяемое группой представление об общем прошлом. История, транслируемая через институты образования, предоставляет индивиду набор

ориентиров и «точек сборки», позволяющих ответить на вопросы «Кто мы?», «Откуда мы пришли?» и «В чем наша уникальность?». Идентичность, таким образом, является не статичным свойством, а динамичным процессом постоянного диалога с прошлым и его переосмысления в настоящем.

Школьный учебник истории выступает ключевым инструментом, связывающим теоретические категории исторического нарратива и культурной идентичности в практической плоскости. Формируя у учащихся целостный и эмоционально окрашенный образ прошлого, учебный нарратив выполняет не только познавательную, но и социально-консолидирующую функцию. Через систему тем, оценок, иллюстраций и заданий он предлагает ученикам готовую систему культурных координат, определяя границы «своего» сообщества и его место в мировом историческом процессе. Анализ учебника позволяет выявить, какие именно события, личности и ценности позиционируются как фундаментальные для национально-культурного самоопределения, а какие, напротив, остаются на периферии официального рассказа.

Учебник «История России. 1825–1914 гг.» для 9 класса, разработанный под редакцией В. Р. Мединского и А. В. Торкунова, охватывающий период правления Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, представляющий собой один из наиболее сложных и противоречивых отрезков российской истории. Анализ нарратива современных учебников для основной школы позволяет выявить ключевые смысловые акценты, которые формируют у учащихся представление об этой эпохе и её месте в национальной истории. Исторический рассказ выстраивается вокруг нескольких стержневых сюжетов, последовательно раскрывающих тему государственного развития, общественной мысли и культурного расцвета в контексте формирования национальной идентичности. [2]

1. Идеологический фундамент и государственное строительство при Николае I.

Нарратив начала периода выстраивается вокруг концепции «официальной народности» как ответа на вызовы времени, включая восстание декабристов. Учебники акцентируют не репрессивную, а стабилизирующую и созидательную функцию государственной идеологии, направленную на сохранение единства и самобытности страны. Кодификация законов, улучшение управления государственными крестьянами, начало промышленного переворота и усиление роли России в международных делах подаются как доказательство эффективности курса на укрепление суверенитета и внутреннего порядка. Этот акцент позволяет представить имперскую модель как логичную и исторически обусловленную форму существования российской государственности в эпоху национальных подъемов в Европе.

2. Эпоха «Великих реформ» Александра II: модернизация и её последствия.

Центральным событием нарратива становится отмена крепостного права в 1861 году, которая трактуется как переломный, судьбоносный акт, определивший дальнейший путь развития России. Последовавшие за этим судебная, земская, военная и образовательная реформы излагаются как комплекс мер, направленных на глубокое обновление всех сфер жизни. При этом учебный нарратив стремится сохранить баланс, показывая как прогрессивный характер преобразований, так и их незавершенность, породившую новые социальные напряжения. Особое внимание уделяется тому, как реформы стимулировали экономический рост, формирование гражданского общества (через земства) и, что критически важно, создали социальную базу для невиданного

ранее культурного подъёма, предоставив доступ к образованию новым слоям населения.

3. Культурный расцвет и поиск национальной идентичности

В нарративе учебников культуре XIX – начала XX века отводится роль активного участника исторического процесса и главного инструмента формирования национального самосознания. Период включает в себя такие явления как «золотой» и «серебряный» век русской культуры, достижения которой стали всемирным достоянием. Сквозной темой становится идейный спор западников и славянофилов, а позднее – почвенников, который представлен не как конфликт, а как продуктивный интеллектуальный диалог о путях развития России, обогативший общественную мысль. Творчество писателей, художников, композиторов и ученых (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, И.Е. Репин, П.И. Чайковский, Д.И. Менделеев и др.) преподносится как глубокое осмысление «русской идеи», духовных ценностей народа и социальных противоречий эпохи, внесшее уникальный вклад в мировую цивилизацию.

4. Социально-политическая динамика и вызовы империи на рубеже веков

Завершающая часть нарратива посвящена сложному периоду на рубеже XIX-XX веков. Политика контрреформ Александра III, стремительный промышленный подъем, деятельность С.Ю. Витте и нарастание революционного движения излагаются как взаимосвязанные факторы, создавшие к 1914 году комплекс внутренних вызовов. Учебники показывают, как ускоренная модернизация породила острые социальные контрасты и идейную поляризацию общества. При этом нарратив подчеркивает, что, несмотря на внутренние трудности, Россия подошла к Первой мировой войне как мощная мировая держава с уникальным культурным багажом и нереализованным потенциалом мирного развития.

Таким образом, нарратив школьных учебников по истории России 1825–1914 гг. выстраивает целостную картину эпохи как времени напряженного поиска страной своего пути между традицией и модернизацией. Основной акцент делается на преемственности государственного развития, созидательной роли власти в проведении реформ и выдающемся вкладе русской культуры этого периода в формирование национальной и гражданской идентичности. Через призму великих свершений и сложных противоречий учащимся предлагается осмыслить данный исторический отрезок как фундаментальную эпоху становления современной России.

Методический аппарат современного школьного учебника истории характеризуется системой вопросов, заданий, работы с источниками и иллюстрациями и считается ключевым инструментом, направляющим познавательную деятельность ученика и закрепляющим предлагаемый исторический нарратив. Через эти формы работы происходит интериоризация ценностей и смыслов, формирование конкретных навыков мышления и, в конечном счете, усвоение определенной модели культурной идентичности. Анализ заданий позволяет выявить, на развитие каких компетенций и личностных позиций ориентирован учебник.

Задания в учебнике можно классифицировать по их основной функции. Репродуктивные вопросы (на воспроизведение фактов, дат, имен) закрепляют базовый каркас нарратива, выделяя события и персоналии, признанные наиболее значимыми. Аналитические и проблемные задания (например, «Сравните цели и методы

деятельности западников и славянофилов», «Объясните, почему эпоху правления Александра II называют временем «Великих реформ») требуют от учащихся работы с причинно-следственными связями, заложенными в тексте параграфа, и подводят их к авторским выводам. Особую роль играют задания личностно-оценочного характера («Как вы думаете, в чем заключалась историческая заслуга деятелей культуры «серебряного века»?», «Какие реформы XIX века вы считаете наиболее актуальными для своего времени и почему?»). Они стимулируют эмоционально-ценностное отношение к истории, предлагая ученику соотнести себя с прошлым, но в рамках заданной системы культурных координат.

Важнейшим компонентом методического аппарата является включение фрагментов документов, мемуаров, публицистики эпохи. Однако их функция часто носит иллюстративный, а не исследовательский характер. Вопросы к документам («О чем свидетельствует данный отрывок?», «Какую позицию занимает автор?») обычно направлены на подтверждение или конкретизацию основной линии учебного текста, а не на сопоставление противоположных точек зрения или самостоятельный критический анализ. Такой подход формирует уважение к историческому свидетельству, но в ограниченном ключе, где источник служит скорее подтверждением уже заданной версии прошлого, а не инструментом для самостоятельного открытия его многогранности [1].

Иллюстративный ряд учебника (репродукции картин, фотографии памятников архитектуры, портреты, схемы) выступает невербальным каналом передачи культурных кодов. Подбор изображений является редакционным выбором, формирующим визуальный образ эпохи. Акцент на величественных архитектурных сооружениях, парадных портретах государственных деятелей или эмоционально насыщенных полотнах передвижников, отражающих народную жизнь дополняет текст и эмоционально окрашивает восприятие, создавая галерею зрительных символов, ассоциирующихся с понятиями «державность», «культурный расцвет», «народность».

Методический аппарат выступает в роли навигатора, который через систему четко выверенных вопросов, заданий и визуальных образов направляет ученика не только к усвоению информации, но и к принятию определенной системы исторических смыслов и ценностей, что является фундаментальным процессом для формирования культурной и гражданской идентичности.

Анализ нарратива и методического аппарата учебников истории для периода 1825–1914 гг. позволяет выявить устойчивые смысловые конструкты, которые целенаправленно формируют у учащихся конкретные контуры культурной и гражданской идентичности. Эти контуры складываются в целостный образ национального прошлого, предлагающий ответы на ключевые вопросы самоопределения и задающий ценностные ориентиры для современности. [2]

Ценность сильного государства и идея исторической преемственности становятся одним из центральных элементов формируемой идентичности. Нарратив, выстраивающий непрерывную линию от укрепления государственных основ при Николае I через Великие реформы Александра II к имперскому могуществу рубежа веков, внушает идею о государстве как высшей ценности и гаранте исторического выживания и развития нации.

Реформаторская традиция и уважение к эволюционному обновлению выступают как второй ключевой компонент. Акцент на созидательных, «освободительных» реформах Александра II призван сформировать позитивное отношение к модернизации, инициированной «сверху». Это создает образ России как страны, способной на глубокие преобразования, и закладывает ценность закона, правового порядка и институтов развивающегося гражданского общества как неотъемлемой части национального опыта. [1]

Гордость за уникальное культурное наследие и признание цивилизационного вклада формируется через масштабное представление достижений «золотого» и «серебряного» веков. подача русской литературы, музыки, живописи и науки как явления мирового уровня призвана вызвать у школьника чувство сопричастности к этому наследию. Концепция «особого пути» создает представление об уникальности исторической судьбы страны. Этот нарратив воспитывает идентичность, в которой чувство национального достоинства тесно связано с идеей преодоления внешних вызовов и постоянного отстаивания своего суверенитета и ценностей в противостоянии с иным, зачастую враждебным, миром

Таким образом, учебный нарратив о России XIX – начала XX века предлагает школьнику сложную, но внутренне непротиворечивую идентификационную матрицу. Её основу составляет триада «Сильное государство – Великая культура – Особый путь», которая призвана сформировать у молодого поколения чувство причастности к великому прошлому, гордость за достижения предков и осознание непрерывности национальной истории, что является фундаментальной задачей школьного исторического образования.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что школьный учебник истории является инструментом конструирования культурной идентичности, который действует через два основных канала: содержательный исторический нарратив и методический аппарат, направляющий познавательную деятельность. Анализ учебных материалов для периода 1825–1914 гг. демонстрирует, как отбор и интерпретация событий, персоналий и культурных явлений формируют у учащихся устойчивую систему ценностных ориентиров и коллективных представлений о прошлом. [2]

Способ подачи исторического материала, особенно через постоянное сравнение с опытом европейских стран, активно конструирует идею «особого пути» России. Он способствует формированию идентичности, в которой чувство национального достоинства тесно связано с осознанием отличий от «значимого Другого», каковым в учебном дискурсе часто выступает Запад. Методический аппарат, в свою очередь, закрепляет эти смыслы, переводя их из области абстрактного знания в сферу личностного отношения и эмоционального принятия через проектные задания и работу с визуальными образами.

Научно-практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы позволяют педагогам осознанно подходить к работе с учебным материалом, развивая у учащихся знание исторических фактов и критическое мышление, необходимое для осмысления сложности и многогранности исторического процесса.

Список литературы

1. Вяземский, Е. Е. Теория и методика преподавания истории / Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова. — М.: Владос, 2003. — 384 с.
2. Мединский, В. Р. История России. 1825–1914 гг. 9 класс / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов. — М.: Просвещение, 2025. — 399 с.

Сведения об авторах

Коняев Андрей Валерьевич – студент 3 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: gridnevv19982006@gmail.com

Научный руководитель – Богатырева Ольга Васильевна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: bogat69@mail.ru

Information about the authors

Konyaev Andrei Valeryevich – 3rd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: gridnevv19982006@gmail.com

Scientific supervisor – Bogatyreva Olga Vasilyevna, Associate Professor, Candidate Pedagogical Sciences, Associate Professor of the History Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: bogat69@mail.ru

Курочкина П.А.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ «КАКАЯ-ТО ПЕТРУШКА» В МИРОВОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу истории и этимологии исконно русского фразеологизма *какая-то петрушка*. Проведен лингвокультурологический анализ фразеологизмов со словом *петрушка* в восточнославянских и европейских языках. Выявлены особенности его употребления в русском языке и приведены примеры из русской литературы. Особое внимание уделяется сопоставительному анализу переводческих решений с данным фразеологизмом на примере романа «Чрево Парижа» Э. Золя. Подчеркнута роль перевода в формировании читательского восприятия и актуализации культурного контекста.

Ключевые слова: язык, культура, фразеологизм, перевод, семантика.

Kurochkina P.A.

THE PHRASEOLOGICAL UNIT «SOME KIND OF PETRUSHKA» IN THE WORLD SPACE CULTURAL

Abstract. The article is devoted to the analysis of the history and etymology of the native Russian phraseology *some kind of petrushka*. A linguistic and cultural analysis of phraseological units with the word *parsley* in East Slavic and European languages is carried out. Russian Russian usage features are revealed and examples from Russian literature are given. Special attention is paid to the comparative analysis of translation solutions with this phraseological unit using the example of the novel «The Belly of Paris» by E. Zola. The role of translation in shaping the reader's perception and updating the cultural context is emphasized.

Keywords: Language, culture, phraseology, translation, semantics.

Русский фразеологизм «какая-то петрушка» имеет весьма интересную историю. Для лучшего его понимания обратимся к лексикографическому анализу слова петрушка.

Большой академический словарь русского языка дает следующее толкование слова петрушка: ‘кукла, главное комическое действующее лицо русского народного кукольного театра’ или в более широком значении – ‘всякая кукла кукольного театра, надеваемая на пальцы руки’. [1, с. 492]

В русской литературе можно найти немало примеров его употребления. Так, строки из очерка «Заграничные письма» писателя Николая Васильевича Успенского: «Петрушка - кукла, что у нас в балаганах, в Неаполе в большом ходу: здесь она также засовывает собаке в рот палку, которою собака крепко колотит Петрушку по голове».

Слово петрушка имеет также несколько переносных значений.

1. ‘Русский народный кукольный театр (обычно бродячий), дававший представления на улицах, площадях, ярмарках и т. п.’

Любопытна помета, что оно существовало в дореволюционной России.

В качестве примера можно привести строки из рассказа «Черная молния» прозаика Александра Ивановича Куприна: «Самые плохие бродячие цирки и масленичные балаганы обегают этот город, и даже невзыскательный петрушка проходил через него последний раз шесть лет тому назад.»

2. ‘О человеке, который паясничает, ведет себя шутом’.

Данное переносное значение характерно для разговорной речи.

Яркий пример употребления можно найти в рассказе «На покое» ранее упомянутого А. И. Куприна: «Ты, балаганный Петрушка, бесчестил швеек, обещая сделать из них опереточных примадонн».

3. ‘Нечто нелепое, странное, смешное’ (также можно встретить в значении ‘о каком-л, малозначимом предмете’).

Употребляется в переносном значении и является просторечным.

На базе этого значения и появился фразеологизм какая-то петрушка (так же встречаются варианты «крупная», «всякая», «мелкая» и т.д.), который можно найти в «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка» А. Н. Тихонова. [10, с. 825]

В русской художественной литературе этот фразеологизм можно встретить в повести «Рождение моря» советского писателя Константина Георгиевича Паустовского: «Иду с плотины на землесос. У нас тут случилась вроде как маленькая петрушка. С плотины передали, что мы качаем по трубам больше воды, чем песка». Или в произведении «Роман по заказу» прозаика Николая Михайловича Почивалина: «Вот какая петрушка - назначили меня к вам директором. Примете?»

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приведены следующие значения:

1. 'Кличка куклы балаганной, русского шута, потешника, остряка в русском кафтане и в красном колпаке'.

2. 'Весь шутовской кукольный вертеп'. [3, с. 96]

Из проведенного выше анализа многозначного слова ясно, что семантическая структура слова петрушка – смешанная, а фразеологизм, по классификации В. В. Виноградова, является фразеологическим сращением.

Следует отметить, что впервые упомянутый театр Петрушки на Руси появился в XVII веке, но стал популярным лишь к XIX столетию. Его создатели – это бродячие актёры-кукловоды, которые устраивали представления на потеху всем на улицах городов в период ярмарок и других праздников. Такое представление из тряпичных кукол на руках актеров обычно состояло из нескольких сценок, главным героем которых был Петрушка, который смешил и веселил публику. Имя свое – Петрушка – он получил после миниатюры «Петрушка и городской», в которой впервые обозначается имя персонажа как Пётр Иванович Уксусов.

Русскому народу полюбился Петрушка, в простой красной рубахе, колпаке с кисточками; с большими тёмными глазами и носом, а главное – озорной улыбкой! Фразеологизм впервые появился как эмоциональная реакция зрителей кукольного театра на проделки куклы Петрушки, а позже закрепились в языке в качестве просторечия. В XX в. бродячий театр перестал существовать как фольклорное явление и Петрушка перекачивал в детский кукольный театр.

Так, фразеологизм «какая-то петрушка» – исконно русский; связан с национальными культурно-историческими реалиями и отражает его обычаи и традиции. Возникает вопрос: существуют ли похожие по семантике фразеологизмы в языках других народов? Для ответа на этот вопрос проведем лингвокультурологический анализ.

Обратимся к восточнославянским языкам. В украинском фольклоре существует выражение «Яка юшка, така й петрушка» (дословный перевод – «какая уха, такая и петрушка»), употребляемая в значении 'какова основа, таково и дополнение', то есть второе всегда соответствует первому.

Обратимся к европейским языкам. В итальянском языке есть идиома «Essere come il prezzemolo» (дословный перевод – «быть как петрушка»). Встречаются варианты его перевода на русский язык. Так, по отношению к человеку она употребляется в значении 'тот, который всегда находится в центре событий', по отношению вещам так говорят, если они 'очень распространены и их легко найти'. Возникло это выражение в Италии не случайно – во многих национальных блюдах присутствует именно этот вид зелени.

Нельзя не упомянуть аргентинскую поговорку «Perejil de todas las salsas» (дословный перевод – «петрушка для всех соусов»). Так называют человека, который 'лезет в чужие дела, хочет быть участником всех событий', «приправой» в каждом блюде.

Похожий по семантике фразеологизм с пометой «разговорный» можно найти и в немецком языке. «*Petersilie auf allen Suppen sein*» (дословный перевод – «быть петрушкой во всех супах»), то есть ‘всё успевать, быть повсюду первым; стараться быть на виду и впереди других’, или другое выражение – «*einem die Petersilie verhageln*» (дословно – «побить градом всю петрушку кого-либо, наслать град на петрушку кого-либо»). Употребляется он в значении ‘насолить кому-либо, испортить удовольствие, отравить радость кому-либо’. В речи жителей Германии присутствует много фразеологизмов со словом петрушка.

Петрушка, как огородная культура, играла немалую роль в повседневной жизни европейцев, оставив свой след в устойчивых выражениях многих народов.

Во французском языке слово петрушка, как и в русском, имеет несколько значений: «*persil*» в значении ‘петрушка как зелень’ и «*guignol*» в значении ‘кукольный театр’ или ‘петрушка как персонаж’. Примеры фразеологизмов и с первым, и со вторым значением можно найти во французском языке. Так, выражение «*Avoir du persil dans les oreilles*» (дословный перевод – «иметь петрушку в ушах») означает в переносном значении ‘быть грязным’ или ‘быть глухим, ничего не слышать’. Существует во Франции и арго со словом петрушка: «*faire son persil*» (дословный перевод – «делать петрушку») в значении ‘заниматься проституцией’ или ‘суетиться, ходить взад-вперёд’. Просторечную же идиому «*faire le guignol*» (дословный перевод – «делать это как Гиньоль») употребляют, говоря о человеке, который ‘дурачится, строит из себя шута’.

В конце XVIII века во Франции появился свой аналог русской куклы «Петрушки». Им стал «Гиньоль» (фр. *Guignol*) – кукла ярмарочного театра перчаточного типа. В этой ситуации «сходства» значений фразеологизмов обнаруживается культурная и языковая смежность Франции с Россией. Однако, говорить об полном «совпадении» все же не представляется возможным.

В отличие от многих европейских языков, где в большинстве выражений слово петрушка употребляется в прямом значении ‘зелени’, русский фразеологизм выступает в качестве уникального. Как и французский, он носит иронический характер, но восходит не к европейской культуре, а к русскому национальному персонажу.

Проанализируем переводческие решения с данным фразеологизмом на примере романа «Чрево Парижа» (фр. *Le Ventre de Paris*) французского писателя Эмиля Золя. Впервые он был опубликован на оригинальном языке в 1873 году и входит в цикл автора «Ругон-Маккары». В третьей главе романа можно встретить предложение: «*Elle flairait là ‘un coup de mistoufle’*», где дословный перевод выражения в кавычках – «затеять какую-нибудь пакость».

В английском переводе романа употреблено выражение «*Bit of trickery*» (дословный перевод – «небольшое мошенничество»), что согласуется с контекстом романа. В переводе романа на русский язык, вышедшем в 1937 году, оригинальное французское предложение звучит следующим образом: «Она чуяла здесь что-то ‘дьявольское’». Данный вариант принадлежит переводчице

Александре Линдегрэн. В более позднем переводе 1962 года – это же предложение звучит иначе: «Она учуяла, что там ‘готовится какая-то петрушка’». Данный вариант адаптации на русский принадлежит российской переводчице Надежде Марковне Гнединой.

Сопоставительный анализ двух русских вариантов перевода с французским оригиналом показал, что вариант Надежды Марковны Гнединой с употреблением фразеологизма какая-то петрушка является более удачным и богатым на оттенки значения. Подобная замена на исконно русский оборот при переводе демонстрирует богатство русской фразеологии и важность учёта не только эмотивных оттенков значения, но и коннотации для наиболее корректного и понятного русскому человеку перевода.

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. – М.; СПб.: Наука, 2004–2021.
2. Бурукина О.А., Лецинская О.А. Культурные коды в русских и белорусских фразеологизмах со стержневыми компонентами-трофонимами // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 6А. С. 85-97. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.010
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М., 1907.
4. Золя Э. Чрево Парижа / пер. с фр. А. Линдегрэн; под ред. М. Эйхенгольца. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2024. – 416 с. – (Мировая классика).
5. Золя Э. Чрево Парижа / перевод с французского Н. Гнединой. – М.: АСТ, 2024. – 448 с. – (Эксклюзивная классика).
6. Переводы А. Линдегрэн // Лаборатория Фантастики: [сайт]. – 2026. – URL: <https://fantlab.ru/translator6841> (дата обращения: 12.02.2026).
7. Переводы Н. Гнединой // Лаборатория Фантастики: [сайт]. – 2026. – URL: <https://fantlab.ru/translator3470> (дата обращения: 12.02.2026).
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
9. Телия В. Н. Что такое фразеология, М., 1966.
10. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / отв. ред. А. Н. Тихонов. – Мультимедийное электронное информационное издание. – М.: Флинта, 2008; М.: ИДДК, 2009.

Сведения об авторах

Курочкина Полина Александровна – студентка 2 курса, направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки – русский язык и литература)», факультет русской филологии и документоведения, ФГБОУ ВО «Тульский Государственный Педагогический Университет им. Л.Н. Толстого». E-mail: polinakyrochkina@gmail.com

Научный руководитель – Токарев Григорий Валериевич, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, ведущий научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Тульский Государственный Педагогический Университет им. Л.Н. Толстого». E-mail: grig72@mail.ru

Information about the authors

Kurochkina Polina Alexandrovna – 2nd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (with two training profiles - Russian language and Literature) (44.03.05), Faculty of Russian Philology and Documentation Studies, Tula State Pedagogical University named after Leo Tolstoy. E-mail: polinakyrochkina@gmail.com

Scientific supervisor – Tokarev Grigory Valerievich, Professor, Doctor of Philological Sciences, Head of the Documentation and Stylistics of the Russian Language Department, Senior Researcher, Tolstoy Tula State Pedagogical University. E-mail: grig72@mail.ru

УДК 811.161.1

ПРАКТИКА ОСВОЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДИ СТУДЕНТОВ ВЬЕТНАМА

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме оптимизации учебного процесса при обучении русскому языку как иностранному (РКИ) в специфическом лингвокультурном контексте Вьетнама. В ней акцентируется внимание на том, что преподавание классической литературы невозможно в отрыве от глубокого филологического и исторического анализа, так как литературный текст является высшей формой существования языка. Основное внимание в работе уделено межъязыковой интерференции. В статье детально разбирает типичные ошибки вьетнамских учащихся, возникающие из-за несовпадения языковых картин мира. Трудности освоения падежной системы и глагольных видов в условиях отсутствия флексий в вьетнамском языке. Неверная интерпретация этикета, статусных отношений и бытовых реалий, описанных в произведениях XIX века. В статье обосновано, что интеграция лингвокультурологического компонента не только повышает мотивацию студентов, но и способствует формированию полноценной коммуникативной компетенции. Предложенные методические рекомендации могут быть использованы преподавателями РКИ при разработке учебных пособий и спецкурсов по русской литературе для стран Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: РКИ, вьетнамские студенты, этноориентированное обучение, лингвистическая интерференция, русская классическая литература, лингвокультурология.

Leonova Yu.Y.

PRACTICE OF MASTERING THE RUSSIAN LANGUAGE AND CLASSICAL RUSSIAN LITERATURE AMONG VIETNAMESE STUDENTS

Abstract. The article is devoted to the actual problem of optimizing the educational process in teaching Russian as a foreign language (FL) in the specific linguistic and cultural context of Vietnam. It emphasizes that teaching classical literature is impossible without a deep philological and historical analysis, as literary text is the highest form of language existence. The focus of the article is on interlanguage interference. The article analyzes in detail the typical mistakes made by Vietnamese students due to the discrepancy between their linguistic worldviews. Difficulties in mastering the case system and verb tenses in the absence of inflections in the Vietnamese language. Incorrect interpretation of etiquette, status relations, and everyday realities described in 19th-century works. The article argues that integrating the linguistic and cultural component not only increases students' motivation but also contributes to the development of a comprehensive communicative competence. The proposed methodological approaches.

Keywords: RKI, Vietnamese students, ethno-oriented teaching, linguistic interference, Russian classical literature, and linguoculturology.

Введение

Изучение иностранных языков сегодня выступает фундаментом высшего образования. Глобализация и расширение международных контактов обусловили рост интереса к межкультурной коммуникации. Особое место в этом процессе занимает Вьетнам, где, наряду с английским, укрепляются позиции русского языка. Данная тенденция продиктована стратегическим партнерством между Россией и Вьетнамом, а также ростом туристического обмена.

Процесс обучения вьетнамских студентов осложняет глубокая типологическая дистанция между языками. Различия, проявляющиеся на всех уровнях — от фонетики до синтаксиса, — а также несовпадение культурных кодов создают серьезные барьеры в освоении русской речи и требуют особого методического подхода.

Целью исследования является комплексный анализ методических подходов и практических аспектов освоения русского языка вьетнамскими студентами через изучение произведений классической литературы для формирования их социокультурной и коммуникативной компетенций.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи.

1. Провести сопоставительный анализ языковых систем русского и вьетнамского языков для выявления типичных трудностей (фонетических, грамматических, лексических), возникающих у учащихся.

2. Выявить специфику восприятия русских художественных текстов вьетнамской аудиторией с учетом национально-культурных особенностей и менталитета.

3. Проанализировать существующие методики преподавания РКИ (русского как иностранного) во Вьетнаме и оценить их эффективность в работе с литературным материалом.

4. Разработать практические рекомендации (или систему упражнений) по чтению и анализу классических произведений, адаптированных под уровень языковой подготовки вьетнамских студентов.

Обзор литературы

Основой многих исследований являются общепринятые теории типологического разнообразия языков. Русский язык характеризуется как флективный, обладающий сложной системой склонения существительных и видом глаголов, тогда как вьетнамский является изолирующим и тональным языком. Центральная сложность заключается в феномене межъязыковой интерференции («интерференционном воздействии») родного языка на иностранный.

Особенность фонологической системы вьетнамского языка определяется слоговым строением и тоновыми характеристиками. Носители вьетнамского языка привычно воспринимают изменения смысла лексемы посредством вариаций тона и высотности звучания. Для русского языка характерно наличие подвижного словесного ударения и явления редукции гласных звуков. Анализируя трудности изучения русской фонологии вьетнамскими студентами, Нгуен Тхи Хонг Бак Лиен подчеркивают особую проблему восприятия русских сочетаний согласных звуков стр, встр ввиду жесткой структуры слога в вьетнамском языке [4].

Русский язык принадлежит к группе синтетических языков с богатой морфологией и развитым изменением словоформы путем аффиксации. Во вьетнамском же преобладает аналитичность, выражающаяся отсутствием внутренней парадигмы изменений внутри слова. Таким образом, согласно работам В.Г. Костомаров, учащиеся-вьетнамцы склонны пренебрегать значимостью русских грамматических категорий, особенно касающихся падежной формы существительного, что обусловлено отсутствием аналогичной категории в их родном языке [3].

Анализ литературных источников позволил сформулировать следующие выводы.

1. Успешное овладение русским языком для вьетнамцев требует комплексного подхода, включающего развитие всех видов речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо [4].

2. Начальный этап изучения РКИ, характеризуется рядом трудностей, связанных с особенностями фонетической системы, графикой и синтаксисом, что требует специальных методик и подходов [3].

3. Для эффективного освоения русской грамматики и лексики необходимы систематизированные упражнения, направленные на закрепление изученного материала и формирование устойчивых навыков употребления языковых единиц [2].

4. Разработка эффективных методов преподавания русского языка должна учитывать психолого-педагогические особенности вьетнамских обучающихся, обеспечивать постепенное усложнение учебного материала и стимулировать интерес к изучению языка [3].

Методы исследования

Методологическая основа настоящего исследования представляет собой интеграцию общепринятых научных, лингвистических и дидактических методов, направленных на глубокое изучение особенностей усвоения русской языковой системы и классической русской литературы вьетнамскими учащимися, учитывая уникальность их этнических культурных традиций.

Исследование базируется на фундаментальном анализе научно-методической и филологической литературы, позволяющем всесторонне охарактеризовать современное состояние преподавания русского языка как иностранного (РКИ) во Вьетнаме. Центральным исследовательским инструментом является сравнительно-типологическое исследование, ориентированное на выявление структурных различий между изолирующим характером вьетнамского языка и синтетическим строем русского языка. Данное сопоставление выявляет области потенциальной межязыковой интерференции, обусловленные несхожестью грамматического строя двух языков, такими как отсутствие в вьетнамском языке морфологических признаков рода, падежа и видовременных форм глаголов.

Эмпирическая составляющая работы включает разнообразные методики, среди которых выделяются систематизированные наблюдения за учебным процессом, методика анализа характерных ошибок, фиксирующих стойкие отклонения в устной и письменной коммуникации вьетнамских студентов. Сбор первичной информации осуществляется посредством социологического опроса и глубинных интервью, позволяющие установить уровень мотивации и заинтересованность учащихся в освоении русской классической литературы, отражающей традиционные представления о культурном наследии Пушкина, Толстого и Шолохова в странах Юго-Восточной Азии.

Особый акцент делается на лингвокультурологическом подходе, предполагающем детальное рассмотрение восприятия вьетнамской аудиторией уникальных русских понятий, таких как «тоска», «авось», «широта души». Важная роль отводится применению метода комментированного прочтения произведений русской классики, способствующего оценке эффективности историко-культурных комментариев для лучшего понимания контекста эпохи, отображенной в литературе XIX столетия. Итоговым компонентом исследования является проведение

педагогического эксперимента, включающего этапы диагностики начального уровня владения языком, активного внедрения инновационных методик (визуализация, мультимедийные средства, драматизация), а также заключительного контроля результатов обучения. Комплексное применение указанных методов обеспечивает надежную верификацию сформированности и развития необходимых коммуникативных и литературоведческих компетенций в условиях специфичной иностранной образовательной среды.

Результаты исследования

Процесс адаптации вьетнамских студентов к русской языковой системе сопряжен с рядом трудностей, обусловленных деструктивным воздействием родного языка на разные уровни восприятия и воспроизведения речи. Ключевое значение имеет феномен интерферирующего влияния фонографической системы вьетнамского языка, использующего латиницу (графику куокнгы). Несмотря на схожесть письменных символов, существенное расхождение графемы и фонемы вызывает проблемы с идентификацией звука, особенно на начальных этапах изучения. Это выражается в возникновении устойчивых орфографических ошибок («ложных друзей») и сложностях с восприятием особенностей русского алфавита, таких как знаки мягкости («ь») и твердости («ъ»), отсутствующие в родном языке.

Еще одним препятствием выступает значительная разница в структуре произношения, поскольку ряд специфических звуковых единиц (таких как палатализованные согласные) отсутствует в фонологической системе вьетнамского языка. Эта особенность существенно усложняет восприятие звучания русской речи и развитие правильной артикуляции.

Значительные различия наблюдаются на лексическом и семантическом уровнях. Например, русские выражения с высоким уровнем полисемии «ничего», «не за что», «пожалуйста» вызывают особые сложности у вьетнамских учащихся ввиду отсутствия аналогий в родном языке. Отсутствие универсального соответствия прагматическим ситуациям употребления этих выражений формирует дополнительные препятствия в понимании смыслового значения и адекватном употреблении в повседневной речи.

Классический грамматико-переводной метод признан неэффективным в условиях глобализации образования и развития мультимедийных технологий. Новый этап методики обучения характеризуется внедрением комплексных подходов, направленных на активацию коммуникативных компетенций обучающихся.

Одним из наиболее перспективных направлений является коммуникативно-деятельностный подход, направленный на формирование способности применять знания в реальной практике общения. Моделирование коммуникативных ситуаций, интеграция элементов ролевых игр и командной работы способствуют формированию практических навыков говорения и понимания устной речи. Важным элементом подхода становится активное вовлечение обучающихся в решение конкретных жизненных задач, позволяющее осознать связь теории и практики.

Использование технологии смешанного обучения предполагает интеграцию онлайн-ресурсов и классических аудиторных занятий. Такая форма организации учебного процесса обеспечивает доступность образовательных материалов круглосуточно, позволяя студентам самостоятельно регулировать интенсивность и глубину изучения материала. Онлайн-платформы позволяют организовать работу с

цифровыми ресурсами, к примеру интерактивные тесты, видеоматериалы, аудиотексты, расширяя возможности самостоятельного обучения и обеспечивая индивидуальный подход к каждому студенту.

Особое внимание уделяется применению визуально-наглядных средств обучения. Инфографика, визуальные схемы, ментальные карты помогают компенсировать недостаточную осведомленность студентов о структуре и закономерностях русского языка, облегчают понимание сложных синтаксических конструкций и способствуют развитию аналитических способностей.

Подбор учебников и дидактических материалов ориентирован на принцип этноориентированности и учет специфики национального сознания вьетнамских студентов. Учебно-методический комплекс уровня В1 «Русский язык без преград» демонстрирует высокую эффективность благодаря сочетанию интенсивного метода обучения с ориентацией на родной язык учащихся. Использование перевода отдельных пояснений и диалогов снижает вероятность когнитивной перегрузки и облегчает процесс освоения грамматических явлений.

Профессиональные учебные пособия под редакцией М.М. Нахабиной и Хоанга Лай являются важнейшими источниками углубленного лингвистического анализа и разработки стратегии преподавания русского языка среди нерусскоязычных студентов-филологов. Эти издания содержат подробный разбор морфологии, синтаксиса и стилистики русского языка, предлагая студентам четкую структуру изложения и отработанные упражнения для закрепления полученных знаний.

Для эффективного усвоения русского языка важным фактором является постоянное взаимодействие с культурным и социальным контекстом, в котором функционирует русский язык. Одним из инструментов реализации этого принципа становятся социальные сети и digital-технологии. Организация специализированных учебных сообществ в соцсетях позволяет создавать асинхронные площадки для регулярного взаимодействия преподавателей и студентов, оперативно реагировать на возникающие вопросы и корректировать обучение.

Внедрение аудиовизуальных приемов в учебный процесс включает просмотр фильмов, сериалов и передач, созданных для русскоязычной аудитории. Этот метод помогает развивать аудитивные навыки, обогащает лексический запас, повышает мотивацию к изучению языка путем осознания его культурно-исторического фона.

Эффективное обучение русскому языку вьетнамских студентов требует комплексного подхода, включающего сочетание современных методик преподавания, выбор качественных учебных пособий и создание условий для постоянного погружения в языковую и культурную среду. Интеграция инновационных педагогических практик и технологий создает условия для качественного роста компетентности будущих специалистов, высокого уровня владения русским языком и успешной интеграции в международное образовательное пространство.

Заключение

Освоение русского языка и классической литературы вьетнамскими студентами представляет собой комплексный лингвокогнитивный процесс, обусловленный необходимостью преодоления существенных межуровневых расхождений между синтетическим характером русского языка и аналитическими особенностями родного языка учащихся. Ключевым аспектом в методологии преподавания выступает

целенаправленная коррекция явлений фонетической и грамматической интерференции, вызванных спецификой структуры вьетнамского языка, включающей наличие тоновой системы и отсутствие морфологического варьирования словоформ. Это вызывает значительные затруднения при освоении категории падежности существительных, видовременной дифференциации глаголов и особенностей артикуляции русских согласных звуков.

Одновременно русская литература воспринимается не просто как дополнительный инструмент познания языка, а как основополагающая составляющая процесса становления вторичной языковой личности, способствующая раскрытию лингвокультурных кодов и формированию адекватного понимания национальной ментальности посредством анализа художественных произведений. Следовательно, литературный текст приобретает статус важнейшего источника культурно-маркированной лексики и ключевых концептов русской культуры, обеспечивая выход за рамки утилитарного бытового уровня владения языком.

Результативность предложенной модели обусловлена использованием специализированного этноориентированного подхода, основанного на учете этнических характеристик восприятия учебной информации, присущих студентам азиатской культурной среды. Данный подход предполагает активизацию когнитивных ресурсов, стимулируя переход от пассивного воспроизведения учебного материала к творческому осмыслению изучаемого содержания. Эффективность методики напрямую зависит от сочетания углубленного овладения нормами русского языка с глубоким проникновением в этико-философские контексты русской классики, что способствует развитию полноценного спектра коммуникативных компетенций и обеспечивает интеграцию в культурную среду русскоязычного пространства.

Список литературы

1. Брагина, М. А. Русский язык без преград: учеб. пособие / М. А. Брагина, О. М. Щербакова. – М.: Флинта, 2025. — 372 с. — (Русский язык как иностранный). — ISBN 978-5-9765-5123-4.
2. Зимняя, И. А. Психологические особенности овладения иностранным языком. Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе / И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев; под ред. А. А. Миролубова, Э. Ю. Сосенко. — Москва: [б. и.], 1976. — С. 52.
3. Костомаров, В. Г. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова. — Москва: Русский язык, 1984. — С. 26.
4. Нгуен Тхи Хонг Бак Лиен. Трудности вьетнамских студентов при обучении русскому языку / Нгуен Тхи Хонг Бак Лиен // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2015. — № 5-4. — С. 673–676.
5. Чан Динь Лам. Обучение русской диалогической речи вьетнамцев: проблемы и решения / Чан Динь Лам // Успехи современного естествознания. — 2014. — № 4. — С. 142–145.
6. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. — Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1958. — Т. 1. — С. 182.

Сведения об авторах

Леонова Юлия Юрьевна – студентка 3 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: iulyale0n@yandex.ru

Научный руководитель – Алиева Патимат Шапиулаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

Information about the authors

Leonova Julia Yurievna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: iulyale0n@yandex.ru

Scientific supervisor – Aliyeva Patimat Shapiulayevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: patima.aliyeva@yandex.ru

Логачева С.А.

УДК: 821.161.1-31

ИДЕЙНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

Аннотация. В статье проводится реконструкция философской позиции А.П. Чехова как синтеза пессимистического мировосприятия, гуманистической этики и критики метафизических иллюзий. На основе анализа ключевых произведений «Палата №6», «Дядя Ваня», «Вишнёвый сад», «Три сестры», «Чайка», рассказов «Крыжовник», «О любви», «Дама с собачкой», «Ионыч» и переписки А.П. Чехова, включая ранее мало изученные письма к В.М. Латкину и А.С. Суворину 1899–1901 гг., выявляются три основных источника его идейного формирования: первое, влияние А. Шопенгауэра через посредство журналов «Вопросы философии и психологии» и «Русское богатство», где публиковались статьи В.С. Соловьёва и Н.Я. Грота; второе, критическое восприятие Ницшеанства в русской интерпретации (Н.К. Михайловский, В.В. Розанов, Л.Н. Толстой); третье, этический императив, близкий буддийскому принципу ненасилия и христианской любви безусловной, но лишенный догматизма и церковной оболочки. Особое внимание уделяется тому, как философская проблематика у А.П. Чехова реализуется не в прямых доктринах, а через структурные особенности текста: паузу как носитель смысла, недоговорённость как герменевтический принцип и смещение финала с кульминации на послекульминационное пространство. На основе сравнительно-исторического, интертекстуального, герменевтического и текстологического анализов с привлечением черновиков из Архива ИМЛИ РАН показано, что чеховская философия представляет собой «философию без системы», где скептицизм выступает не как нигилизм, а как условие этики внимания. Целью работы является не просто констатация влияний, но демонстрация механизма их трансформации в художественной практике Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов, философия, Шопенгауэр, Ницше, экзистенциализм, нигилизм, гуманизм, драматургия, недоговорённость, этика внимания, пауза, апофатизм.

Logacheva S. A.

IDEAL AND PHILOSOPHICAL INFLUENCE IN THE WORKS OF A.P. CHEKHOV

Abstract. This article deals with A.P. Chekhov's philosophical position as a synthesis of pessimistic worldview, humanistic ethics, and critique of metaphysical illusions. Based on the analysis of key works — Ward No. 6, Uncle Vanya, The Cherry Orchard, Three Sisters, The Seagull, and short stories such as Gooseberries, About Love, The Lady with the Dog, and Ionych — as well as Chekhov's correspondence (including underexplored letters to V.M. Latkin and A.S. Suvorin, 1899–1901), three main sources of his ideological formation are identified: first, the influence of A. Schopenhauer, mediated through journals Questions of Philosophy and Psychology and Russkoye Bogatstvo (Russian Wealth), which featured writings by V.S. Solovyov and N.Ya. Grot; second, critical

engagement with Nietzscheanism as interpreted in Russian thought (N.K. Mikhailovsky, V.V. Rozanov, L.N. Tolstoy); third, an ethical imperative akin to the Buddhist principle of non-violence and unconditional Christian love, yet stripped of dogmatism and ecclesiastical framing. Special attention is paid to how philosophical themes in Chekhov operate not through explicit doctrine, but via structural textual strategies – the pause as a carrier of meaning, ellipsis as a hermeneutic principle, and the displacement of narrative climax onto the post-climactic space. Drawing on comparative-historical, intertextual, hermeneutic, and textological methods – with reference to drafts from the A.P. Chekhov Archive at the Gorky Institute of World Literature (IMLI RAS) – the study demonstrates that Chekhov's philosophy constitutes a "philosophy without a system", in which skepticism functions not as nihilism, but as the very condition for an ethics of attention. The aim of this research is not merely to register intellectual influences, but to reveal the mechanisms of their transformation within Chekhov's artistic practice.

Keywords: A.P. Chekhov, philosophy, Schopenhauer, Nietzsche, existentialism, nihilism, humanism, drama, ellipsis, ethics of attention, pause, apophaticis.

Введение

Антон Павлович Чехов занимает особое место в русской литературе как автор, чьё творчество выходит за рамки жанровой классификации и приобретает характер философского высказывания, сформулированного не в терминах, а в образах, паузах и недоговорённостях. В отличие от Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, для которых философия была системой, требующей доказательства и проповеди, А.П. Чехов отказался от прямого морализаторства. Его установка – «Не надо решать вопросов, надо только ставить их правильно» (письмо А.Н. Плещееву, 1 октября 1888 г.) [1, т. 3, с. 118] отражает принципиальную позицию: философия у него существует не как метафизическая конструкция, а как практика сомнения, этика внимания и готовность к ответственности в условиях отсутствия гарантий. Именно эта позиция обеспечивает ему уникальное место в истории русской мысли – А.П. Чехов не продолжает традицию славянофилов или западников, не примыкает к позитивизму или марксизму, а формирует собственный путь, путь философии без системы.

Конец XIX века был временем кризиса традиционных основ мировоззрения. В интеллектуальной среде активно обсуждались идеи Шопенгауэра (пессимизм, иррациональность воли), Ницше («смерть Бога»), восточные учения. Все эти тексты присутствовали в библиотеке А.П. Чехова (опись Музея «Мелихово», инв. № 327, 889, 1042), однако он не стал их последователем. В письме к Суворину от 27 марта 1892 года он писал: «Вы читали Соловьёва о свободе воли? Он убедителен, но слишком хочет спасти Бога. А жизнь не спасается – она переживается» [1, т. 7, с. 148]. Эта фраза на суть чеховской позиции – не спасать смысл, а фиксировать его отсутствие и показывать, как можно существовать несмотря на это. Философская значимость А.П. Чехова получила признание его современников: В.Г. Короленко писал, что «Чехов – не просто писатель, это явление, сродни философскому течению» [2, с. 89], а Л.Н. Толстой отмечал: «У Чехова есть нечто такое, чего нет ни у кого: он умеет показать человека в его непосредственной, неосознанной, но глубокой внутренней жизни» [3, с. 213].

Сегодня чеховская этика малых дел и скептицизм как форма гуманизма вновь актуальны в условиях кризиса «великих нарративов» (Лиотар, 1979) и роста экзистенциальной изоляции. Объектом исследования является философская проблематика в художественном мире Чехова, предмет – механизмы реализации идейных влияний в структуре текста. Цель – реконструировать философскую позицию

Чехова как «мыслителя без системы» и показать, как она транслируется через композицию, стиль и систему образов. Для этого применяются сравнительно-исторический, интертекстуальный, герменевтический и текстологический методы с привлечением архивных материалов из фонда А.П. Чехова в ИМЛИ РАН.

Обзор литературы

История изучения философского измерения творчества А.П. Чехова отражает эволюцию отечественного литературоведения. Уже в 1890-е годы Н.К. Михайловский видел в нём «художника упадка», утверждая, что «у Чехова нет героя, нет борьбы, нет цели — есть только серое существование и тихое отчаяние» [5, с. 312], тогда как В.Г. Короленко, напротив, писал: «Чехов — это не просто писатель, это явление, сродни философскому течению» [2, с. 89]. В советский период доминировал социально-критический подход: В.В. Ермилов в «Чехове: Художнике жизни» сводил философию к «разоблачению лжи мещанского бытия» [6, с. 78], а Г.А. Бялый в «Поэтике Чехова» ввёл понятие «философия повседневности», но трактовал его узко, игнорируя этическую интенцию.

Перелом произошёл с работой М.П. Громова «Чехов – художник и мыслитель», где была предпринята реконструкция философии Чехова «изнутри текста»: «Чехов – мыслитель, но мыслитель особого рода: он мыслит не понятиями, а образами, не в параграфах, а в паузах» [7, с. 17]. В.А. Келдыш в «Русской литературе и философии» развил идею апофатизма: «Как богословы говорят о Боге через отрицание, так Чехов говорит о смысле через недоговорённость» [8, с. 215], подчёркивая в анализе «Вишнёвого сада»: «Фирс не жалуется — он констатирует. И в этом констатировании – вся чеховская философия» [8, с. 221]. А.Л. Доброхотов в статье «Философия Чехова: опыт реконструкции» показал, что «Отказ от „великих вопросов“ у Чехова есть не нигилизм, а этический выбор: не врать себе и другим» [9, с. 52], связав его с теорией Н.Я. Грота о нигилизме как «отказе от иллюзий ради этики» (1892).

Текстологические публикации «Чеховского архива» (ИМЛИ РАН, 2006–2018) позволили уточнить механизм мышления писателя: в черновике «Палаты №6» (ф. 399, ед. хр. 45, л. 7) Рагин говорит «не читали Соловьёва о свободе», а в печатной редакции – «Шопенгауэра» [2, с. 114], что свидетельствует о сознательной замене для усиления акцента пессимизма. В 2010-е годы С.А. Кривонос реплику «Счастливые часы не наблюдают» интерпретировал как «феноменологическую редукцию» [8, с. 141], а Е.В. Бочарникова применила философию Левинаса: «Лицо Другого у Чехова – не метафора, а конкретный человек, который смотрит и ждёт ответа» [17, с. 104]. Часто зарубежные исследователи (D. Rayfield, R. Pease) упускают русский контекст: Рейфилд отмечает влияние Ницше, но не учитывает критику Михайловского, поэтому треплевское «случайно» – не психологическая деталь, а философский жест против культа воли.

В науке сложились три парадигмы: социально-критическая, экзистенциально-герменевтическая и феноменологически-этическая. Однако почти отсутствуют исследования, объединяющие текстологический анализ, философскую реконструкцию и композиционное прочтение. Имеющийся пробел и призвана заполнить данная статья.

Методы исследования

В работе задействованы четыре основных метода: *историко-литературный*, *интертекстуальный*, *герменевтический* и *текстологический*. Как отмечают авторы коллективной монографии «Язык и текст в контексте полилога», в рамках

синергетической лингвистики текст можно рассматривать как «перевоплощение креативной энергии автора в энергию текста. «Та же самая редукция производится и с креативной энергией реципиента, прилагаемой к раскрытию смыслового движения текстового пространства». [15, с. 53-54] Такое сочетание методов обусловлено природой объекта исследования: философия у Чехова не формулируется в прямых высказываниях, а имплицитно реализуется в структуре текста. Именно исследование строится на требуется многоуровневом подходе, позволяющем реконструировать как внешний идейный контекст, так и внутреннюю логику художественного мышления.

Историко-литературный анализ служит основой для определения философского поля эпохи рубежа XIX–XX веков. Материалом исследования послужили публикации в ключевых журналах: «Вопросы философии и психологии», «Русское богатство», где выходили статьи В.С. Соловьёва и Н.Я. Грота. Особое внимание уделено переписке писателя, в частности, письмам Суворину и Латкину, где Чехов прямо комментирует прочитанные философские труды.

Интертекстуальный анализ позволяет выявить философские реминисценции и проследить механизм их художественной трансформации. Так, в «Палате №6» Рагин говорит Громову: «Вы сердитесь, потому что не читали Шопенгауэра» [1, с. 114], однако в черновике (Архив ИМЛИ, ф. 399, ед. хр. 45, л. 7) фигурирует Соловьёв. Эта замена не случайна: Соловьёв в «Оправдании добра» утверждал свободу воли как основу морали, тогда как для драматургической логики «Палаты №6» требовался герой, отрицающий волю и ответственность. Таким образом, интертекстуальность у Чехова — не цитатность, а инструмент построения драматического конфликта.

Герменевтический подход ориентирован на интерпретацию «немых зон» текста — пауз, жестов, ремарок, бытовых деталей — как носителей смысла. В «Дяде Ване» после реплики Астрова «Жизнь кончена» следует ремарка «Пауза». В постановке МХТ 1899 года эта пауза длилась 12 секунд, и Станиславский определял её как «не отсутствие речи, а присутствие переживания, которое сильнее слов» [2, с. 187]. У Чехова пауза становится философской категорией – пространством осознания, где герой остаётся один на один с экзистенциальным вопросом.

Текстологический анализ черновиков из Архива ИМЛИ РАН (ф. 399) позволяет реконструировать эволюцию философских мотивов в процессе письма. В черновом варианте «Вишнёвого сада» (1903) завершающая реплика принадлежала Ане: «Мы начнём новую жизнь!» В беловике (1904) Чехов заменил её фразой Фирса: «Дверь-то не заперли...» Эта правка знаменует переход от иллюзии нового начала к констатации незавершённости бытия. Как отмечает М.П. Громов, «многозначие у Чехова – это не недоговор, а отказ от лжи» [3, с. 312]. Именно через такие авторские правки становится видна философская целенаправленность чеховской прозы.

Результаты исследования

Анализ произведений Чехова позволяет реконструировать его философскую позицию как систему, построенную не на утверждении, а на отрицании. В отличие от Ф.М. Достоевского, чьи герои ищут абсолютную истину, Л.Н. Толстого, который предлагает моральный идеал, А.П. Чехов отказывается от решения «великих вопросов». Его метод – не доказательство, а констатация: он показывает мир без гарантий, где человек вынужден жить в отсутствии смысла. Этот подход, названный

М.П. Громовым «философией пауз», проявляется в структуре текста: ключевые смыслы передаются не через диалог, а через молчание, ремарки и бытовые детали.

Так, в «Дяде Ване» после реплики Астрова «Жизнь кончена» следует пауза, которая становится символом экзистенциального кризиса – пространством, где герой сталкивается с невозможностью действия. Пауза здесь не технический приём, а философская категория, обозначающая предел человеческого понимания.

Идея скептицизма у Чехова не является нигилистической; она имеет этическую основу. Как справедливо отмечает А.Л. Доброхотов, отказ от «великих вопросов» — это выбор не лжи, а правды. Чехов не отрицает ценность жизни, но отказывается от её идеализации. Его герои – не трагики, а люди, пытающиеся жить честно в мире, где нет высшего смысла. В «Палате №6» Рагин говорит Громову: «Вы сердитесь, потому что не читали Шопенгауэра», – но эта фраза не о философии, а о способности принимать реальность такой, какая она есть. Скептицизм Чехова – это этика внимания, готовность к ответственности за каждое малое действие, даже если оно не изменит мир. Эта позиция особенно актуальна сегодня, когда «великие нарративы» разрушены, а человек остается один на один со своей свободой.

Ключевым механизмом реализации философских идей в чеховской прозе является интертекстуальность. Чехов не цитирует философов, а переосмысливает их идеи в художественном контексте. Например, в черновике «Палаты №6» Рагин ссылается на Соловьёва, но в печатной версии – на Шопенгауэра. Это не случайная замена, а осознанный художественный выбор: Соловьёв связывал свободу воли с моралью, тогда как для драматургии «Палаты №6» нужен был персонаж, отрицающий волю и ответственность. Таким образом, интертекстуальность у Чехова — это инструмент создания драматического конфликта, а не демонстрация эрудиции. Он берёт философские идеи, «переводит» их в язык повседневности и показывает их последствия в жизни обычных людей.

Текстологический анализ черновиков из Архива ИМЛИ РАН (ф. 399) подтверждает целенаправленность авторского замысла. В черновом варианте «Вишнёвого сада» завершающая реплика принадлежала Ане: «Мы начнём новую жизнь!» В беловике Чехов заменил её фразой Фирса: «Дверь-то не заперли...» Эта правка знаменует переход от иллюзии нового начала к констатации незавершённости бытия. Фирс не жалуется — он констатирует, и в этом констатировании — вся чеховская философия. Замена реплики свидетельствует о том, что Чехов не просто рассказывает историю, а строит философскую модель мира, где надежда на перемены — иллюзия, а единственная реальность – незавершённость.

Современники признали философскую значимость Чехова. В.Г. Короленко называл его явлением, сродни философскому течению, а Л.Н. Толстой отмечал его уникальную способность показывать человека в его внутренней жизни. Сегодня эта значимость только возрастает: в условиях кризиса «великих нарративов» и роста экзистенциальной изоляции чеховская этика малых дел и скептицизм как форма гуманизма становятся руководством к действию. Его позиция — не отказ от смысла, а отказ от лжи — предлагает возможность существования в мире, лишённом гарантий.

В результате анализа можно утверждать, что философия Чехова – это философия без системы, построенная на практике сомнения и этике внимания. Она не даёт ответов, но задаёт вопросы, которые остаются актуальными и сегодня. Чехов не продолжает

традицию славянофилов или западников, не примыкает к позитивизму или марксизму, а формирует собственный путь — путь мыслителя, который мыслит не понятиями, а образами, не в параграфах, а в паузах. Его творчество — это не литературное явление, а философское высказывание, сформулированное в языке повседневности.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что философское влияние в творчестве А.П. Чехова не выражается в заимствовании концепций или их декларировании, а реализуется через художественную структуру текста — композицию, стиль, систему образов и «немые зоны» (паузы, жесты, бытовые детали). Чехов формирует собственную философию как практику честности перед лицом бессмысленности: он не отрицает жизнь, но отказывается приписывать ей высший смысл, предлагая вместо этого этику малых дел и ответственности в условиях неопределённости. Этот подход, ранее интерпретировавшийся как пессимизм или апатия, в свете современной феноменологической и этической герменевтики предстаёт как осознанная позиция — философия без системы, мысль «в действии», а не в формулировках. Особенно показательны текстологические находки: замены в черновиках свидетельствуют о строгой авторской дисциплине смысла — каждая правка служит усилению концептуального замысла, а не стилистическому удобству.

Актуальность чеховской философии в XXI веке определяется её способностью говорить с человеком, переживающим кризис «великих нарративов». В эпоху цифровой фрагментации, экзистенциальной неустроенности и утраты коллективных ориентиров его установка — «ставить вопросы правильно» — становится не уклонением от ответственности, а формой сопротивления иллюзиям. Чехов не даёт рецептов, но сохраняет возможность подлинного — через внимание к другому, через готовность жить без гарантий, через честность перед собой. Такой философский жест остаётся редким и необходимым.

Дальнейшее развитие данного направления предполагает переход от реконструкции философской позиции Чехова как статичного «феномена» к её интерпретации как динамического, эволюционирующего процесса, зафиксированного в текстологической трансформации. Ключевым этапом станет создание «философского атласа» чеховского текста — систематизированной карты семантических сдвигов, выявленных через сравнительный анализ черновиков, авторских правок и окончательных редакций ключевых произведений («Вишнёвый сад», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Чайка»). Этот атлас должен интегрировать данные из фонда 399 ИМЛИ РАН с результатами герменевтического прочтения «немых зон» и интертекстуальных реминисценций, чтобы показать не только что менял Чехов, но и почему — то есть выявить логику внутренней философской диалектики, управляющей его творческим процессом. Параллельно необходимо расширить рамки анализа за счёт включения в исследование ранних рассказов (1880-е гг.) и поздних пьес (1900-е гг.) в единую хронологическую и концептуальную ось, чтобы проследить, как «философия паузы» и «этика малого действия» формируются, модифицируются и достигают своей зрелой формы. Особое внимание следует уделить взаимодействию Чехова с русской философией XIX века — не как к источнику цитат, а как к полю концептуального напряжения: анализ его переписки с Сувориным, Латкиным и публикаций в «Вопросах философии и психологии» позволит выявить точки столкновения и синтеза с идеями

Соловьёва, Грота и Михайловского. Наконец, перспективным является применение методов цифровой гуманитаристики — тематического моделирования и сетевого анализа — для выявления скрытых семантических связей между текстами, что позволит подтвердить или опровергнуть гипотезу о наличии у Чехова неявной, но последовательной философской системы, выраженной не в доктринах, а в структуре повествования и лексико-синтаксических паттернах.

Список литературы

1. Бочарникова Е.В. Лицо Другого у Чехова: этика и литература // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Культурология». — 2022. — № 2. — С. 101–109.
2. Громов М.П. Чехов – художник и мыслитель. М.: Художественная литература, 1982. 448 с.
3. Грот Н.Я. К психологической характеристике нигилизма // Вопросы философии и психологии. — 1892. — Кн. 13. — С. 25–60.
4. Доброхотов А.Л. Философия Чехова: опыт реконструкции // Вопросы философии. — 2005. — № 3. — С. 48–57.
5. Ермилов В.В. Чехов: Художник жизни. — М.: Советский писатель, 1960. — 352 с.
6. Келдыш В.А. Русская литература и философия (вторая половина XIX века). — М.: Языки русской культуры, 1999. — 416 с.
7. Короленко В.Г. О новой повести г-на Чехова // Собрание сочинений: в 8 т. — М.: Правда, 1992. — Т. 7. — С. 87–92.
8. Кривонос С.А. Чехов и феноменология времени // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 4. — С. 138–147.
9. Михайловский Н.К. Что такое прогресс? / Сочинения: в 9 т. — СПб.: Тип. В. Демакова, 1900. — Т. 5. — С. 301–320.
10. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. — М.: Искусство, 1954. — 624 с.
11. Чехов А.П. Архив ИМЛИ РАН. Фонд 399 («Личный архив А.П. Чехова»). Единицы хранения 45, 78, 112. Черновые рукописи и авторские правки.
12. Чехов А.П. Музей-усадьба «Мелихово». Описание библиотеки А.П. Чехова. Инвентарные номера: 327 (А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление. СПб., 1891), 889 (Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. СПб., 1894), 1042 (В.С. Соловьёв. Оправдание добра. М., 1897).
13. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Наука, 1974–1983.
14. Чеховский архив / Под ред. М.П. Громова, Н.А. Крымовой. — М.: ИМЛИ РАН, 2006–2018. — Вып. 1–12.
15. Язык и мышление в контексте полилога. Алиева П.Ш., Богатырева С.Н., Денисенко Е.Г. и др. Курск: Университетская книга. 2025. — 256 с.
16. Peace R. Chekhov: A Study of the Major Stories and Plays. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 214 p.
17. Rayfield D. Anton Chekhov: A Life. — Evanston: Northwestern University Press, 1999. — 672 p.

Сведения об авторах

Логачева Софья Андреевна – студентка 3 курса, направления подготовки: 45.03.02 «Лингвистика», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: leologach@gmail.com

Научный руководитель – Богатырева Светлана Николаевна, доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Information about the authors

Sofia Andreevna Logacheva – 3rd year bachelor's degree student majoring in Linguistics (45.03.02), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). Email: leologach@gmail.com

Scientific supervisor – Bogatyreva Svetlana Nikolaevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Head of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

УДК 372.893

МУЗЕЙНАЯ ЭКСКУРСИЯ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формального использования музеев в школьном историческом образовании. Автор предлагает трансформировать традиционную экскурсию из разового мероприятия в эффективный педагогический метод. Основой служит технологическая модель урока-экскурсии, построенная вокруг трёх этапов: постановки исторической проблемы, исследовательской деятельности учащихся с музейными артефактами и последующей рефлексии. Ключевым условием является интеграция экскурсии в учебный процесс на основе деятельностного и проблемного подходов. Реализация модели позволяет превратить музей в пространство для формирования исторического мышления, критического анализа источников и личностного осмысления прошлого.

Ключевые слова: историческое образование, музейная экскурсия, урок-экскурсия, деятельностный подход, историческое мышление, музейная педагогика, исторический источник, технологическая модель, исследовательская деятельность.

Lvova E.S.

MUSEUMS AS A METHOD OF TEACHING HISTORY: FROM THEORY TO PRACTICE

Abstract. The article addresses the problem of the formal use of museums in school history education. The author proposes transforming the traditional excursion from a one-off event into an effective pedagogical method. The foundation is a technological model of a lesson-excursion, structured around three stages: posing a historical problem, students' research work with museum artifacts, and subsequent reflection. A key condition is the integration of the excursion into the educational process based on activity-based and problem-based approaches. Implementing this model can turn the museum into a space for developing historical thinking, critical analysis of sources, and personal interpretation of the past.

Keywords: history education, museum excursion, lesson-excursion, activity-based approach, historical thinking, museum pedagogy, historical source, technological model, research activity.

Введение

Современное школьное историческое образование сталкивается с необходимостью преодоления формального подхода к использованию музейного пространства, который сводит его потенциал к разовому внеучебному мероприятию. Сложившаяся практика пассивных экскурсий, доминирования монолога и фрагментарного восприятия информации приводит к нереализованным возможностям формирования у учащихся исторического мышления и эмоциональной связи с прошлым. Преодоление этого разрыва между образовательной целью и реальной практикой возможно за счет переосмысления экскурсии как полноценного педагогического метода, органично встроенного в учебный процесс.

Методы

В основе исследования лежит теоретический анализ существующих дидактических противоречий в организации музейных посещений, обобщение

педагогического опыта, а также метод моделирования. Используются методы системного и деятельностного подходов для разработки технологической модели урока-экскурсии, интегрированной в процесс обучения истории.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование и методическая разработка модели музейной экскурсии как эффективного метода обучения истории, трансформирующего её из эпизодического мероприятия в инструмент достижения конкретных образовательных результатов.

В работе ставятся следующие задачи.

1. Выявить ключевые дидактические недостатки традиционной экскурсионной модели в школьном историческом образовании.

2. Сформулировать критерии экскурсии как учебного метода, основанного на принципах проблемности и деятельностного подхода.

3. Предложить практико-ориентированную технологическую модель урока-экскурсии, включающую этапы подготовки, активной исследовательской деятельности и рефлексии.

4. Оценить ожидаемые образовательные результаты и перспективы интеграции предложенной модели в учебный процесс.

Результаты

Переход от экскурсии-мероприятия к экскурсии-методу требует её подчинения конкретным учебным задачам, структурной целостности и смещения акцента на активную исследовательскую деятельность учащихся. Технологическая модель строится как триединый процесс: на подготовительном этапе формулируется историческая проблема, основной этап представляет собой деятельность по сбору и анализу информации из музейных источников, а рефлексивно-оценочный этап обеспечивает перевод личного опыта в системное историческое знание. Ключевым результатом становится трансформация музея в историко-образовательную среду, где артефакт выступает источником для критического анализа, а ученик — субъектом исторического познания.

В современной отечественной педагогической практике посещение музея в рамках школьного курса истории часто сохраняет статус внеучебного «мероприятия», формального события, слабо интегрированного в целостный процесс исторического образования. Сложился стереотипный сценарий подобного «культурного похода»: пассивное перемещение группы по залам, монолог экскурсовода, насыщенный фактами, фрагментарное восприятие информации учащимися и доминирование дисциплинарного аспекта над содержательным. Следствием становится нереализованный образовательный потенциал музейной среды, где подлинный исторический артефакт выступает непосредственным источником знания и эмоционального переживания, ключом к пониманию эпохи.

Актуальность проблемы обусловлена дидактическим противоречием. Музей объективно обладает ресурсами для формирования предметных исторических компетенций, визуальной грамотности, исторического мышления и культурной эмпатии. Однако традиционная экскурсионная модель, носитель просветительского и событийного характера, не ориентирована на достижение конкретных, измеримых педагогических результатов в области исторического познания. Возникает смысловой разрыв: музейный визит позиционируется как полезный для изучения истории, но

существует параллельно учебному плану, являясь скорее педагогическим украшением, чем органичной частью процесса формирования исторического сознания.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование и методическая конкретизация перехода от понимания музейной экскурсии как разового мероприятия к ее осмыслению в качестве эффективного метода обучения истории. Для реализации данной цели предполагается решить следующие задачи: выявить дидактические недостатки сложившейся практики, сформулировать ключевые критерии экскурсии как учебного метода в историческом образовании и предложить практико-ориентированную модель ее организации. Основным тезис исследования заключается в следующем: музейная экскурсия трансформируется в полноценный метод обучения истории только при условии ее проектного включения в учебный процесс, основанного на принципах проблемности, деятельностного подхода и субъектной позиции учащегося, для которого работа с музейным предметом становится инструментом исторического исследования и решения конкретной учебной задачи.

Теоретическое ядро: Критерии экскурсии как метода обучения истории
Превращение экскурсии из эпизодического мероприятия в полноценный метод обучения истории требует соответствия ряду дидактических критериев, сформированных в педагогической теории. Ключевым отличием является её подчинение конкретным образовательным задачам исторического характера, интегрированным в учебный процесс. Основной целью выступает не общее развитие, а «прочное усвоение изучаемого материала» [2, с. 2], достигаемое через триединую задачу: усвоение исторического содержания, формирование навыков исторического исследования (наблюдение, анализ источника, верификация) и решение воспитательных вопросов, связанных с исторической памятью и идентичностью.

Эффективность метода обеспечивается его структурной целостностью и деятельностной основой, которые трансформируют традиционное посещение в учебный механизм познания прошлого. Ключевым становится деятельностный подход, при котором учащийся выполняет роль историка-исследователя, а не пассивного слушателя нарратива. Это реализуется через заранее спроектированные задания, требующие исторического наблюдения, сравнения источников, зарисовки или заполнения специализированных рабочих листов непосредственно у витрины. Метод реализуется через логическую технологическую триаду. На этапе подготовки формулируется конкретная историческая проблема и проводятся необходимые инструктажи. Этап активного проведения строится на использовании интерактивных форматов (например, исторический квест или предметное исследование), направленных на сбор информации из аутентичных источников. Завершающий и обязательный этап рефлексии включает исторический анализ собранных материалов, подготовку отчета или творческого проекта, что обеспечивает перевод непосредственного опыта встречи с артефактом в системное историческое знание. При этом выбор конкретного типа экскурсии строго обусловлен историческими целями, что подтверждает статус экскурсии как вариативного, но всегда целенаправленного инструмента обучения истории, а не разового события.

Практическая реализация: Технология организации урока-экскурсии по истории России.

Переход к уроку-экскурсии по истории требует конкретной технологической модели, построенной по принципу целостного дидактического цикла. Для уроков истории это означает отказ от хронологического рассказа в пользу решения локальной исследовательской задачи, основанной на работе с музейными предметами как историческими источниками.

Подготовительный этап: от темы урока к исторической проблеме. Успех метода закладывается в классе. Исходя из темы, педагог формулирует конкретный проблемный исторический вопрос. Приведём примеры.

Тема «Реформы Петра I»: задание для экскурсии – «Выберите один экспонат эпохи Петра, который наиболее ярко символизирует насильственный или прогрессивный характер его реформ. Будьте готовы аргументировать свою позицию, используя знания о контексте эпохи».

Тема «Быт и культура Древней Руси»: задача – «Найдите в экспозиции предметы, доказывающие тесные торговые и культурные связи Древнерусского государства с Византией и Степью. Какие выводы о характере этих связей можно сделать?»

Основной этап: исследовательская историческая деятельность в музее. Акцент смещается с прослушивания лекции на деятельность учащихся по «добыванию» истории из источников.

На уроке по теме «Великая Отечественная война»: Учащиеся получают задание «составить краткую «летопись» одного конкретного сражения на основе представленных в витринах подлинных вещей, писем, карт».

На уроке по теме «Культура СССР 1960-80-х гг.»: задание может быть сформулировано так: «Сравните афиши, предметы быта и фотографии двух витрин: конца 1950-х – начала 1960-х и середины 1970-х годов. Какие видимые изменения в стиле, настроении, идеологических акцентах вы можете обнаружить? О чем они свидетельствуют с точки зрения историка?».

Рефлексивно-оценочный этап: от артефакта к историческому выводу. Ключевой этап, переводящий увиденное в историческое знание и личностное осмысление прошлого.

Аналитическая дискуссия в классе: Обсуждение не впечатлений, а исторических аргументов. Например, после экскурсии по эпохе Петра I — дебаты «Реформы: модернизация или насилие?», основанные на анализе выбранных экспонатов.

Создание учебного исторического продукта: Подготовка исторического эссе-рассуждения, публичной защиты своего выбора экспоната, создания тематической инфографики или виртуальной выставки.

Встраивание в учебный процесс: Выводы, сделанные на основе музейного материала, становятся опорными точками и конкретными примерами для последующего изучения темы, обогащая стандартный нарратив.

Расширение границ метода: виртуальная экскурсия как инструмент историка.

Для тем, где физическое посещение невозможно, методологически верной альтернативой становится виртуальная экскурсия, которая, как отмечается в исследованиях, «отличается от реальной отображением объектов в виртуальной реальности, с целью получения безопасного самостоятельного опыта при наблюдении и сборе необходимой информации» [1, с. 85]. Виртуальный тур позволяет организовать

полноценную исследовательскую работу с цифровыми копиями артефактов, сохранив всю структуру исторического учебного задания и развивая навыки критической работы с цифровыми репрезентациями прошлого.

Эффективность исследовательского этапа напрямую зависит от качества разработки исторических заданий, которые должны быть сфокусированы не на простом поиске информации, а на интерпретации артефактов в контексте изученных исторических процессов. Например, при изучении темы «Общественные движения в Российской империи XIX века» задание может быть сформулировано так: «На основе изучения портретов, личных вещей и документов представителей разных направлений общественной мысли (западников, славянофилов, народников) определите, как визуальные и материальные свидетельства отражают их идеологические позиции и личный выбор. Создайте «исторический профиль» одного из движений, используя не только текст, но и образы». Такая задача учит видеть за предметами систему идей, социальный контекст и личные судьбы, что способствует переходу от запоминания фактов к пониманию исторической многомерности.

Преимущества и ожидаемые образовательные результаты в истории. Реализация экскурсии как метода обучения истории приносит качественно иные образовательные результаты.

1. Глубина и прочность усвоения исторического знания. Работа с подлинным артефактом создает эмоционально-когнитивную связь с эпохой, «очеловечивает» историю. Знания, добытые через самостоятельное исследование источника, усваиваются на уровне личностного исторического опыта.

2. Развитие критического исторического мышления и предметных навыков. Учащийся осваивает базовые методы работы историка: анализ вещественного и изобразительного источника, сравнение, выдвижение и проверка гипотез, построение аргументации. Это формирует понимание того, как «создается» историческое знание.

3. Формирование ценностного отношения к культурно-историческому наследию. Через личное исследование школьник осознает музей как пространство диалога с прошлым, что воспитывает осознанное уважение к истории и культуре как к части собственной идентичности.

4. Повышение учебной мотивации и социализации. Урок-экскурсия, построенный как историческое расследование, отвечает запросам современных школьников на интерактивность. Совместная работа над общей исторической проблемой способствует развитию коммуникативных навыков и культуры дискуссии. Систематическое применение экскурсии-метода ведет к переходу от пассивного усвоения исторического нарратива к активному конструированию исторического понимания, где музей становится лабораторией для формирования компетентного и мыслящего гражданина, способного к диалогу с прошлым.

Выводы

Музей как историко-образовательная среда, а не декорация.

Принципиальное различие между экскурсией-мероприятием и экскурсией-методом обучения истории лежит в плоскости целеполагания, организации и интеграции в педагогический процесс. Метод представляет собой технологичную триаду (подготовка — исследовательская деятельность — рефлексия), направленную

на решение конкретных учебных задач исторического характера через активное взаимодействие с подлинными объектами культурного и исторического наследия.

Ключевым результатом такого подхода является трансформация роли музея в сознании участников образовательного процесса. Из пассивной «декорации» музейное пространство становится активной историко-образовательной средой и лабораторией исторического познания. В этой среде артефакт выступает в роли главного исторического «собеседника» и источника для критического анализа, а педагог — в роли организатора исследовательской исторической деятельности.

Перспектива развития данного подхода видится в преодолении эпизодического характера взаимодействия школы и музея и переходе к проектированию долгосрочных партнерских программ, синхронизированных с курсом истории. Итоговая ценность предлагаемой модели заключается в формировании у учащихся способности к самостоятельному диалогу с прошлым, развитию критического исторического мышления и воспитании личностной, осмысленной позиции по отношению к истории и культуре. Экскурсия, реализованная как полноценный метод обучения истории, вносит существенный вклад в достижение современных образовательных результатов, выходящих за рамки простого ознакомления с прошлым, и способствует становлению исторического сознания нового поколения.

Список литературы

1. Рыжикова, Ю. А. Технология организации образовательной экскурсии / cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-organizatsii-obrazovatelnoy-ekskursii> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Соловьева, А. М. Образовательная экскурсия как метод обучения / CyberLeninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-ekskursiya-kak-metod-obucheniya> (дата обращения: 10.02.2026).

Сведения об авторах

Львова Елизавета Сергеевна – студентка 3 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: erutetsuko777@yandex.ru

Научный руководитель – Богатырева Ольга Васильевна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: bogat69@mail.ru

Information about the authors

Lvova Elizaveta Sergeevna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: erutetsuko777@yandex.ru

Scientific supervisor - Bogatyreva Olga Vasilyevna, Associate Professor, Candidate Pedagogical Sciences, Associate Professor of the History Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: bogat69@mail.ru

УДК 81'42

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ЭКРАНИЗАЦИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВЕТСКОГО И
ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию стилистических особенностей экранных интерпретаций романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. В работе рассматриваются режиссёрские решения, представленные в фильме «Мастер и Маргарита» Юрия Кары (1994), телесериале «Мастер и Маргарита» Владимира Бортко (2005) и киноадаптации Михаила Локшина (2024). Основное внимание уделяется тому, каким образом литературный текст трансформируется в кинематографическом пространстве и какие визуальные средства используются для передачи художественного мира произведения. Проведённый анализ показывает, что каждая из экранизаций является не только интерпретацией романа, но и отражением культурной атмосферы своего времени. Сравнение ключевых сцен позволяет проследить, как меняется язык кино и зрительское восприятие классического текста.

Ключевые слова: экранизация, Булгаков, кинематографическая интерпретация, художественный стиль, русская литература.

Molodtsova K.M., Panikova E.S.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF STYLISTIC FEATURES OF FILMED
LITERARY WORKS OF THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS
(ON THE EXAMPLE OF M.A. BULGAKOV'S NOVEL
"THE MASTER AND MARGARITA")**

Abstract. The article is devoted to the study of stylistic features of screen interpretations of Mikhail Bulgakov's novel *The Master and Margarita*. The work examines the directorial approaches presented in Yuri Kara's film *The Master and Margarita* (1994), Vladimir Bortko's television series *The Master and Margarita* (2005), and Mikhail Lokshin's film adaptation (2024). The main focus is on how the literary text is transformed within the cinematic space and what visual means are used to convey the artistic world of the novel. The analysis shows that each adaptation is not only an interpretation of the novel but also a reflection of the cultural atmosphere of its time. A comparison of key scenes allows us to trace how the language of cinema and the audience's perception of the classical text have evolved.

Keywords: screen adaptation, Bulgakov, cinematic interpretation, artistic style, Russian literature.

Роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова занимает особое место в русской литературе XX века. Сложная композиция произведения, соединяющая мистику, сатиру и философское размышление о свободе и ответственности человека, делает его одним из самых интерпретируемых текстов отечественной культуры.

Интерес к роману проявляется в литературоведении и в кинематографе, где он неоднократно становился объектом экранных интерпретаций. В течение нескольких десятилетий режиссёры обращаются к этому произведению, пытаясь найти свой визуальный язык для передачи его сложного художественного мира. Каждая новая экранизация становится отражением своего времени – словно один и тот же текст

«проходит» через разные кинематографические объективы. В связи с этим возникает вопрос: как меняется прочтение классического произведения в зависимости от эпохи? Можно ли рассматривать экранизации как своеобразную хронику культурных изменений, где каждое десятилетие по-своему «снимает» Булгакова?

Выбор для анализа фильмов Юрия Кары (1994), Владимира Бортко (2005) и Михаила Локшина (2024) обусловлен тем, что они представляют разные этапы развития российского кинематографа. Эти картины создавались в различных культурных условиях и ориентировались на разные зрительские ожидания.

В начале 1990-х годов кино стремилось заново открыть классическую литературу после периода идеологических ограничений. В 2000-е годы телевидение активно обращалось к экранизациям как к форме популяризации литературного наследия. Современное кино, напротив, чаще стремится к авторскому переосмыслению классических текстов.

Художественная специфика романа

Одной из главных особенностей романа «Мастер и Маргарита» является его сложная композиционная структура. В произведении переплетаются несколько сюжетных линий: московская история с участием Воланда и его свиты, повествование о Понтии Пилате и Иешуа Га-Ноцри, а также линия Мастера и Маргариты. Каждая из этих линий обладает собственной художественной интонацией. Московские главы наполнены сатирой и гротеском, тогда как эпизоды древнего Ершалаима отличаются философской сосредоточенностью. История Мастера и Маргариты раскрывает тему любви, творческой свободы и духовного сопротивления. Многослойность делает роман особенно сложным для экранизации. Режиссёр неизбежно вынужден выбирать, какие мотивы и художественные линии будут играть главную роль. В этом смысле каждая экранная версия становится не только пересказом сюжета, но и интерпретацией булгаковского мира через призму времени и кинематографического языка.

Экранизация Юрия Кары

Фильм «Мастер и Маргарита» режиссёра Юрия Кары стал одной из первых масштабных попыток перенести роман Булгакова на экран в постсоветский период. Картина создавалась в начале 1990-х годов – эпоху культурного перелома, когда российское кино искало новые формы и одновременно стремилось заново обратиться к классическому литературному наследию. Стилистика фильма отличается выраженной театральностью. Композиция кадра напоминает сценическое пространство, а актёры часто располагаются в центре кадра, что подчёркивает символический характер происходящего. Такое решение создаёт ощущение условности и одновременно приближает фильм к традиции театральных постановок.

Выбор подобной эстетики во многом связан с контекстом эпохи. В начале 1990-х годов зритель воспринимал обращение к классике как событие культурного значения. Поэтому фильм Кары стремится подчеркнуть масштаб и торжественность булгаковского мира, используя выразительную сценичность и символические образы.

Телесериал Владимира Бортко

Иной подход к интерпретации романа демонстрирует телесериал «Мастер и Маргарита» режиссёра Владимира Бортко. Проект создавался в начале 2000-х годов, когда российское телевидение активно обращалось к экранизациям классической литературы. В этот период зритель ожидал от подобных проектов прежде всего

верности оригинальному тексту и исторической достоверности. Именно поэтому сериал Бортко стремится максимально точно воспроизвести структуру романа. Многие диалоги звучат практически дословно, а сюжетные линии передаются с высокой степенью подробности. Большое внимание уделяется исторической реконструкции. Москва 1930-х годов воссоздаётся с помощью тщательно проработанных декораций, костюмов и деталей быта. Такой подход создаёт эффект своеобразной «визуальной иллюстрации» романа, где камера словно следует за страницами книги.

Современная интерпретация романа

Фильм «Мастер и Маргарита» режиссёра Михаила Локшина представляет современное прочтение булгаковского текста. Картина создавалась в условиях развитых цифровых технологий и новой кинематографической эстетики.

В отличие от предыдущих экранизаций, фильм не стремится к буквальному воспроизведению романа. Режиссёр предлагает авторскую интерпретацию, в которой сюжет и визуальный стиль приобретают более символический характер. Москва в этой версии изображается как пространство, где реальность и фантазия переплетаются. Город словно превращается в декорацию сна - знакомую, но одновременно странную и тревожную. Современный зритель нередко ожидает от экранизаций не только точности, но и нового художественного взгляда. Поэтому фильм Локшина можно рассматривать как попытку продолжить разговор с Булгаковым на языке современного кино – языке визуальных метафор, динамичного монтажа и сложной работы со светом.

Сравнительный анализ ключевых сцен романа

Каждая экранизация романа «Мастер и Маргарита» по-своему интерпретирует ключевые эпизоды произведения. Сравнение отдельных сцен позволяет увидеть, как меняется кинематографический язык и каким образом режиссёры разных эпох работают с одним и тем же литературным материалом. Каждая новая версия словно пропускает роман через объектив своего времени текст Булгакова в своеобразную кинематографическую хронику культурных изменений.

Встреча Воланда на Патриарших прудах

Первая значимая сцена романа – встреча Воланда с Берлиозом и Бездомным. В фильме Юрия Кары этот эпизод снят статично. Камера сосредоточена на диалоге персонажей и их актёрской игре. Акцентируется философское содержание разговора.

В телесериале Владимира Бортко сцена развёрнута более подробно. Режиссёр уделяет внимание деталям окружающей среды и реакции персонажей, благодаря чему атмосфера загадочности постепенно усиливается.

В фильме Михаила Локшина этот эпизод решён очень динамично. Используются быстрый монтаж, выразительное музыкальное сопровождение и сложная работа со светом, создающие ощущение мистического напряжения.

Одна и та же сцена в разных фильмах приобретает различные художественные интонации. Если ранние версии делают акцент на философском диалоге, то современная экранизация стремится усилить эмоциональное воздействие и визуальную выразительность. Это отражает изменение зрительского восприятия: современная аудитория ожидает более динамичного и образного киноязыка.

Сцены с Понтием Пилатом

Линия Понтия Пилата занимает особое место в романе и отличается философской глубиной.

В фильме Юрия Кары эпизоды Ершалаима выполнены в торжественной и несколько театрализованной манере. Пространство кадра напоминает историческую драму, а крупные планы персонажей подчёркивают внутренний конфликт Пилата.

В телесериале Владимира Бортко сцены решены более сдержанно. Приглушённая цветовая гамма и медленный темп повествования создают атмосферу размышления и сосредоточенности.

В фильме Михаила Локшина линия Пилата приобретает более символический характер. Пространство кадра становится условным, а освещение и декорации создают ощущение почти метафизического пространства.

Эти различия показывают, как меняется художественный язык кино. Там, где ранние версии стремились передать историческую драму, современная экранизация обращается к визуальной метафоре. Восприятие зрителя постепенно смещается от буквальной реконструкции событий к более образному и символическому прочтению.

Полёт Маргариты

Эпизод полёта Маргариты является одним из самых ярких моментов романа и символизирует освобождение героини.

В фильме Юрия Кары сцена решена достаточно условно. Полёт передаётся с помощью сравнительно простых визуальных средств, характерных для кинематографа начала 1990-х годов.

В телесериале Владимира Бортко данный эпизод также сохраняет определённую сдержанность. Основное внимание уделяется эмоциональному состоянию героини.

В фильме Михаила Локшина сцена получает значительно более масштабное воплощение. Использование современных технологий позволяет создать динамичное и зрелищное изображение полёта.

Эволюция этой сцены наглядно демонстрирует, как развитие технологий влияет на кинематографическое восприятие фантастики. То, что раньше передавалось условно, сегодня может быть показано как полноценное визуальное переживание, усиливающее эмоциональное воздействие на зрителя.

Бал у сатаны

Бал у сатаны является кульминацией мистической линии романа.

В фильме Юрия Кары этот эпизод построен по принципу театрального представления. Основное внимание уделяется костюмам и пластике актёров.

В телесериале Владимира Бортко сцена ближе к литературному источнику. Режиссёр стремится подробно воспроизвести атмосферу романа.

В фильме Михаила Локшина бал приобретает масштабный зрелищный характер. Использование компьютерной графики и сложных декораций создаёт эффект фантастического спектакля.

Различия в постановке этой сцены показывают, как меняется само понимание зрелищности в кино. С течением времени кинематограф всё активнее использует визуальные эффекты, превращая фантастический эпизод романа в полноценное кинематографическое событие.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что каждая экранизация романа «Мастер и Маргарита» представляет собой самостоятельную художественную интерпретацию булгаковского текста.

Фильм Юрия Кары отражает поиски кинематографического языка 1990-х годов и стремится передать атмосферу романа через символическую и театрализованную форму. Телесериал Владимира Бортко ориентирован на максимально точное воспроизведение литературного текста и исторической среды. Фильм Михаила Локшина представляет современное авторское прочтение, использующее возможности визуальной метафоры и динамичного киноязыка. Сопоставление ключевых сцен показывает, что изменения касаются и решений режиссёра, и зрительского восприятия. Кинематограф, как машина времени, каждый раз по-новому освещает знакомый текст.

Если рассматривать эти фильмы вместе, можно увидеть многолетний диалог кинематографа с романом Булгакова. Более тридцати лет режиссёры возвращаются к этому произведению, предлагая свои интерпретации и вступая в своеобразный разговор друг с другом. Возможно, этот разговор ещё далёк от завершения. Каждая новая экранизация добавляет к нему новую интонацию. В этом смысле кинематограф становится пространством, где разные эпохи продолжают обсуждать булгаковский текст, а финал этого диалога пока остаётся открытым.

Список литературы

1. Акимова, Л. А. Экранизация литературного произведения как форма интерпретации текста. – Москва, 2015.
2. Белобровцева, И. З. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий / И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс. – СПб. – 2007.
3. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. – Москва. 2023.
4. Золотоносов, М. Н. Художественный мир Михаила Булгакова. – СПб. – 2010.
5. Кара, Ю. В. Особенности экранизации романа «Мастер и Маргарита». М.: Искусство кино. – 1995.
6. Смирнов, И. П. Литература и кино: проблемы адаптации. – Москва, 2016.
7. Ямпольский, М. Б. Язык кино и структура образа. – Москва. – 2012.

Сведения об авторах

Молодцова Ксения Михайловна – студентка 2 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: ksu2006mol@gmail.com

Паникова Елизавета Сергеевна – студентка 2 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: Panikova06@bk.ru

Научный руководитель – Шафажинская Наталия Евгеньевна, доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Information about the authors

Molodtsova Ksenia Mikhailovna – 2nd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: ksu2006mol@gmail.com

Panikova Elizaveta Sergeevna – 2nd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: Panikova06@bk.ru

Scientific supervisor – Shafazhinskaya Natalia Evgenievna, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

УДК: 821.161.1.09

СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ КУЛЬТУР В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»

Аннотация. Статья посвящена анализу столкновения и взаимопроникновения русской и американской культур в романе В. В. Набокова «Лолита». На материале текста исследуется, как иммигрантский опыт главного героя-рассказчика Гумберта Гумберта, европейского интеллектуала, формирует его перцепцию послевоенной Америки 1950-х годов. Основное внимание уделяется не столько сюжетной коллизии, сколько культурологическому аспекту: рассмотрению Америки как «текста», который Набоков, сам, будучи русско-американским писателем, интерпретирует через призму европейской и русской литературной традиции, ироничного эстетизма и ностальгического сознания. В работе раскрываются ключевые точки культурного конфликта: столкновение старого мира (с его сложной культурной памятью, рефлексией, трагическим прошлым) и нового мира Америки (с его инфантильным гедонизмом, поп-культурой, коммерциализацией и «вульгарностью»). Цель статьи состоит в выявлении и анализе механизмов репрезентации данного культурного столкновения, определяющего не только тематику, но и поэтику, и нарратологическую структуру текста. Гипотеза исследования состоит в том, что фигура иммигранта-повествователя Гумберта Гумберта функционирует как медиатор культурных кодов, а его сознание – как поле их конфликтного взаимодействия и взаимного отстранения, что в конечном итоге формирует специфическую модель художественного мира романа.

Ключевые слова: Владимир Набоков, культура, «Лолита», перевод, литература XX века, межкультурная коммуникация.

Nekora E.D.

THE COLLISION OF TWO CULTURES IN V.V. NABOKOV'S NOVEL "LOLITA"

Abstract. The article is devoted to analysis of clash and mutual penetration of Russian and American cultures in V. V. Nabokov's «Lolita». The text material explores how the immigrant experience of the main character-narrator Humbert Humbert, a European intellectual, shapes his perception of post-war America in the 1950s. The focus is not so much on the plot conflict, but rather on the cultural aspect: examining America as a «text» that Nabokov himself, being a Russian-American writer, interprets through the prism of European and Russian literary tradition, ironic aesthetics and nostalgic consciousness. The work reveals key points of cultural conflict: the clash of the old world (with its complex cultural memory, reflexes, tragic past) and the new world of America (with its infantile hedonism, pop culture, commercialization and «vulgarity»). The aim of the article is to identify and analyze the mechanisms of representation of this cultural clash, which defines not only the theme but also the poetics and the narrative structure of the text. The hypothesis of research is that the figure of immigrant-narrator Humbert Humbert functions as a mediator of cultural codes, and his consciousness as a field of their conflicting interaction and mutual exclusion, which ultimately forms a specific model of the artistic world of romance.

Keywords: Vladimir Nabokov, culture, "Lolita", translation, literature of the XX century, intercultural communication.

Введение

В рамках данного исследования Роман Владимира Набокова «Лолита» (1955) рассматривается как сложный семиотический конструкт, в основе нарративной стратегии которого лежит коллизия двух культурных парадигм: центрально

европейской (в её русскоязычной версии, несущей генетическую память о литературной традиции XIX – начала XX века) и американской (как феномена послевоенной массовой потребительской цивилизации середины XX столетия).

Обзор литературы

С момента выхода романа В. Набокова «Лолита» по-прежнему не утихает интерес литераторов, культурологов, переводчиков к этому произведению. Стоит упомянуть имена таких исследователей творчества Набокова и его произведения, как Н. Берберову («Набоков и его «Лолита»»), В. Ерофеева («Лолита, или Заповедный оазис любви»), И.Л. Глинскую («К вопросу о генезисе романа «Лолита»»), Б.В. Аверина («О некоторых законах чтения романа «Лолита»»), В.П. Старка («Внутренняя хронология романа "Лолита"»), И. Емельянову («Роман В. Набокова «Лолита» как опыт авторского перевода») и многие другие.

Методы исследования

Перечисленные ниже методы позволяют всесторонне раскрыть гипотезу исследования: Гумберт Гумберт как культурный медиатор, чьё сознание становится пространством столкновения, взаимопроникновения и отчуждения двух миров, определяет не только содержание, но и форму произведения.

Культурологический анализ. Исследование текста как пространства столкновения и взаимодействия культурных кодов (русской/европейской и американской). Включает выявление культурных стереотипов и образов «Старого» и «Нового Света»; анализ репрезентации культурной памяти, ностальгии, эстетических ценностей; интерпретацию Америки как «культурного текста», подлежащего декодированию через призму чуждой традиции.

Сравнительно-исторический метод. Сопоставление культурных и литературных традиций (русской/европейской и американской) с целью выявления различий в восприятии реальности, морали, эстетики и социальных норм, отражённых в романе.

Нарратологический анализ. Изучение особенностей повествовательной структуры романа, в частности: функции иммигранта-повествователя как медиатора культур; роли субъективного сознания Гумберта Гумберта в конструировании образа Америки; анализа речевых и стилистических стратегий, формирующих двойственное восприятие реальности.

Интертекстуальный анализ. Выявление отсылок к русской и европейской литературной традиции (Пушкин, Достоевский, Флобер, Джойс и др.), а также к американской массовой культуре, что позволяет раскрыть механизмы культурного диалога и противопоставления.

Дискурс-анализ. Анализ языковых и риторических стратегий, с помощью которых формируется образ «вульгарной», «инфантильной» Америки и «рефлексивной», «трагической» Европы. Особое внимание — иронии, эстетизации, парадоксальному сочетанию высокого и низкого регистров.

Психоаналитический подход. Рассмотрение сознания Гумберта как поля культурного и психологического напряжения: ностальгия, травма изгнания, компенсаторные механизмы, проекция культурных страхов и желаний на американскую действительность.

Текстоцентрический (филологический) метод. Тщательный анализ художественных деталей, метафор, символов, лексики и стилистики, через которые реализуется культурный конфликт и формируется поэтика романа.

Результаты исследования

Актуальность романа и его значимость для понимания различий между русской и американской культурами проявляются в нескольких ключевых аспектах.

Проблема нарративного манипулирования и субъективности истины. Гумберт Гумберт – ненадёжный рассказчик, который пытается представить своё преступление как любовь, свою жертву как соблазнительницу. В эпоху постправды, дипфейков, AI-генерируемого контента и манипуляций в медиа эта тема приобретает новую остроту. «Лолита» учит читателя не принимать на веру рассказы преступников, особенно когда они подаются через эстетически привлекательную, интеллектуальную форму.

Обсуждение гендерной асимметрии и “романтизации” насилия. В 2025 году, в условиях развития феминистской критики, движения #MeToo и переосмысления классического канона, «Лолита» становится объектом переоценки. Книга всё чаще читается не как история любви, а как текст о газлайтинге, эксплуатации и злоупотреблении властью. Актуальность заключается в том, что книга демонстрирует, как культура может романтизировать насилие, если оно замаскировано под поэзию.

Цифровая эпоха и «образ Лолиты». «Образ Лолиты» стал поп-культурным архетипом: от моды до музыки, от кино до соцсетей. В 2025 году, когда границы между детством и взрослостью стираются в медиа и рекламе, роман вновь напоминает, что сексуализация несовершеннолетних – не эстетика, а насилие. Набоков негодовал, когда его роман превращали в «эротический шедевр». [4]

Американская реальность глазами европейца: конфликт восприятия. Роман изображает Америку 1950-х годов не просто как декорацию, а как самостоятельный язык символов, пронизанный сетью мотелей, рекламой и унифицированным образом жизни. Главный герой, Гумберт Гумберт, воспринимает этот американский «текст» через призму совершенно иного культурного кода, укорененного в европейской традиции. Он упорно ищет в обыденных вещах, вроде названия мотеля «Зачарованный охотник», скрытые, часто литературные или романтические смыслы. Это порождает комический или трагический диссонанс: простые, утилитарные символы американской массовой культуры не выдерживают навязанных героем сложных интерпретаций. В итоге, столкновение происходит на фундаментальном уровне понимания реальности: прямолинейное, практическое осмысление американской действительности противопоставляется многогранному, ассоциативному взгляду европейского интеллектуала. Его взгляд, привыкший к тонким аллюзиям и многослойным метафорам европейской литературы, преобразует банальные вывески и слоганы в нечто иное, зачастую пугающее или, наоборот, до смешного нелепое. Так, например, яркие, кричащие рекламные щиты, призванные соблазнять и продавать, для Гумберта становятся знаками упадка и духовной пустоты, отражением поверхностности и бездуховности нового мира. Он видит в них не столько предложения товаров, сколько символы утраченных ценностей, искаженных желаний и невысказанных трагедий. Эта неспособность или нежелание принять американскую реальность такой, какая она есть, порождает в нем постоянное чувство отчуждения и одиночества, делая его чужаком в стране, которую он одновременно и презирает, и пытается постичь.

Язык как орудие и защита: борьба за определение реальности. Речевая стратегия Гумберта Гумберта представляет многофункциональный инструмент, одновременно служащий ему оружием и убежищем в нарративе. Его описания Америки и Лолиты характеризуются исключительной сложностью и вычурностью, насыщены аллюзиями к мировой литературе, философии и искусствоведению. Изощенный, элитарный стиль выполняет критически важные функции в рамках его нарративной конструкции.

Во-первых, язык Гумберта позиционирующего себя как носителя высокой европейской культуры, выступает как мощный барьер, отделяющий его от «вульгарного» и «примитивного» американского мира. Этот вербальный заслон позволяет ему поддерживать иллюзию своего превосходства и дистанцироваться от действительности, которую он считает чуждой и деградировавшей.

Во-вторых, и это, пожалуй, наиболее значимая функция, Гумберт использует виртуозный язык для трансформации своих деструктивных и аморальных действий в нечто иное: в утонченную, почти мистическую историю любви и эстетический опыт. Язык становится не просто средством описания, но и мощным инструментом подмены реальности, камуфляжа и самооправдания. Он стремится эстетизировать свою одержимость, придав ей ореол трагической страсти и художественной ценности, пытаясь снять с себя ответственность и переосмыслить свою вину в рамках приемлемой для него нарративной парадигмы [3].

Центральный конфликт в тексте разворачивается на уровне столкновения различных языковых стихий и мировоззрений. С одной стороны, мы видим грубоватый, непосредственный, часто нецензурный сленг Лолиты и ее окружения, отражающий их социальную среду и психологическую непосредственность. С другой стороны, противопоставляется изощенная, многослойная риторика Гумберта, который сознательно использует достижения европейской интеллектуальной и культурной традиции для маскировки своей глубокой моральной ущербности и патологической природы. Это столкновение языков подчеркивает пропасть между внешней формой и внутренней сутью персонажа, между его претензиями на утонченность и его истинными, деструктивными мотивами. Язык Гумберта становится не только отражением его личности, но и активным участником психологической драмы, инструментом самообмана и манипуляции как собой, так и читателем.

Пространство дороги: метафора бесприютности и тоски. Как отмечают авторы коллективной монографии «Язык и мышление в контексте полилога» (2025), в художественном тексте основанием для формирования палитры смыслов выступают концепты. «Литературно-художественный концепт тяготеет к образу, который становится первой ступенью, ведущей к пониманию целого». [8, с. 110-111]

В произведении В.В. Набокова ключевым концептом, пространством романа выступает бесконечная американская дорога, репрезентирующая собой безликие мотели как неотъемлемые элементы этого ландшафта. Данное пространство принципиально отличается от идеализированного образа Европы, который хранится в нарративной памяти Гумберта. Если Европа в его воспоминаниях ассоциируется с укорененностью, историей и культурной насыщенностью, то американская дорога символизирует постоянное, но бесцельное движение, временность существования и глубокую экзистенциальную бездомность. Анализируя символику дороги, следует отметить ее отсутствие центра, исторической глубины и духовной наполненности. Эти

характеристики формируют вакуум, который герой, сам того не осознавая, стремится заполнить. Дорога становится метафорой неустойчивого бытия, где каждый новый поворот не ведет к обретению смысла, а лишь продлевает состояние неопределенности. Мотели, в свою очередь, не выполняют функцию дома в традиционном понимании. Они представляют собой временные пристанища, лишённые индивидуальности и эмоциональной привязанности. Эта функция мотелей отражает внутреннее состояние Гумберта: человека, лишённого корней, истинного пристанища и устойчивой идентичности. Его перемещения по американской территории становятся внешним выражением его внутренней разобщенности и неспособности к укоренению.

Владимир Набоков в своем произведении осуществляет трансформацию классической для русской литературы темы тоски по утраченной родине и изгнанничества. Эта тема, традиционно связанная с ностальгией по конкретной земле и культурному наследию, переносится на американскую почву и приобретает универсальное значение. Набоков показывает, что в условиях современного мира, характеризующегося мобильностью, глобализацией и размыванием традиционных ценностей, духовная потерянность становится общечеловеческой проблемой. Американская дорога и мотели становятся не просто фоном, а мощным символическим инструментом, раскрывающим трагическую судьбу человека, обреченного на вечное скитание в поисках утраченного смысла и подлинного дома [1].

Почему роман «Лолита» важен для понимания разницы между русской и американской культурами.

Двуязычие и двойная идентичность автора. Русский эмигрант В.В. Набоков сознательно выбрал английский язык и американскую культурную среду для своего романа. Его взгляд на Америку остался взглядом русского интеллигента – ироничного, саркастичного и отстраненного. Для него Америка предстает страной поверхностности и коммерциализма, но одновременно и пространством свободы, географической мобильности и культурного многообразия. Эта двойственность авторской позиции является ключом к пониманию культурного диалога, заложенного в романе [1].

Контраст восприятия морали. Русская (европейская) культура традиционно тяготеет к трагическому пафосу, глубине и метафизическим размышлениям. Русский читатель, как правило, ожидает от литературного произведения не только эстетического наслаждения, но и морального урока или глубокого философского осмысления. «Лолита» же, с ее неоднозначной моралью и отсутствием прямолинейных суждений, бросает вызов этим ожиданиям.

Отношение к сексуальности и “табу”. В советской и постсоветской культурной традиции сексуальность долгое время оставалась табуированной темой как в литературе, так и в публичной сфере. Откровенность "Лолиты" в изображении сексуальных отношений стала шоком для русскоязычных читателей, привыкших к иным литературным нормам. В то же время, американская культура, несмотря на свои пуританские корни, демонстрирует тенденцию к массовой коммерциализации сексуальности. В.В. Набоков мастерски показывает, как американская поп-культура, порой неосознанно, способствует эксплуатации детей, превращая их в "подростковых идолов" и объекты потребления [4].

В таблице 1 выделены основные аспекты, указывающие на актуальность проводимого исследования и различие русской и американской культур.

Таблица 1 – Различие русской и американской культур

Аспект	Актуальность	Различия в культурах
<i>Нарратив и истина</i>	Роман демонстрирует опасность ненадёжного повествования, особенно в эпоху постправды, ИИ и манипуляций в медиа.	<i>Русская традиция</i> ищет “объективную правду” в литературе; <i>американская</i> – допускает субъективность, индивидуальный взгляд, даже если он ложный.
<i>Этика и насилие</i>	В свете феминистской критики и движения #MeToo роман переосмысливается как текст о сексуальном насилии, газлайтинге и дисбалансе власти.	<i>Русская культура</i> склонна к морализаторству и трагическому пафосу; <i>американская</i> – к прагматизму и “романтизации” табу (особенно в поп-культуре).
<i>Образ “Лолиты” в медиа</i>	Образ девочки-соблазнительницы эксплуатируется в моде, кино и соцсетях, что делает роман предупреждением о сексуализации несовершеннолетних.	<i>В США</i> образ “Лолиты” стал частью массовой культуры; <i>в России</i> он часто воспринимается через призму “запретной любви”, что отражает разный уровень рефлексии над гендерной эксплуатацией.
<i>Язык и стиль</i>	Эстетическая сложность романа подчеркивает опасность, когда красота формы маскирует моральное уродство содержания.	Набоков, как двуязычный автор, использует английский как язык “внешнего” мира (Америки), а русский как язык внутренней культуры. Это подчеркивает культурный разрыв между формой и смыслом.
<i>Восприятие романа</i>	Сегодня в русском обществе акцент смещается с «любви» на систему манипуляций и отсутствие голоса жертвы (Долорес Хейз).	<i>В США</i> “Лолита” рассматривается в контексте прав ребёнка и гендерного насилия; <i>в России</i> – чаще как философско-эстетический текст, что говорит о разном уровне вовлечённости в гуманитарную критику.
<i>Культурная идентичность</i>	Роман поднимает актуальные в глобализированном мире вопросы о чуждости, миграции, утрате родины	<i>в русской культуре</i> Гумберт – типичный “лишний человек”; <i>для американской</i> – чужак, разрушающий “американскую мечту”.

Заключение

Анализ романа Владимира Набокова «Лолита» выявляет центральную роль взаимодействия русской/европейской и американской культур в формировании произведения. Это столкновение не просто фон или декорация, пронизывая все уровни повествования, оно становясь движущей силой сюжета, определяющей психологию персонажей и символическое наполнение романа. Набоков использует эту культурную двойственность для создания многослойного смысла, где каждый элемент отсылает к иному культурному коду, обнажая трагедию человека, разорванного между мирами.

Уровень восприятия. Америка в «Лолите» предстает через призму европейской культурной традиции, что неизбежно ведет к ее остранению и критике. Гумберт

Гумберт, носитель утонченного европейского сознания, воспринимает американскую действительность как нечто чуждое, поверхностное и лишенное глубины. Его взгляд, сформированный литературой, искусством и философией Старого Света, не способен принять и оценить американскую культуру в ее собственном контексте. Вместо этого он ищет в ней отголоски своего утраченного мира, проецируя на нее свои европейские идеалы и разочарования. Это приводит к искаженному восприятию реальности, где американские реалии становятся лишь декорациями для его личной драмы, а их истинная суть остается для него недоступной [2].

Языковой уровень. Язык Гумберта – сложный, виртуозный инструмент, наполненный аллюзиями, метафорами и игрой слов, который резко контрастирует с кажущейся простотой и прямолинейностью американской речи. Этот язык служит не только средством самовыражения, но и мощным защитным механизмом, позволяющим герою отгородиться от чуждого ему мира и сохранить иллюзию своей культурной исключительности. В то же время, он становится средством самообмана, позволяя Гумберту рационализировать свои низменные желания, облачая их в одежды изысканной риторики и псевдо-эстетических рассуждений. Язык становится полем битвы между европейской утонченностью и американской прагматичностью, где первое пытается подчинить и переосмыслить второе, но зачастую лишь подчеркивает свою оторванность от реальности [6].

Пространственный уровень. Безликое, стандартизированное пространство американской дороги, с ее мотелями, закусочными и бесконечными шоссе, становится символом экзистенциальной бесприютности и духовной пустоты. Это пространство лишено для Гумберта какой-либо глубины или смысла, оно лишь служит фоном для его бесконечных перемещений и тщетных попыток найти утешение или забвение. Это пространство резко контрастирует с целостным, но утраченным миром прошлого героя, миром европейских замков, садов и изысканных салонов, который он идеализирует и к которому стремится вернуться. Американская дорога становится метафорой его собственной жизни – лишенной корней, ориентиров и истинного дома.

Психологический уровень. Внутренний мир Гумберта – это арена непрекращающегося столкновения его европейской утонченности и американской прагматичности. Его одержимость Лолитой, будучи продуктом искаженного европейского эстетизма, сталкивается с американской реальностью, где подобные изыски либо непонятны, либо осуждаемы. Это порождает глубокий внутренний разлад, который проявляется в его постоянных попытках рационализировать свои действия, апеллируя к "высоким" культурным идеалам, которые в американском контексте выглядят абсурдно и цинично. Его европейское прошлое, вместо того чтобы служить источником мудрости и нравственности, становится опасным орудием для оправдания зла. Он пытается найти в Лолите воплощение своих европейских фантазий, превращая ее в своеобразный "артефакт" из другого мира, который он пытается присвоить и переделать под свои представления о красоте и совершенстве.

Список литературы

1. Бабиков А. Прочтение Набокова. Изыскания и материалы. – СПб.: Иван Лимбах, 2019. – 526 с.
2. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Б. Бойд; пер. с англ. Г. Лапиной. — М.: Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2004. – 928 с.

3. Васильева-Островская Е. Мифология Лолиты. Героиня Набокова в современном искусстве и массовой культуре. – URL: <http://www.netslova.ru/vasiljeva/lolita.html> (дата обращения: 15.12.2025).
4. Клецкая С. И. “Лолита” и “Дар” В. В. Набокова: Сюжетно-событийные параллели // *Litera*. – 2019. – № 2. – С. 193–204. – DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29418.
5. Набоков В. В. Лолита: роман / В. В. Набоков. — М.: АСТ: CORPUS, 2025. — 544 с.
6. Проффер К. Ключи к “Лолите” / К. Проффер; пер. с англ. Е. Г. Суровой. – СПб.: Симпозиум, 2000. – 302 с.
7. Юнг Е. Независимый ад. Русское и советское в англоязычных романах Набокова // Страна и мир. – Мюнхен, 1986. — № 1-2. – С. 161–173.
8. Язык и мышление в контексте полилога / Алиева П.Ш., Богатырева С.Н., Денисенко Е.Г., и др. Курск: Университетская книга. 2025. – 256 с.

Сведения об авторах

Некора Елизавета Дмитриевна – студентка 3 курса, направления подготовки: 45.03.02 «Лингвистика», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). Email: nekoraliza@gmail.com

Научный руководитель – Богатырева Светлана Николаевна, доцент, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Information about the authors

Nekora Elizaveta Dmitrievna – 3rd year bachelor’s degree student majoring in Linguistics (45.03.02), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). Email: nekoraliza@gmail.com

Scientific supervisor – Bogatyreva Svetlana Nikolaevna, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Head of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Никулина Д.О.

УДК: 316.72:821.161.1

РУССКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭМИГРАЦИЯ ПОСЛЕ 1917 Г.: СОХРАНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ЗАПАДНЫМ ОБЩЕСТВОМ

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов сохранения национальной идентичности и форм взаимодействия с западным обществом в русской литературной эмиграции первой волны (1920–1930-е гг.). В противовес противопоставленности «консервация vs. ассимиляция» предлагается модель «диаспорного синтеза», описывающая трансформацию литературной традиции в гибридные формы через усвоение европейского модернизма. Теоретическую рамку образуют концепция «русского европейца» В. К. Кантора и теория культурного трансфера М. Эспаня – М. Вернера. Эмпирическая база включает труды А. Г. Соколова, Е. В. Агеносова, мемуары Д. Мейснера, материалы газеты «Последние новости», энциклопедические издания. Анализ проводится на институциональном (издательства, периодика), поколенческом (стратегии «старшего» и «младшего» поколений) и дискурсивном уровнях. Сравнительное изучение региональных литературных центров (Берлин, Париж, Прага) выявляет вариативность стратегий взаимодействия. Делается вывод, что русская литературная эмиграция сформировала устойчивую модель диаспорной культуры, основанную на синтезе сохранения языка и открытости к европейским эстетическим новациям.

Ключевые слова: русская литературная эмиграция, Русское Зарубежье, культурная идентичность, диаспорный синтез, культурный трансфер, «русский европейец», «Последние новости».

RUSSIAN CULTURAL EMIGRATION AFTER 1917: PRESERVATION OF IDENTITY AND INTERACTION WITH WESTERN SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the analysis of mechanisms for preserving national identity and forms of interaction with Western society in the Russian literary emigration of the first wave (1920s–1930s). In contrast to the opposition of "preservation vs. assimilation," the article proposes a model of "diasporic synthesis," which describes a process whereby literary tradition is not preserved unchanged but is transformed through the assimilation of elements of European modernism, giving rise to hybrid forms. The theoretical framework is formed by V. K. Kantor's concept of the "Russian European" and M. Espagne and M. Werner's theory of cultural transfer. The empirical base includes works by A. G. Sokolov, E. V. Agenosov, memoirs by D. Meisner, materials from the newspaper *Posledniye Novosti* (Latest News), and encyclopedic publications. The analysis is conducted at the institutional level (publishing houses, periodicals), the generational level (strategies of the "older" and "younger" generations), and the discursive level. A comparative study of regional literary centers (Berlin, Paris, Prague) reveals the variability of interaction strategies. It is concluded that Russian literary emigration formed a sustainable model of diasporic culture based on a synthesis of language preservation and openness to European aesthetic innovations.

Keywords: Russian literary emigration, Russian Diaspora, cultural identity, diasporic synthesis, cultural transfer, "Russian European," "Posledniye Novosti" - (Latest News).

Введение

Русская литературная эмиграция после 1917 года — уникальный феномен XX века. За границей оказались многие представители элиты Серебряного века, которым пришлось решать проблему сохранения русского языка и идентичности в новой иноязычной среде. Вопросы взаимодействия с европейским модернизмом и сохранения литературных традиций остаются актуальными.

Большинство исследований сосредоточены на творчестве отдельных авторов и редко рассматривают эмиграцию как единое явление. В модели *диаспорного синтеза* литературная идентичность трансформировалась, обогащаясь европейскими элементами, но сохраняя русское ядро. Методология опирается на концепцию «русского европейца» В. К. Кантора и теорию культурного трансфера М. Эспаня и М. Вернера. Русские писатели-эмигранты выступали посредниками, создавая гибридные формы, которые оказали влияние на европейскую и советскую литературу. Источниковая база исследования включает литературоведческие работы (А. Г. Соколов, Е. В. Агеносов), энциклопедические издания, периодическую печать (газета «Последние новости») и мемуары (Д. Мейснер).

1. *Теоретическая рамка: «русский европеец» и культурный трансфер в литературе.* Генезис фигуры «русского европейца» В. К. Кантор прослеживает от Петровских реформ через рефлексию Чаадаева, славянофилов и западников [3]. К началу XX в. этот тип приобрел устойчивые черты: писатель или мыслитель, владеющий европейскими языками, ориентированный на универсальные ценности, но глубоко укорененный в русской культурной традиции. В Российской империи «русский европеец» часто оказывался в конфликте с государством, подозревавшим его в «непатриотичности». Эмиграция сняла этот конфликт, позволив писателям реализовать свой потенциал в полной мере.

Для литературной эмиграции ключевым стало понятие *культурного трансфера*. М. Эспань и М. Вернер выделяют несколько этапов этого процесса: отбор элементов для переноса (какие европейские литературные техники и темы усваиваются), их адаптацию к новому контексту (перевод на язык русской традиции), институционализацию (создание издательств, журналов, литературных кружков), и, наконец, возможный «возвратный» трансфер (влияние эмигрантской литературы на европейскую и, опосредованно, на советскую) [9]. Русские писатели-эмигранты были активными участниками этого процесса: они переводили европейских авторов, публиковались на европейских языках, участвовали в литературной жизни Парижа, Берлина, Праги, и одновременно сохраняли русский язык как основной инструмент творчества, формируя гибридную эстетику.

2. *Институциональная инфраструктура литературной эмиграции: издательства и периодика*

2.1. *Издательства как центры культурного трансфера.* Согласно «Литературной энциклопедии русского зарубежья», в 1920-е гг. в Европе действовало более 60 русских издательств, специализировавшихся на художественной литературе [4]. Берлин стал главным издательским центром: здесь работали 37 издательств, включая крупнейшие – «Слово», «Геликон», «Петрополис», «Эпоха». Берлинский период (1921–1923) был отмечен «издательским бумом»: тиражи книг русских авторов достигали 10 тыс. экземпляров, они распространялись через немецкие книготорговые сети. Это был пик открытости, когда русская литература активно входила на европейский рынок. Однако гиперинфляция 1923 г. и ужесточение визовой политики привели к сворачиванию берлинской модели; издательский центр переместился в Париж, где условия были менее благоприятными, но более стабильными. В Париже ведущую роль играло издательство YMCA-Press (основано в 1925 г.), ориентировавшееся на эмигрантскую и нелегальную советскую аудиторию, а также издательства «Современные записки» и «Родник».

Важно, что издательства не только печатали русских авторов, но и активно переводили европейскую литературу. В Берлине выходили переводы Франца Кафки, Томаса Манна, Райнера Марии Рильке, Марселя Пруста, Джеймса Джойса. Это знакомило эмигрантских писателей с новейшими европейскими течениями и одновременно формировало вкус русской читающей публики.

2.2. *Периодика как пространство литературной рефлексии.* Периодические издания выполняли не менее важную функцию, чем издательства. По подсчетам, в 1920–1930-е гг. выходило более 200 русских газет и журналов. Крупнейшим литературным журналом были «Современные записки» (Париж, 1920–1940), где публиковались И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. В. Набоков [6], Г. Газданов [2]. Однако наибольшее влияние на повседневную литературную жизнь оказывала ежедневная газета «Последние новости» (Париж, 1920–1940, ред. П. Н. Милюков, затем М. Л. Гольдштейн).

Дискурс-анализ литературного отдела «Последних новостей» за 1920–1929 гг. позволяет выявить несколько стратегий конструирования литературной идентичности. Во-первых, газета систематически публиковала параллельные рубрики о литературной жизни в СССР и в эмиграции, создавая эффект «двойного зрения» – читатель постоянно сопоставлял две ветви русской литературы. Во-вторых, газета активно публиковала

обзоры европейской литературы, рецензии на новые книги Пруста, Джойса, Кафки, что включало эмигрантов в европейский литературный контекст. В-третьих, на страницах газеты разворачивались дискуссии о роли литературы в эмиграции, о допустимости модернистских экспериментов, о сохранении русского языка.

3. Поколенческие стратегии: «старшие» и «младшие» в диалоге с Западом

3.1. «Старшее поколение»: охранение традиции и дистанция от модернизма. А. Г. Соколов в «Судьбах русской литературной эмиграции 1920-х годов» предложил поколенческую типологию, которая остается классической [8]. «Старшее поколение» (писатели, родившиеся до 1880-х гг.) – И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, И. С. Шмелев, А. Т. Аверченко – воспринимало эмиграцию как временное изгнание и стремилось к «охранению» культурного наследия. Их творческая стратегия включала ориентацию на дореволюционные эстетические нормы (классический символизм и реализм), тематическое ядро (осуждение революции, поиск метафизических оснований катастрофы, ностальгия) и дистанцирование от европейского модернизма.

Исключение составлял И. А. Бунин, который, оставаясь глубоко русским писателем, активно участвовал в европейской литературной жизни, был переведен на многие языки и получил Нобелевскую премию (1933). В эстетическом плане Бунин оставался верен реалистической традиции, а его контакты с европейским модернизмом были ограничены. «Старшее поколение» долгое время сохраняло иллюзию скорого возвращения, что влияло на их стратегию взаимодействия с европейским контекстом: они не стремились к активной интеграции, предпочитая сохранять дистанцию.

3.2. «Младшее поколение»: синтез и гибридность. «Младшее поколение» (писатели, родившиеся в 1890–1900-е гг.) – Г. Газданов, Б. Поплавский, В. Набоков, Н. Берберова, Ю. Фельзен – формировалось уже в эмиграции, получало европейское образование и было открыто к модернистским влияниям. Их стратегия – синтез русской психологической прозы с европейским сюрреализмом, экзистенциализмом, техникой «потока сознания». Тематический сдвиг: от «русской катастрофы» к экзистенциальным проблемам одиночества, свободы, абсурда, разворачивающимся в европейском (часто парижском) ландшафте.

Яркий представитель этого поколения – Г. Газданов, чьи романы «Вечер у Клэр» (1929) [2] и «Ночные дороги» (1939) сочетают русскую традицию «лишнего человека» с парижским урбанистическим мироощущением и техникой «потока сознания». В. В. Набоков, начинавший в эмиграции как «Сирин», создал свои первые русские романы («Машенька», «Защита Лужина», «Дар» [6]) в Берлине и Париже, впитыв европейские литературные влияния, но сохраняя уникальный русский язык. Соколов подчеркивает, что «младшее поколение» создало наиболее яркие образцы гибридной литературы, одновременно глубоко русские по языку и психологизму и европейские по эстетике [8]. В. Варшавский в книге «Незамеченное поколение» (1956) назвал этих писателей «незамеченными» именно потому, что они не вписывались ни в традиционалистскую эмигрантскую критику, ни в советскую литературную иерархию, но именно их творчество стало наиболее живым и влиятельным в долгосрочной перспективе [1].

4. Литературные центры эмиграции: Берлин, Париж, Прага

4.1. Берлин (1920–1924) – лаборатория литературного синтеза – превратился в центр литературных экспериментов, где встретились русские писатели разных поколений. Издавались журналы «Новый дом», «Сполохи», «Накануне», выходили

произведения И. Эренбурга, В. Набокова, М. Горького. К 1925 году большинство издательств закрылось, и писатели переехали в Париж. В Берлине впервые произошло взаимодействие русских литераторов с немецким экспрессионизмом и дадаизмом.

4.2. *Париж – главный литературный центр эмиграции* – после 1924 года здесь издавались журналы «Современные записки», «Числа», «Звено», «Русские записки», работали ведущие критики. Сформировались литературные группировки: «парижская нота» во главе с Г. Адамовичем и «перекресток» под руководством В. Ходасевича. Парижская среда была конкурентной и изолированной от французского контекста, что стимулировало интенсивную рефлексию о дальнейшем пути русской литературы.

4.3. *Прага – академический литературный центр*. Пражская эмиграция отличалась академичностью благодаря инициативе чехословацкого правительства — «Русской акции». Здесь трудились литературоведы и критики, выходил журнал «Воля России». Прага привлекала писателей евразийской ориентации. После сокращения государственной поддержки в 1930-х годах пражский центр начал приходить в упадок.

5. *Дискурсы идентичности: язык, традиция, европейское влияние*. Литературная эмиграция породила дискуссии о русской литературе за рубежом. Основные споры касались языка, литературных традиций и отношения к европейскому модернизму. Также обсуждались вопросы «европейства» и «евразийства».

1. Вопрос о языке стал центральным. Одни писатели, такие как Гиппиус и Мережковский, выступали за архаизацию. Другие, включая Газданова, Поплавского и Набокова, стремились к созданию гибкого языка с использованием европеизмов. Адамович предлагал компромисс: заимствования допустимы, но с сохранением русской грамматики и высокого качества переводов.

2. «Старшее поколение» эмигрантов критиковало европейский модернизм за отсутствие формы и потерю духовности. Молодые писатели, такие как Поплавский, Газданов и Набоков, активно осваивали модернистские идеи. Этот спор был не только эстетическим, но и экзистенциальным: должна ли русская литература оставаться реалистической или адаптироваться к новым формам?

3. Дискуссия о «европействе» и «евразийстве»: «Европейцы», включая Милюкова, Бердяева и Адамовича, считали русскую литературу частью европейской культурной традиции. «Евразийцы», такие как Трубецкой и Савицкий, настаивали на уникальности российского пути. Идеи евразийства нашли отражение в работах некоторых писателей и критиков, например, в журнале «Воля России».

6. *Взаимодействие с западной литературой и обратное влияние*

6.1. *Переводы и рецепция русской эмигрантской литературы на Западе* были важным каналом взаимодействия. Русские писатели-эмигранты активно переводились на европейские языки. И. А. Бунин, получивший Нобелевскую премию (1933), стал наиболее известным на Западе. В. Набоков, начавший писать по-английски в конце 1930-х гг., стал одним из ключевых фигур американской литературы. Г. Газданов переводился на французский и пользовался успехом у французских критиков [2]. Однако процесс перевода был избирательным: на Западе охотнее переводили авторов, чьи произведения были близки к европейским эстетическим стандартам, что стимулировало писателей к дальнейшей адаптации.

6.2. *Влияние на западную литературу русской эмигрантской литературы* было менее заметным, чем влияние досоветской литературы (Достоевский, Толстой были

уже канонизированы), но оно существовало. Французские экзистенциалисты (А. Камю, Ж.-П. Сартр) читали Бердяева и Шестова, их идеи о свободе, абсурде, бунте перекликались с темами «младшего поколения» эмигрантской прозы. Однако прямое влияние было ограниченным: русская эмигрантская литература оставалась прежде всего литературой для русских, даже когда она создавалась в Париже.

6.3. «Возвратный трансфер»: влияние на советскую литературу эмигрантской литературы оказалось значительным, хотя и в опосредованной форме. В 1920-е гг. советские писатели (М. Горький, А. Толстой, И. Эренбург) активно публиковались в эмигрантских изданиях, знакомясь с новыми тенденциями. В 1960-е гг., с началом «оттепели», произведения эмигрантских авторов (Набоков, Газданов) стали проникать в СССР, оказывая влияние на позднесоветскую литературу. Культурный трансфер оказался двусторонним: эмигрантская литература, впитав европейские влияния, через несколько десятилетий вернулась в Россию, обогатив ее литературный язык и тематику.

Заключение

Русская литературная эмиграция после 1917 года создала синтез европейского модернизма и дореволюционной традиции. Механизмами консервации и культурного трансфера служили литературные институты. «Старшее поколение» (Бунин, Гиппиус, Мережковский) сохраняло дореволюционные традиции, а «младшее» (Набоков, Газданов, Поплавский) синтезировало русскую прозу с авангардными техниками. Региональные центры (Берлин, Париж) стимулировали литературную динамику, но не достигли баланса между открытостью и автономией. Эмиграция дала миру Бунина и Набокова, обогатив русскую и западную культуру. Их опыт показывает, что сохранение идентичности возможно через культурный трансфер. Мемуаристы, такие как Д. Мейснер в «Миражах и действительности», описывают тяжелую жизнь эмигрантов, вынужденных работать на неквалифицированных должностях, что отражалось в их произведениях. Феномен «миражей» – иллюзий о возвращении – влиял на литературную стратегию, пока писатели не признали постоянную эмиграцию [5]. «Незамеченное поколение» воспринимало Европу как дом и воплотило модель диаспорного синтеза в своей литературе.

Список литературы

1. Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 392 с.
2. Газданов Г. Вечер у Клэр. Париж: Изд-во «Современные записки», 1929. 210 с.
3. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН, 2001. 704 с.
4. Литературная энциклопедия русского зарубежья: в 4 т. / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: РОССПЭН, 1997–2006.
5. Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. – М.: Новое литературное обозрение, 1966. 382 с.
6. Набоков В. В. Дар. – Париж: Изд-во «Современные записки», 1938. – 300 с.
7. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / под общ. ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997. 748 с.
8. Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М.: Изд-во МГУ, 1991. 184 с.
9. Эспань М., Вернер М. Культурный трансфер и история идей // История идей: историография и методология. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 212–240.

Сведения об авторах

Никулина Диана Олеговна – студентка 1 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: vika0805200510@gmail.com

Научный руководитель – Алиева Патимат Шапиулаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

Information about the authors:

Nikulina Diana Olegovna – 1st year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: vika0805200510@gmail.com

Scientific supervisor – Aliyeva Patimat Shapiulayevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: patima.alieva@yandex.ru

Трушина К.С.

УДК 159.9 (075.8)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ РЕЧЕВЫХ НАРУШЕНИЙ У ДЕТЕЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретических основ коррекции речевых нарушений у детей (алалии). Цель исследования: изучить теоретические основы коррекции алалии и определить ключевые принципы коррекционной работы с детьми, имеющими данное речевое нарушение. В рамках исследования решались следующие задачи: проанализировать научные подходы к определению и характеристике алалии; выявление психолого-педагогических особенностей детей с нарушениями речевых функций; обобщение теоретических принципов психолого-педагогической коррекции; характеристика основных направлений коррекционной работы; определение условия эффективности коррекционного воздействия. В статье раскрываются современные научные представления о природе алалии, её психолого-педагогических проявлениях и механизмах формирования речевого дефекта. Обобщены основные принципы коррекционного воздействия, основанные на положениях системного, деятельностного и индивидуально-дифференцированного подходов, представленных в трудах Л.С. Выготского и А.Р. Лурии. Рассмотрены ключевые направления логопедической работы и условия эффективности коррекционного процесса. Подчеркивается значение ранней диагностики и комплексного сопровождения детей с тяжелыми нарушениями речи.

Ключевые слова: речевые функции, речевые нарушения, коррекция речи, дети с ОВЗ, психолого-педагогическая помощь, логопедическая помощь, нейропсихологический подход.

Trushina K.S.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CORRECTION OF SPEECH DISORDERS IN CHILDREN

Abstract. The article is devoted to the analysis of the theoretical foundations of the correction of speech disorders in children (alalia). The purpose of the study is to explore the theoretical foundations of the correction of alalia and to identify the key principles of the correctional work with children who have this speech disorder. The following objectives were addressed in the study: to analyze the scientific approaches to the definition and characteristics of alalia; to identify the psychological and

pedagogical features of children with speech disorders; to summarize the theoretical principles of psychological and pedagogical correction; The article describes the main directions of correctional work and the conditions for its effectiveness. It presents modern scientific views on the nature of alalia, its psychological and pedagogical manifestations, and the mechanisms of speech defect formation. The article summarizes the main principles of correctional intervention based on the systemic, activity-based, and individual-differentiated approaches presented in the works of L.S. Vygotsky and A.R. Luria. It also discusses the key areas of speech therapy and the conditions for the effectiveness of the correctional process. The importance of early diagnosis and comprehensive support for children with severe speech disorders is emphasized.

Keywords: speech functions, speech disorders, speech correction, children with disabilities, psychological and pedagogical assistance, speech therapy assistance, neuropsychological approach.

Введение

Речевые нарушения у детей, в частности такой дефект, как алалия, представляет собой одну из наиболее сложных и актуальных проблем в области дефектологии и логопедии, требующую комплексного междисциплинарного подхода для своего изучения и преодоления. В условиях растущей распространенности тяжелых нарушений речи, обусловленных органическими поражениями центральной нервной системы, наблюдается острая необходимость в модернизации теоретических и методологических стратегий коррекционной работы.

Алалия является не только фактором, затрудняющим развитие речевой функции, но и существенно влияет на когнитивные процессы, эмоциональное состояние и социальную адаптацию ребенка. В контексте инклюзивного образования, где интеграция детей с особыми образовательными потребностями становится приоритетом, возникает необходимость в научно обоснованных принципах и направлениях коррекционной помощи, что требует углубленного исследования и систематизации существующих теоретических концепций. Теория Л.С. Выготского и А.Р. Лурии стала основой для создания системных и нейропсихологических методов исследования речевых нарушений. Тем не менее, современные реалии диктуют необходимость дальнейшего углубленного анализа и интеграции этих теоретических положений с учетом новейших достижений в области нейропсихологии и когнитивной науки для разработки эффективных стратегий коррекции алалии.

Понятие и характеристика речевых нарушений. Нарушение речевой функции – алалия – отсутствие или недоразвитие речи вследствие органического поражения речевых зон ребенка. Термин «алалия» (от греч. а – отрицание, *lalio* – говорю, речь) – в переводе отсутствие речи, безречь – встречается в литературе, посвященной нарушениям речи, с давних пор. Кроме термина «алалия», для обозначения этого нарушения речи в научной литературе (особенно зарубежной) используются и многие другие термины: «врожденная афазия», «онтогенетическая афазия», «афазия развития», «дисфазия», «задержка речевого развития», «конституциональная задержка речи», «нарушенное усвоение языка», «слухонемота» и другие понятия.

Основные формы речевых нарушений, а именно алалии, следующие.

1. *Моторная алалия* — это системное недоразвитие экспрессивной речи центрального органического характера, обусловленное несформированностью языковых операций процесса порождения речевых высказываний при относительной сохранности смысловых и сенсомоторных операций.

2. *Моторная эфферентная алалия* связана с поражением постцентральной области коры головного мозга, где происходит анализ импульсов, полученных от речевых мышц. Моторную эфферентную алалию вызывает поражение премоторной области и центральной или Роландовой борозды.

3. *Сенсорная алалия* – при поражении слуховых зон ребенок плохо дифференцирует фонемы и отдельные слова. На первый план выступает непонимание речи – первично нарушена импрессивная речь. Вторично страдает говорение – экспрессивная речь.

В отечественной дефектологии теоретическое осмысление алалии опирается на *культурно-исторический и нейропсихологический подходы*, представленные в трудах Л.С. Выготского и А.Р. Лурия.

Согласно положениям, изложенным в трудах «Основы дефектологии» и «Мышление и речь», речевой дефект рассматривается как системное нарушение развития высших психических функций. Лев Семёнович Выготский подчеркивал, что «всякий дефект создает не только ограничение, но и стимул к развитию» [2]. Первичный биологический дефект обуславливает возникновение вторичных отклонений в психическом развитии ребёнка. «Первичный дефект вызывает вторичные осложнения в развитии ребенка» [2]. Недоразвитие речи влияет на формирование мышления, общения и личности, что требует направленного педагогического воздействия «отношение мысли к слову есть, прежде всего, не вещь, а процесс... Мысль не выражается в слове, но совершенствуется в слове» [1]. Коррекционное обучение, должно быть ориентировано на перестройку всей системы психических функций посредством специально организованного обучения и опоры на сохранные возможности ребёнка [8].

Нейропсихологическое объяснение речевых нарушений представлено в работах «Высшие корковые функции человека» и «Основы нейропсихологии». Речь рассматривается как результат функционирования сложных мозговых систем, включающих различные корковые зоны. Нарушение формирования этих систем вследствие раннего органического поражения мозга определяет структуру речевого дефекта. Диагностика направлена на выявление нарушенного звена функциональной системы, поскольку «каждая высшая психическая функция обеспечивается совместной работой ряда мозговых зон» [5]. Восстановительное обучение строится на принципе системного восстановления речевой деятельности и опоры на сохранные анализаторные механизмы.

Психолого-педагогические особенности детей с речевыми нарушениями.

Дети с алалией страдают нарушениями речи, познавательной сферы и личностными особенностями, вызванными недоразвитием речемыслительной функции при нормальном интеллекте. Их речь характеризуется малым лексическим запасом, нарушением звукопроизношения, затруднением дифференциации грамматических форм, сложностями с построением фраз и несформированностью связной речи. Они часто заменяют звуки в словах, навязчиво повторяют звуки или слова, пропускают звуки, используют односоставные предложения и жесты для компенсации недостающих частей фраз. [7]

У детей с алалией наблюдаются недоразвитие высших психических функций, таких как память, внимание, мышление, а также их произвольность. Память у них

сужена по объёму, быстро угасает, ограничено удержание словесных раздражителей, особенно страдает вербальная память. Интеллектуальная деятельность характеризуется вторичной задержкой умственного развития, проявляющейся в пробелах в знаниях, примитивизме и конкретности мышления. Интеллектуальная недостаточность усугубляется утомляемостью, снижением внимания, памяти и нарушением работоспособности. [7]

Дети с алалией часто проявляют неуверенность в себе, замкнутость и негативизм. Они могут быть раздражительными, обидчивыми и склонными к слезам. Речь используется ими преимущественно в эмоционально окрашенных ситуациях. В игре со сверстниками они выполняют роль ведомого из-за недостаточных коммуникативных навыков. С возрастом негативное влияние речевой недостаточности может привести к немотивированной агрессии, раздражительности, замкнутости и неспособности доводить дело до конца. [7]

Теоретические основы психолого-педагогической коррекции алалии составляет положение о системной организации речевой деятельности и её связи с развитием высших психических функций. Речевое недоразвитие рассматривается как системное нарушение, оно затрагивает понимание, программирование и реализацию высказывания, что определяет необходимость комплексного коррекционного воздействия.

Коррекционная работа строится на принципах системности, комплексности, деятельностного подхода и индивидуализации обучения. Воздействие направлено не на отдельные симптомы, а на взаимосвязанное развитие всех компонентов речевой деятельности ребёнка. Основные направления коррекции включают развитие понимания речи, формирование словаря, развитие грамматического строя и связной речи, а также совершенствование психических функций, обеспечивающих речевую деятельность. [8]

Условия эффективности коррекционной работы.

Эффективность коррекции алалии определяется ранним началом педагогической помощи, комплексным сопровождением ребенка и системной организацией коррекционного процесса. Ключевое условие – ранняя диагностика речевого недоразвития и своевременное начало коррекционной помощи. Ранняя организация педагогического воздействия способствует более полной реализации компенсаторных возможностей ребенка.

Необходим комплексный характер сопровождения, который предполагает взаимодействие логопеда, психолога, педагога и семьи. Согласованность коррекционных воздействий обеспечивает целостность и результативность педагогической помощи. [8]

Существенное значение имеет специально организованная речевая среда, обеспечивающая постоянную стимуляцию речевого общения и включение ребенка в разнообразные виды коммуникативной деятельности с детьми и взрослыми. Систематичность и поэтапность коррекционной работы способствуют закреплению сформированных речевых навыков и постепенному усложнению речевой деятельности.

Заключение

Теоретические основы коррекции алалии опираются на междисциплинарный подход, требующий глубокого анализа механизмов возникновения речевого расстройства и учёта закономерностей речевого и общего развития ребёнка. Для достижения оптимальных результатов коррекции необходимо провести многоаспектный анализ патологии, только в этом случае можно будет разработать индивидуализированные программы, стимулирующие все компоненты речевой деятельности ребёнка и обеспечивающие его успешную интеграцию в коммуникативное пространство. Понимание фундаментальных теоретических основ позволяет специалистам выбирать наиболее эффективные методы и стратегии, способствующие преодолению речевого недоразвития и успешной социальной адаптации детей с алалией.

Список литературы

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
2. Выготский Л. С. Основы дефектологии. — СПб.: Лань, 2003. — 654 с.
3. Гутник, Е. П. Клинико-психолого-педагогическая характеристика детей с алалией / Актуальные вопросы современной педагогики: материалы X Междунар. науч. конф. — Самара: АСГАРД, 2017. — С. 113-118. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/212/11944>.
4. Логопедия: Учебник для студентов дефектол. фак. пед. вузов / Под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. — М.: ВЛАДОС, 1998. — 680 с.
5. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 374 с.
6. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека — СПб.: Питер, 1962. — 768 с.
7. Шафажинская Н.Е. Дефектология / Н.Е. Шафажинская, И.В. Положенцева, Г.Н. Юлина. — М.: Инфра-М, 2023. 180 с. — EDN: NCLDKR
8. Шафажинская Н.Е. Современные психолого-педагогические технологии в дефектологии и коррекционной педагогике / Н.Е. Шафажинская, Г.Н. Юлина, И.В. Положенцева, Р.С. Рабаданова, В.В. Калита. — М.: Ваш формат. 2022. — 254 с. — EDN: TGFEFF

Сведения об авторах

Трушина Кристина Сергеевна — студентка 2 курса, направления подготовки: 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: trushina.hristina@yandex.ru

Шафажинская Наталия Евгеньевна — доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Information about the authors

Trushina Kristina Sergeevna — 2nd year bachelor's degree student majoring in Psychological and pedagogical Education (44.03.02), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: trushina.hristina@yandex.ru

Scientific supervisor – Shafazhinskaya Natalia Evgenievna, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Pedagogy and Psychology of Vocational Education Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: shafazhinskaya@mail.ru

КРИТИКА МОНОГРАФИИ Р.Ю. ВИППЕРА «ИВАН ГРОЗНЫЙ» В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу критики монографии Роберта Юрьевича Виппера «Иван Грозный», которой книга подверглась в послевоенной историографии. Основная гипотеза исследования заключается в том, что критическое отношение советских историков к этой работе в 1950–1960-е гг. обусловлено во многом политическими обстоятельствами – борьбой с культом личности И.В. Сталина, объявленной на XX съезде КПСС. Цель работы рассмотреть суть критики взгляда Виппера на грозненское время в послевоенной историографии. Работа представляет собой историографический очерк, предметом исследования которой являются научные монографии, статьи и архивные материалы, принадлежавшие советским ученым в рассматриваемый период.

Ключевые слова: культ личности И.В. Сталина, Иван Грозный, послевоенная историография.

Prokoshev V.A.

CRITICISM OF R.Y. VIPPER'S MONOGRAPH "IVAN THE GLOOMY" IN THE POST-WAR YEARS

Abstract. This article, based on the results of a report, analyzes the criticism of Robert Yuryevich Vipper's monograph "Ivan the Terrible" in postwar historiography. The study's main hypothesis is that the critical attitude of Soviet historians toward this work in the 1950s and 1960s was largely due to political circumstances—the fight against the personality cult of I.V. Stalin, declared at the 20th Congress of the CPSU. The purpose of this article is to examine the credibility of Vipper's view of the Grozny period in postwar historiography. The work is a historiographic essay, the subject of which is scientific monographs, articles and archival materials belonging to Soviet scientists during the period under review.

Keywords: the cult of personality of I.V. Stalin, Ivan the Terrible, postwar historiography.

В годы Великой Отечественной войны, для борьбы с нацистской пропагандой и укрепления патриотизма, Виппер переработал свою монографию «Иван Грозный», впервые вышедшую в начале 1920-х. 7 июня 1942 года в Ташкенте в эвакуации, он представил доклад «Борьба Ивана Грозного с изменой и интервенцией в Московское государство», который лёг в основу нового издания монографии «Иван Грозный». В тексте появились ссылки на Маркса и Сталина, новая глава «Борьба с изменой» и патриотическая риторика военного времени.

Концепция Р.Ю. Випера получила поддержку коллег. С.В. Бахрушин и И.И. Смирнов, издавшие свои работы об Иване Грозном, разделяли его взгляды на прогрессивность причинны как военной реформы. В конце 1940-х годов высокую оценку идеям Виппера дал И.У. Будовниц, который разработал на их основе собственную концепцию «прогрессивного централизаторского курса» Ивана IV.

В 1956 году на XX съезде КПСС подверглись осуждению культ личности Иосифа Виссарионовича Сталина и косвенно все идеологическое наследие сталинской эпохи. После этого началась кампания по пересмотру прежних исторических концепций, наступила пора ниспровержения авторитетов в науке и культуре. В этой политической обстановке новое поколение историков обрушило шквал критики на монографию «Иван Грозный» Виппера без учета особенностей его методологии и

внешнеполитического контекста переизданий 1940-х гг., нацеленных на борьбу с историческими фальсификациями немецкой пропаганды.

Доклады Дубровского и Шмидта побудили коллег заняться радикальной переоценкой монографии Виппера с методологических позиций. В 1960-е годы историк Александр Александрович Зимин, ученик Бахрушина, упрекал Роберта Юрьевича уже не только в непомерной идеализации личности Ивана IV, но и в «отсутствии классового анализа» грозненской эпохи. Ссылаясь Владимира Ильича Ленина, который характеризовал виPPERовскую методологию как «прислужничество господствующей буржуазии», Зимин заявлял о полном отрыве трудов Виппера «от социально-экономической истории и классовой борьбы».

Критика методологии Виппера как «ненаучной» с позиции классового анализа и марксистско-ленинского учения представляется неоправданной. Исследовательский подход Роберта Юрьевича принципиально отличался от марксистской историографии. 1. Виппер никогда не симпатизировал коммунистам и не характеризовал Россию как «азиатскую страну», хотя влияние традиций азиатской государственности отмечал. Из-за полемики с Лениным и Покровским он и эмигрировал в Латвию. 2. Ссылки на Ленина, наследие которого в 60-х годах активно актуализировалось, отражают дискуссию 20-х годов, а не 40-х, что доказывает их неприменимость к последним изданиям монографии «Иван Грозный». 3. Вопросы социально-экономической истории в целом и земельной собственности в частности, слабо разработанные в первой половине XX века, в его сочинении занимали периферийное положение.

Критика монографии Виппера «Иван Грозный» в 1950-1960-х годах была явно обусловлена идеологической конъюнктурой. Впоследствии с научной точки зрения она оказалась несостоятельной, но успела создать стереотип восприятия этого труда как «ненаучного». Вслед за Шмидтом, который в поздних работах утверждал, что вернувшийся из эмиграции Виппер вольно или невольно адаптировал свои взгляды, чтобы оправдать репрессивную политику Сталина, современные исследователи, в частности Илизаров, видят в работе Роберта Юрьевича отражение сталинской идеологии, проводя аналогии между апологией Грозного и культом личности Сталина. Такая интерпретация не учитывает методологические особенности виPPERовского подхода и военно-политический контекст 1940-х годов, когда переработанное издание «Ивана Грозного» служило целям антифашистской пропаганды.

Список литературы

1. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. 1-е изд. — М.: Дельфин, 1922. — 115 с.
2. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. 2-е изд. — Ташкент: Госиздат УзССР, 1942. — 160 с.
3. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. 3-е изд. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. — 160 с.

Сведения об авторе

Прокошев Владимир Анатольевич – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кафедра источниковедения исторического факультета, Москва, Россия. E-mail: Vladimir.p.a@yandex.ru

Information about the author

Prokoshev Vladimir Anatolyevich – Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Department of Source Studies, Faculty of History, Moscow, Russia. E-mail: Vladimir.p.a@yandex.ru

УДК 372.8.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ШКОЛАХ

Аннотация. В научной работе автор поднимает проблему низкой эффективности традиционных методов преподавания истории в школе, подчёркивая недостаточную привлекательность учебной дисциплины для школьников. Предлагается решение путём активного вовлечения исторических музеев в образовательный процесс, отмечая их уникальный ресурс в передаче эмоций, опыта и образов прошлого. Рассматриваются преимущества посещения музеев учениками: установление прочных ассоциаций с историческим материалом, улучшение восприятия и понимания сложных явлений, стимуляция познавательной активности. Особое внимание уделяется роли музеев в формировании исторического сознания молодёжи, их возможностям в повышении общего уровня культуры и воспитания патриотизма. Изучаются способы интеграции музейных экспозиций в школу, предложены инновационные подходы, помогающие сделать уроки более интересными и продуктивными. Автор подчеркивает необходимость внедрения новейших педагогических технологий и тесного сотрудничества учителей и работников музеев.

Ключевые слова: школьное образование, методика преподавания, историческое сознание, исторические музеи, культурное наследие, история, образовательный процесс.

Shatohina A.A.

THE IMPORTANCE OF HISTORICAL MUSEUMS IN TEACHING HISTORY IN SCHOOLS

Abstract. In his scientific work, the author raises the problem of the low effectiveness of traditional methods of teaching history at school, emphasizing the lack of attractiveness of the academic discipline for schoolchildren. A solution is proposed by actively involving historical museums in the educational process, noting their unique resource in conveying emotions, experiences and images of the past. The advantages of visiting museums by students are considered: establishing strong associations with historical material, improving perception and understanding of complex phenomena, stimulating cognitive activity. Special attention is paid to the specific role of museums in shaping the historical consciousness of young people, their capabilities in raising the general level of culture and fostering patriotism. The main ways of integrating museum exhibitions into schools are studied, innovative approaches are proposed to make lessons more interesting and productive. The author emphasizes the need for close cooperation between teachers and museum staff, as well as the introduction of the latest pedagogical technologies.

Keywords: school education, teaching methods, historical consciousness, historical museums, cultural heritage, history, educational process.

Введение

История является одной из ключевых дисциплин школьного курса, поскольку формирует представление учеников о прошлом своего народа, государства и человечества в целом. Однако традиционные методы обучения зачастую ограничиваются теоретическими лекциями и учебниками, что затрудняет восприятие материала учащимися и снижает интерес к предмету. Именно здесь важную роль играют исторические музеи, способные дополнить традиционное обучение наглядностью, эмоциональностью и интерактивностью.

Исторические музеи позволяют школьникам увидеть артефакты, услышать рассказы экскурсоводов, поучаствовать в тематических мероприятиях и почувствовать себя частью живой истории. Это способствует созданию прочных ассоциаций, лучшему запоминанию фактов и пониманию связей между эпохами и событиями. Важно отметить, что посещение музеев помогает формировать историческое сознание, которое включает способность анализировать события прошлого, оценивать их влияние на современность и предвидеть последствия будущих действий.

Изучение значения исторических музеев в образовательном процессе становится актуальным направлением исследования, позволяющим совершенствовать методику преподавания истории и повышать качество образовательного процесса.

Результаты исследования

Историко-культурное наследие – это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями, сохранившихся до наших дней и представляющих культурную ценность для настоящего поколения. Оно охватывает архитектурные памятники, произведения искусства, предметы быта, археологические находки, литературные и музыкальные творения, обычаи и традиции народов. Такое наследие играет важнейшую роль в сохранении национальной самобытности, развитии культурного самосознания и идентификации нации.

Для современной педагогики особенно важно привлечение внимания учащихся к наследию прошлых поколений, поскольку оно позволяет сформировать уважение к своим корням, понимание общечеловеческих ценностей и развить чувство ответственности перед будущими поколениями. Таким образом, знакомство с историко-культурным наследием оказывает непосредственное воздействие на развитие исторического сознания молодых людей.

Исторические музеи – это специализированные учреждения, предназначенные для сбора, хранения, изучения и демонстрации объектов материальной культуры, имеющих важное значение для науки, просвещения и эстетического развития населения. Они выполняют ряд функций, среди которых наиболее важными являются образовательные, просветительные, научные и культурные.

Образовательная функция заключается в предоставлении посетителям возможности познакомиться с историей родного края, страны и мира в целом. Просветительная функция направлена на формирование у зрителей представлений о культурных достижениях человечества, стимулирование интереса к науке и искусству. Научная деятельность предполагает проведение исследований, публикацию научных трудов и участие в конференциях. Культурная функция выражается в организации мероприятий, направленных на повышение уровня общей культуры и воспитание уважения к культуре разных народов.

Особое внимание уделяется работе музеев с молодежью, включая детей дошкольного возраста, школьников и студентов. Современные подходы предполагают активное использование интерактивных форматов, виртуальных технологий и мультимедийных ресурсов, позволяющих сделать процесс познания увлекательным и доступным даже для младших возрастных групп.

Одним из эффективных способов интеграции музейных коллекций в учебный процесс является организация экскурсий и практических занятий непосредственно в музее. Экскурсионные программы помогают ученикам лучше усвоить материал,

расширить кругозор и выработать умение критически воспринимать информацию. Например, экскурсия по экспозиции музея Великой Отечественной войны позволит наглядно представить события военного периода, глубже понять причины победы советского народа над фашизмом и оценить вклад каждого гражданина в общее дело.

Музеи предоставляют возможность организовать исследовательские проекты, направленные на самостоятельное изучение отдельных аспектов истории. Ученики могут подготовить доклады, презентации, стенгазеты, посвященные памятникам архитектуры, произведениям живописи или другим объектам музейного фонда. Такие мероприятия способствуют активизации творческих способностей школьников, развитию коммуникативных навыков и углублению понимания изучаемого предмета.

Использование материалов музеев на уроках открывает новые перспективы для педагогов. Преподаватели получают доступ к уникальным источникам информации, которые невозможно найти в книгах или интернете. Учащиеся знакомятся с оригинальными предметами эпохи, узнают подробности повседневной жизни предков, постигают искусство и ремесла предыдущих веков. Это создает дополнительную мотивацию к обучению и улучшает качество восприятия учебного материала.

Важным аспектом данной темы является методика работы с музейными экспонатами. Она должна учитывать возрастные особенности учащихся, их уровень подготовки и цели конкретного занятия. Наиболее распространенными методами являются демонстрационные показы, обсуждение экспонатов, создание рассказов и письменных работ на основе увиденного, проведение игровых заданий и викторин.

Демонстрационный показ подразумевает организацию экскурсии или классного часа, где учитель демонстрирует образцы экспонатов и комментирует их значимость. Обсуждение экспонатов развивает навыки анализа и интерпретации исторических документов, формируя умение аргументированно выражать свою точку зрения. Создание рассказов и письменных работ помогает развивать творческие способности и повышает интерес к истории.

Игровые задания, конкурсы и викторины делают процесс обучения интересным и динамичным. Эти формы работы активизируют мыслительную активность учащихся, развивают воображение и повышают заинтересованность предметом. Особенно эффективны игровые методики при изучении древних цивилизаций, военной истории и народных традиций.

Работа с музейными материалами требует тщательного отбора экспонатов и продуманного подхода к составлению учебных планов. Необходимо определить цели урока, подобрать соответствующие экспонаты и разработать сценарий занятия таким образом, чтобы обеспечить максимальную эффективность воздействия на аудиторию.

Заключение

Исследование показало, что исторические музеи обладают значительным потенциалом в образовательной сфере, способствуя формированию исторического сознания молодежи и повышению качества обучения истории. Музейные коллекции предлагают уникальные возможности для погружения учащихся в прошлое, позволяя наглядно изучать материальные свидетельства различных эпох и культур. Интерактивные форматы, современные технологии и специальные образовательные программы превращают музей в пространство живого взаимодействия с историей, делая уроки интересными и познавательными.

Исторические музеи занимают особое место в учебно-воспитательном процессе школы, выступая источником дополнительной информации и инструментом повышения мотивации учащихся к познанию истории. Регулярное включение музейных экспозиций в программу уроков позволяет повысить интерес школьников к истории, создать условия для творческого развития личности и укрепить связи между прошлым и настоящим.

Полноценному освоению потенциала музеев препятствуют трудности: нехватка квалифицированных кадров, недостаток финансирования, устаревшие технологии. Важной задачей современного образования является разработка новых подходов к сотрудничеству музеев и образовательных учреждений, внедрение инновационных методов работы с экспозициями и расширение доступности цифровых версий музейных фондов. Только совместные усилия педагогов, ученых и сотрудников музеев позволят реализовать весь потенциал историко-культурного наследия в обучении и воспитании молодого поколения россиян.

Список литературы

1. Зайцев И.Н., Школьников Ю.А. Музей в системе дополнительного образования // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2018. № 2. С. 112-120.
2. Петров Н.В. Музей как ресурс повышения качества образования // Народное образование. 2019. № 6. С. 54-61.
3. Семенов Е.И. Интерактивные методы работы с музейными объектами в школе // Вопросы теории и практики гуманитарных наук. 2020. Т. 13. № 1. С. 78-84.
4. Фролова О.Б. История и культура в школьных программах и музейных экспозициях // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3. С. 102-108.
5. Хохловская Г.П. Формирование исторического сознания школьников средствами музееведения // Педагогическое образование в России. 2022. № 2. С. 93-99.

Сведения об авторах

Шатохина Алина Александровна – студентка 3 курса, направления подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование», МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). Email: alina-shaxna@mail.ru

Научный руководитель – Богатырева Ольга Васильевна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ). E-mail: bogat69@mail.ru

Information about the authors

Shatohina Alina Aleksandrovna – 3rd year bachelor's degree student majoring in Pedagogical Education (44.03.01), K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). Email: alina-shaxna@mail.ru

Scientific supervisor – Bogatyreva Olga Vasilyevna, Associate Professor, Candidate Pedagogical Sciences, Associate Professor of the History Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (FCU). E-mail: bogat69@mail.ru